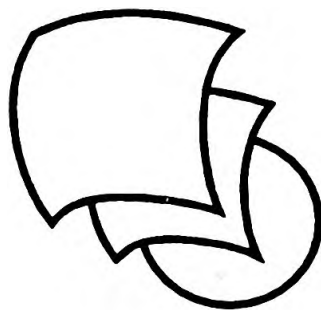


**ARCHAEOLOGIA
PETROPOLITANA**

I

PETROPOLI
MCMXCVI



1996

PRESIDIUM OF THE ST.PETERSBURG ACADEMIC CENTRE
ACADEMIC COUNCIL ON HISTORICAL-ARCHEOLOGICAL RESEARCHES
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
INSTITUTE OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE
(ST.PETERSBURG BRANCH)

ARCHAEOLOGIA
PETROPOLITANA

1/1996

St.Petersburg
1996

ПРЕЗИДИУМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ
ИССЛЕДОВАНИЯМ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ РНИИ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА

I/1996

Санкт-Петербург
1996

Археология Петербурга
1/1996

Под общей редакцией академика А.А.Фурсенко

Редакционная коллегия: С.В.Белецкий (отв.секретарь), Г.С.Лебедев
(отв.редактор), В.М.Массон, В.А.Тюленев

Адрес редакции: Россия, 195253, Санкт-Петербург, а/я № 71

Издательская группа: В.Я.Стеганцева, О.А.Щеглова, К.А.Матехин

Обложка: идея Г.С.Лебедева, художник О.В.Гончаренко.

ISBN 5-201-01184-5 (1/96)

ОТ РЕДАКЦИИ

Археология в Петербурге имеет глубокие исторические традиции: здесь начиналась российская археология. Многолетняя традиция проведения раскопок в крупных городских центрах Северной Руси (Ладога, Новгород, Псков) привела к созданию в Петербурге одной из ведущих школ российской урбанистической археологии. Именно здесь впервые в России были проведены раскопки культурного слоя XVIII–XIX вв. И именно здесь появилось первое монографическое исследование материальной культуры русского города эпохи Нового времени (А.Д.Грач), до сих пор не оцененное по достоинству.

Российская археология эпохи Нового времени, являющаяся аналогом европейской постсредневековой археологии, долгое время официально не признавалась полноправной областью археологических знаний. В настоящее время она получила права гражданства: исследования древностей XVIII–XIX вв. проводятся в разных регионах России. Однако археологическое изучение Петербурга до сих пор остается самой острой проблемой постсредневековой российской археологии. Исследования в черте города проводились в разные годы от случая к случаю. Фактически, все еще не сформировалось отчетливое представление о потенциальных возможностях археологии в изучении исторических судеб Петербурга. Более того, до настоящего времени не поставлен на государственную охрану культурный слой Петербурга: центральные районы города включены в объединенную охранную зону, однако критерием постановки на охрану является, прежде всего, наличие архитектурных сооружений, а охрана археологического культурного слоя как памятника истории и культуры не предусмотрена. Результатом такого отношения стало масштабное уничтожение (особенно в последние десятилетия) культурного слоя Петербурга XVIII–XIX вв.

Альманах "Археология Петербурга" (*Archaeologia Petropolitana*) издается Советом по историко-археологическим исследованиям при Президиуме Петербургского Научного центра, при участии Института истории материальной культуры РАН и Санкт-Петербургского филиала РНИИ культурного и природного наследия. Альманах призван объединить научный потенциал петербургской (и шире — европейской) археологической науки вокруг проблем изучения материальной культуры мегаполиса эпохи Нового времени. Однако альманах задуман не только как первое в России специализированное издание материалов и исследований по проблемам постсредневековой археологии. Материальная культура России эпохи Нового времени не изолирована ни от предшествующих эпох, ни от взаимовлияний и взаимопроникновений с материальной культурой соседних народов, а создание Петербурга явилось закономерным этапом в историческом развитии России.

Поэтому естественным является включение в круг научных проблем, обсуждаемых на страницах альманаха, различных вопросов истории и культуры России и ее соседей эпохи средневековья и Нового времени. Но судьбы Петербурга — этап в развитии не только России: унаследовав от Ладоги и Новгорода, первых столиц Российского государства, значение центра Северной Руси, Петербург с момента своего основания стал органической составной частью Балтийского региона Европы. Судьбы "Балтийской цивилизации" от эпохи викингов и вплоть до Нового времени составляют одну из центральных проблем, обсуждения которых предполагается на страницах альманаха. Спецификой города на Неве — морского окна в Европу — являются и уникальные возможности подводной археологии, объектами которой становятся не только остатки затонувших кораблей, но и памятники морской фортификации; вопросы морской и подводной археологии также находятся в числе приоритетных научных проблем, обсуждение которых предполагается на страницах нашего издания.

Выход первого номера альманаха "Археология Петербурга" приурочен к открытию VI Международного Конгресса славянской археологии в Новгороде. Господин Великий Новгород — приемник Ладоги и предшественник Петербурга — долгое время являлся фактической второй столицей Российского государства: после Киева, позднее — Владимира и Москвы. На протяжении всей эпохи средневековья Новгород оставался основным российским "окном в Европу". Именно это особое положение среди городов России унаследовала от столицы Северной Руси северная столица России.

Приветствуя участников Конгресса, редколлегия приглашает коллег к сотрудничеству. Издание безгонорарное. Статьи, выступления в дискуссии (объем до 20 стр. машинописного текста через 2 интервала со стандартными полями на листах формата А4), сообщения, хроника и персоналии (объем до 5 стр.) представляются в 2 экз. Полиграфические возможности заставляют ограничиваться графическими иллюстрациями (формат А4). Рабочие языки издания: славянские, английский, немецкий. Точность цитат и научный аппарат авторские. Материалы на славянских языках необходимо сопроводить резюме (2–4 стр.) на английском языке. Желательно представление материала в электронном виде (тексты — в форматах MS Word для Windows 2.0 и 6.0, MS Word для DOS 5.0, MS Write для Windows, Lexicon, текст MS DOS; иллюстрации — в растровых форматах TIFF, PCX, BMP, в векторных — DXF, PostScript, WMF, Corel Draw 4 и 5, CGM). В силу технических и финансовых сложностей мы не имеем возможности высылать корректуру и предоставлять отписки. Поступившие материалы не рецензируются и не возвращаются. Редколлегия оставляет за

собой право отклонять статьи, не отвечающие тематике издания и современному научному уров-

ню европейской археологии.

EDITORIAL

Archaeology in St. Petersburg has a deep historical traditions: it was here the Russian archaeological studies were initiated. A long-time tradition of excavating the main urban centres of the North Rus' (Ladoga, Novgorod, Pskov) was resulted by a creation in St. Petersburg of one of the leading schools of Russian urban archaeology. It was here the first excavations of archaeological deposits of the 18-th - 19-th centuries took place. And it was here the first monographical study on the Russian town material culture of the New Ages was written by A.D. Gratch, although this work didn't appreciated at it's true value up to now.

New Ages archeology in Russia, the analogy of the European Postmedieval archaeology, for a long time had not been officially recognized as a valuable brunch of archaeological studies. Only nowadays it have enjoyed a full rights: investigations of the antiquities of the 18-th - 19-th centuries are undertaken in different regions of Russia. However the archeological investigations of St. Petersburg up to now stills the sharpest problem of the Postmedieval Russian archaeology. The investigations within the town borders were held occasionally in different years. In fact the clear view of the potential possibilities of archaeology in study of the historical development of St. Petersburg is not formed yet. And what is more, the cultural deposits in St. Petersburg are not under the State Protection yet. The central parts of the town are included in to the Unified Protection Zone, but the criteria for protection is, the first of all, the presence of architectural monuments, while the preservation of archaeological deposits as a historic and cultural source, is not provided. As a result of such careless treatment became the large-scale destruction of the cultural layers of the 18-th - 19-th centuries had place, especially during the last centuries.

Our edition "Archaeologia Petropolitana" is issued by the Academic Council on Historic - Archaeological Researches attached to a Presidium of St. Petersburg Academic Centre, IHMC RAS and Institute of Cultural and Natural Heritage (St. Petersburg Branch) and it's aim is the consolidation of the scientific potentials of St. Petersburg (and even wider - the European) archaeology around the problems of study the material culture of megapolis of the New Ages. However the our edition is conceived not only as the first Russian specialized edition of the materials and researches on the problems of the Postmedieval archaeology. Russian material culture of the New Ages was isolated neither from the foregone period one, nor from influence and interference from contemporary foreign coun-

tries, and the foundation of St. Petersburg was an appropriate stage in the historic development of Russia. Thus it is natural to include in a sphere of the problems under discussion a number of different questions on the Russian State and the neighbouring countries history and culture during the Medievalist and the New Ages.

The phenomenon of St. Petersburg is of great importance not only for the Russian history. Being a descendants of the ancient capitals of the Russian State - Ladoga and Novgorod - St. Petersburg since the very beginning became a natural part of the Baltic region in Europe. The development of the "Baltic Civilization" since the Viking Age till the New Ages is one of the central problems under discussion in "Archaeologia Petropolitana". One of the specific features of the town on the Neva-river banks, this "window to the Europe opened to the sea", is the unique possibilities of the maritime underwater archaeology in exploring not only remnants of the sank ships, but also the monuments of the sea fortification. So the problems connected with maritime and underwater archaeology are of the special interest in our edition.

The first issue of "Archaeologia Petropolitana" is timed to the VI-th International Congress of the Slavonic Archaeology in Novgorod. "Lord Novgorod the Great" - the successor of Ladoga and the predecessor of St. Petersburg - was in fact for a long time the second capital of the Russian State after Kiev, later - after Vladimir and Moscow. During the Middle Ages Novgorod remained the main Russian "window opened to Europe". This special position of the capital of the Northern Rus' among the other centres was descended by St. Petersburg, the Northern Capital of Russia.

Greeting the Congress, the Editorial Board invites colleagues to take part in our edition. Articles and discussions not larger than 20 standard typed pages (format A4), notes, chronicle reports and personalia not lager than 5 pages are required in two copies, with graphical illustrations and drawings only. The accepted languages are Slavonic, English, German. All materials on Russian have to be supplemented by the short English summary (2 - 4 pages). Materials presented in electronic form (Word for Windows, Word for DOS, Write for Windows, Text MS DOS) are welcomed. The Editorial Board reserves the right to decline materials which don't satisfy the requirements of the thematic of our edition and the modern level of the European archaeology.

**Российская Академия Наук
Президиум Санкт-Петербургского Научного центра**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

18 декабря 1995 г. № 41
Санкт-Петербург

**Об образовании Научного Совета по историко-археологическим исследованиям
на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области
и в акватории Финского залива**

Президиум Санкт-Петербургского Научного центра Постановляет:

1. Образовать Научный Совет по историко-археологическим исследованиям на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области и в акватории Финского залива в структуре Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию Санкт-Петербургского научного центра РАН.

2. Утвердить председателем Научного Совета по историко-археологическим исследованиям на

территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области и в акватории Финского залива академика А.А.Фурсенко.

3. Утвердить состав Научного Совета по историко-археологическим исследованиям на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области и в акватории Финского залива.

4. Утвердить Положение о Научном Совете по историко-археологическим исследованиям на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области и в акватории Финского залива.

*Вице-Президент РАН
Председатель Президиума СПбНЦ РАН
академик Ж.И.Алфёров*

СОСТАВ

**Научного Совета по историко-археологическим исследованиям на территории
Санкт-Петербурга и Ленинградской области и в акватории Финского залива**

1. **Фурсенко Александр Александрович** академик, зам. Председателя президиума СПбНЦ РАН, *Председатель.*

2. **Массон Вадим Михайлович** директор ИИМК РАН, член-корреспондент АН Туркмении, професор, доктор исторических наук, *зам. Председателя.*

3. **Лебедев Глеб Сергеевич** директор СПб филиала РНИИ культурного и природного наследия, професор, доктор исторических наук, *зам. Председателя.*

4. **Тюленев Вячеслав Альбертович** директор Историко-археологического центра морской и подводной археологии ИИМК РАН, кандидат исторических наук, *зам. Председателя по морской археологии.*

5. **Белецкий Сергей Васильевич** старший научный сотрудник ИИМК РАН, доктор исторических наук, *ученый секретарь.*

6. **Горелов Владимир Георгиевич** зам. Министра культуры Ленинградской области.

7. **Ельяшевич Алексей Михайлович** директор департамента науки и высшей школы Правительства Санкт-Петербурга, професор, доктор физ.-мат. наук.

8. **Кириков Борис Михайлович** зам. Директора

Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

9. **Кирпичников Анатолий Николаевич** зав. Отделом ИИМК РАН, професор, доктор исторических наук.

10. **Ковалев Алексей Анатольевич** зам директора СПб филиала РНИИ культурного и природного наследия, зам. Председателя комиссии по культуре и образованию Законодательного Собрания Санкт-Петербурга.

11. **Колбин Вячеслав Викторович** президент АООТ "Научно-технологический парк Санкт-Петербурга", професор, доктор физ.-мат. наук.

12. **Мунчаев Рауф Магомедович** директор Института археологии РАН (Москва), професор, доктор исторических наук.

13. **Новиков Юрий Владимирович** зам. Начальника управления Гос. Инспекции охраны памятников Санкт-Петербурга.

14. **Носков Владимир Витальевич** фонд регионального развития Санкт-Петербурга, доктор исторических наук.

15. **Пиотровский Михаил Борисович** директор Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук.

16. **Попова Татьяна Александровна** зав. Отде-

лом археологии МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, кандидат исторических наук.

17. **Савинов Дмитрий Глебович** зав. Кафедрой археологии Санкт-Петербургского Государствен-

ного университета, доктор исторических наук.

18. **Сатаров Валерий Александрович** начальник Областной инспекции охраны памятников Ленинградской области.

*Главный ученый секретарь
Президиума СПбНЦ РАН
д.ф.-м.н., проф. Э.А.Тропп*

ПОЛОЖЕНИЕ

о Научном Совете по историко-археологическим исследованиям на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области и в акватории Финского залива

1. Научный Совет по археологии Петербурга является координирующим органом Президиума Санкт-Петербургского Научного центра Российской Академии наук, действующий во взаимодействии с Научным советом Правительства Санкт-Петербурга, Департаментом науки и высшей школы, органами государственной охраны памятников, выполняет координацию, согласовывая и утверждая программы, организуя и утверждая экспертизу полученных результатов всех видов археологических работ, выполняемых на территории Санкт-Петербурга, в акватории Невы, Ладожского озера и Финского залива (в пределах государственных и административных границ) и на территории Ленинградской области.

2. Научный совет координирует исследования по морской и подводной археологии, культурному слою и археологическим объектам на территории Санкт-Петербурга и археологические исследова-

ния на территории Ленинградской области. Совет представляет рекомендации и заключения для выработки нормативных актов Мэрии, Правительства Санкт-Петербурга и Правительства Ленинградской области.

3. Оперативное обеспечение работы Научный Совет возлагает на ИИМК РАН, Историко-археологический центр морской и подводной археологии РАН (г. Выборг) и Санкт-Петербургский филиал Российского НИИ культурного и природного наследия Министерства культуры.

4. Решения и заключения Научного совета как органа Президиума СПбНЦ РАН, действующего во взаимодействии с Департаментом науки Мэрии Санкт-Петербурга и Правительства Ленинградской области, обязательны для всех организаций и лиц, осуществляющих и обеспечивающих археологические исследования на территории Ленинградской области и Финского залива.

*Главный ученый секретарь
Президиума СПбНЦ РАН
д.ф.-м.н., проф. Э.А.Тропп*

АРХЕОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА

А.А. ФУРСЕНКО

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ПЕТЕРБУРГА И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ

Археологическое изучение культурного слоя на территории Санкт-Петербурга приобретает особую актуальность в преддверии 300-летнего юбилея города, Исторический центр и пригороды которого объявлены Всемирным наследием ЮНЕСКО. Проблематика Петербурга и его предшественников, русских городов Балтики, в 1995 г. была широко представлена в международном научном контексте и вошла в многолетнюю международную программу "Городская археология Ганзейского пространства".

Археологические исследования последнего десятилетия на Балтике вышли на качественно новый уровень. Впервые в отечественной и мировой практике, на самом современной технической основе, при активном международном участии (ученые и мореходы Швеции, Финляндии, Италии, Соединенных Штатов), разнообразном отражении в российских и зарубежных средствах массовой информации развернулся массовый поиск и пробное изучение затонувших старинных и древних судов в акватории, непосредственно относящейся к Санкт-Петербургу. Инвентаризовано более двух десятков обследованных затонувших судов, собраны первичные данные о сотнях находок, проведены первые тематические конференции, появились специальные публикации и диссертации по древнерусскому и допетровскому судостроению и судоходству. Активный поиск подводных памятников русской военно-морской славы ведут различные военно-патриотические и спортивные объединения. Десятилетний юбилей отмечает организованная Географическим Обществом РАН археолого-навигационная экспедиция "Нево" по изучению Пути из Варяг в Греки, завершившая в 1995 г. очередной цикл работ успешным рейдом дубликата древнерусской ладьи от Балтики до Стамбула и Афин (итоги экспедиции представляются в Программе 50-летия ЮНЕСКО).

Археолого-навигационные исследования неразрывно связаны с региональными, где послед-

ние достижения петербургских ученых получили прочное международное признание и рассматриваются как основа перспективных международных научно-исследовательских и культурно-исторических программ ("Культурные трассы Балтики, от викингов до россиян" и еще ряд тем Европейского Совета и других международных организаций). Способствовать их дальнейшему развитию должна и федеральная Программа "Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации", сформированная на 1996-2000 гг. и включающая ряд объектов по Санкт-Петербургу и региону.

Эти позитивные факторы, однако осложняются мощным негативным воздействием различных общественно-экономических процессов, усиленным происходящей последние годы дезинтеграцией ряда государственных, и особенно научных структур. Полноценное археолого-архитектурное изучение городской территории Санкт-Петербурга крайне затруднено отсутствием правовой базы и действенной системы охраны памятников в условиях приватизации. Недостаточность и нерегулярность централизованного финансирования торпедируют возможности комплексных историко-археологических исследований города и региона в их тысячелетней взаимосвязи, крайне актуальной и в контексте общероссийского юбилея, и в перспективах развития петербургского и регионального туризма: даже Старая Ладога, историческая предшественница Петербурга на Балтике, хотя и получила статус заповедника — объекта федерального значения, но не может подкрепить этот статус организационным и финансовым обеспечением. Наконец, "кладбища затонувших кораблей" на местах морских битв 18 - 20 вв. становятся объектами систематического разграбления и источниками регулярной контрабанды. Существующие в научные структуры, будь то Санкт-Петербургский научный центр РАН с Институтом истории материальной культуры (ИИМК), выделенный при нем Историко-археологический

Центр морской и подводной археологии (Выборг), или созданные Министерством культуры РФ РНИИ культурного и природного наследия, Санкт-Петербургский и Северо-Западный филиалы РНИИ, явно недостаточны для решения этих задач. В то же время научный потенциал города, его исследовательских институтов, университетов, музеев, научных обществ, органов охраны памятников, предприятий безусловно позволяет добиться успешного решения и реализации обоснованных муниципальных, федеральных и международных программ морской (навигационной и подводной), городской и региональной археологии. Именно с этой целью в конце 1995 г.

был создан специальный межведомственный Научный Совет по историко-археологическим исследованиям. Положение и состав Совета, будем надеяться, позволят в короткие сроки добиться необходимой координации научных исследований, создать основу общегородской научно-организационной структуры и среды, а тем самым, решить достаточно сложные задачи, актуальные в связи с предстоящим трехсотлетним юбилеем города (1703-2003) и определяющие значительно более глубокие перспективы развития науки и культуры Санкт-Петербурга в следующем столетии.

Г.С.ЛЕБЕДЕВ

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ, ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (проект)*

1. Общие положения.

1.1. Вектор городской политики

1.1.1. XXI столетие открывает трехвековой юбилей Санкт-Петербурга (1703-2003). Город, признаваемый "второй" (духовной, культурной) столицей России, способный претендовать на роль одной из культурных столиц Европы, место культурно-общественных событий мирового значения (Игры Доброй Воли, Олимпийские Игры, Дельфийский конгресс и т.п.) должен соответствовать этим претензиям, прежде всего, фактическим состоянием, качеством нормативной базы и системы охраны основного культурного фонда. Этот фонд наравне с архитектурой, градостроительной структурой, исторической ономастикой и семантикой включает и археологический культурный слой, напластования грунта, образовавшиеся в результате и во время человеческой деятельности на территории города, а также артефакты — памятники, объекты, остатки, вещи, фрагменты — то есть произведения культуры, в данном случае вышедшие из функционального культурного обращения, артефакты культуры отмершей, "археологизированной".

Культурный слой и археологические артефакты территории Санкт-Петербурга являются составной частью объекта Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Целостность Всемирного культурного наследия обеспечивается согласованностью законодательных норм и нормативных актов, регулирующих охрану и использование объектов наследия на всех уровнях, и прежде всего — базовых. Городская политика должна строиться на единой концепции охраны, использования и развития этих базовых уровней, от археологии и архитектуры до ономастики и семантики городского культурного пространства.

1.1.2. Первый из этих уровней — "материальная субстанция" на дневной поверхности современного города. Это — собственно архитектура, градостроительная структура, архитектурные ансамбли и комплексы, массовая историческая застройка ("учетных зданий" и "вновь выявленных памятников"), представляющие собой материальную объективацию духовных ценностей России, воплощенных в Санкт-Петербурге, и определившие его статус к концу XX в. как Всемирного наследия ЮНЕСКО.

* Проект обсуждался на заседании Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН 23 мая 1996 г. и был рекомендован к внедрению.

1.1.3. Материальная объективация культурных ценностей, воплощенная в артефактах, в значительной части, как правило переживает свою собственную культурную функцию: по мере отмирания (прекращения функционального использования) артефакты "археологизируются", выпадая и накапливаясь в естественно образующемся культурном слое города. Поэтому уровень дневной поверхности городского пространства, на значительной части территории Исторического центра и в ряде других районов города и пригородов, входящих в зону административного управления Санкт-Петербурга, опирается на "подземный" археологический горизонт культурных отложений и остатков, слоя и артефактов. Представляя собою самостоятельную культурно-историческую ценность, культурный слой и артефакты Петербурга в то же время в ряде случаев являются составляющей архитектурного ансамбля, отдельных зданий и комплексов, связанных с архитектурно-градостроительной структурой.

1.1.4. Охрана, использование и развитие культурно-исторического наследия Санкт-Петербурга должны основываться на единых методологических, методических, архитектурно-градостроительных, информационных и юридических основаниях.

1.2. Юридические основания.

Статус Санкт-Петербурга (Исторического центра и пригородов) как Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО требует, во-первых, последовательного соответствия всех законодательных и нормативных актов нормам международного права, конвенций и документов ООН, Европейского Совета и других международных организаций; во-вторых, подготавливаемые Законодательным органом Санкт-Петербурга как субъекта Федерации акты должны представлять системно связанную с Российским законодательством сумму норм.

1.3. Информационные основания

1.3.1. Археологические характеристики культурно-исторического наследия города должны быть составляющей частью общегородского кадастра, а следовательно в конечном счете представляются компонентами интегративного электронного банка данных, привязанного к градостроительной структуре, а через нее — к эколого-гидрографическим, народно-хозяйственным и социодемографическим реалиям современного города.

1.3.2. Адекватная электронная форма банка данных необходимым предварительным условием требует структурированную систематизацию учетных форм, научной документации, библиографии, архивных и коллекционных материалов. При объективном состоянии гуманитарной информатики современного Петербурга нормативные акты должны обеспечивать, с одной стороны, обязательность и реальность полноценного использования необходимой информационной базы при конкретных градостроительных решениях, с другой — совершенствование и технологическую модернизацию этой базы, позволяющую в перспективе стабилизировать автоматизированное

движение информационного потока.

1.4. Архитектурно-градостроительные основания

Уникальная для отечественной, а во многом и мировой истории культуры архитектурно-градостроительная целостность Санкт - Петербурга, сложившаяся и сохраненная за три столетия его истории и обеспечивающая городу статус Всемирного наследия ЮНЕСКО, для своего закрепления требует обеспечения базового принципа иерархии объектов.

1.4.1. Иерархия объектов задана системой ценностей культуры, в рамках которой был создан и достиг наибольшей законченности своего архитектурного облика Санкт-Петербург 1703-1913 гг. (до первого переименования города в 1914 г., знаменовавшего начало распада этой целостности).

1.4.2. Петербург создавался как столица многонациональной православной Империи. Высшую ступень иерархии его культурных объектов занимают Храмы, прежде всего православные, а по мере развертывания культурного потенциала — храмы иных конфессий, что придало Санкт-Петербургу уникальный для своего времени характер многоконфессионального столичного города. Это качество, по наблюдению акад. Д.С.Лихачева ранее всего выраженное на главной магистрали столицы — Невском проспекте, к началу XX в. обеспечивало монументальное представительство в Санкт-Петербурге практически всех мировых религий — христианство (всех конфессий), ислам, иудаизм, буддизм. В то же время на этом, высшем уровне иерархии ведущую иерархическую позицию занимали и занимают православные храмы, начиная с эпонимного для города Петропавловского собора, его главной и модульной архитектурно-градостроительной доминанты. Храмы — Петропавловский собор, Троицкий собор (археологизированный при реконструкции Площади Революции) — образуют ядро наиболее ранних и значимых частей городской структуры. Это Петропавловская крепость и прилежавшая к ней главная Троицкая площадь города, с ее археологическим культурным слоем и сохраняющимися в нем артефактами (как вещевым материалом, так и остатками исчезнувших архитектурных сооружений, в том числе репрезентативными храмовыми и государственными зданиями, и фортификацией XVIII-XIX вв.). Храмы являются и центральным компонентом главных монастырских ансамблей Петербурга — таких как бывш. Смольный монастырь (территория современной Мэрии) и Александро-Невская лавра митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. Как в этих, наиболее значимых в градостроительном отношении случаях, так практически и во всех других прилегающих к Храмам как градостроительным доминантам, районах Исторического центра, как правило в основании или подоснове градостроительной структуры сохраняется археологический культурный слой.

1.4.3. С Храмами иерархически соотнесены объекты следующих уровней. Императорская резиденция, Зимний дворец, лимитировала высоту всей остальной городской застройки (за исключе-

нием Храмов), что обеспечило, в частности уникальные эстетические качества архитектурного силуэта Петербурга. Принцип ансамблевости государственных и общественных зданий (как правило, соотносенных с храмовыми доминантами), ансамблеобразующих городских площадей, набережных и магистралей, регулярной уличной сети обеспечивал исключительно целостную и системную семантическую насыщенность культурного пространства, его четкое социо-функциональное зонирование, внутреннюю иерархию объектов в составе городских зон и кварталов, что определяло и характер семиотики культурного пространства.

1.4.4. Иерархия городских ансамблей и кварталов определяла и динамику, и характер накопления археологического культурного слоя, и артефактов. Императорские резиденции (в городе и пригородах), как и дворцовые усадьбы знати с садовыми и парковыми участками, создавали в процессе "археологизации", наряду с фундаментами и остатками стен разрушенных построек, накопление артефактов исчезнувших малых архитектурных форм (ограды, беседки, декоративные и служебные постройки, набережные, каналы, пристани, с накопившимися вокруг них мелкими предметами дворцового быта).

1.4.5. Военно-административные здания и комплексы создавали близкий, но специфичный набор артефактов.

1.4.6. Магистралы, а особенно набережные, образовывали наслоения и напластования каменных и др. мостовых, парапетов, ограждений, мостов, нередко перекрытых в процессе дальнейших реконструкций города.

1.4.7. Промышленные предприятия, с начала XVIII в. медленно, но интенсивно мигрировавшие из центра к современному "индустриальному поясу" (ср. эволюцию Адмиралтейства или Литейного двора) создавали образования архитектурных остатков индустриальных комплексов и технических сооружений, отложений отходов, сырья, неликвидов.

1.4.8. Жилые кварталы Петербурга эволюционировали, интенсивно меняя характер застройки и соответственно, отложений культурного слоя и артефактов. Первоначальные "мазанки" сменялись более фундаментальными "образцовыми строениями" при неизменных размерах участков застройки, планировка которых эволюционировала от усадебной (с фасадом главного здания по "красной линии", флигелями и службами по периметру) ко все более уплотняющейся многоэтажной застройке с "дворами-колодцами", перекрывавшей остатки более ранних сооружений.

1.4.9. Жилые кварталы обслуживались прилегающими к приходским Храмам кладбищами, и "Некрополь Петербурга" может рассматриваться, в частности как вполне самостоятельный и сложный археологический объект.

1.4.10. Историческая семантика городских ансамблей, возникая на архитектурно-градостроительной основе, развивалась под воздействием всего хода культурно-исторического процесса в многообразии его факторов. Городской реальностью стал "петровский" и "пушкинский Петербург", равно как "Петербург Достоевского" и др. Конкретика исторической топонимики, мемори-

ализированной или музеефицированной истории города, преломившаяся в литературе, биографике, политической истории определяется также и действием этих "метаурбанистических" факторов, не жестко связанных с собственно архитектурно-градостроительной структурой. Реализация всей полноты исторической информации, сконцентрированной в данном месте (топос) за весь исторический период его освоения (хронос), во взаимосвязи археологического, архитектурно-градостроительного, историко-семантического уровней, во всей полноте взаимосвязей выражается понятием "топохрон" (артефакт в точных координатах места и времени).

1.4.11. Реализация культурно-исторического потенциала "топохронов", включающих потенциал артефактов археологии, требует, прежде всего системной организованности культурно-исторической информации. Выходя далеко за пределы собственно архитектурно-градостроительных задач, эта информация, однако, составляет непременное условие сбалансированной городской культурной политики.

1.5. Методологические основания

Семиотика культурного пространства в представлениях современной культурологии регулирует, на основе механизма "топохрон археологии — хронотоп мифологии" реализацию и действие "архетипов ментальности" и "стереотипов поведения" личности и социума, в частности, и в определяющей мере — урбанистического социального организма, населения города, его вертикальные (межгенерационные) связи поколений и горизонтальные связи в масштабах региона, страны, международного и мирового сообщества.

1.5.1. Семиотика культуры основывается на категориальных, пространственно-временных, мифопоэтических и семиотехнологических характеристиках менталитета. Разработка концепции семиотики культурного пространства, специализированной для применения к реальности современного Санкт-Петербурга, требует использования положений отечественной культурологии, созданных исследованиями М.М.Бахтина, А.Я.Гуревича, Ю.М.Лотмана, В.Н.Топорова, Вяч.Вс.Иванова, Б.А.Успенского, Л.С.Клейна, А.К.Байбурина, Р.Г.Баранцева и др.

1.5.2. Общеполитологические основания этих семиотехнологических концепций основываются во многом на реабилитации и возвращении в фонд отечественного культурного наследия русской философской мысли начала XX в.: в современных трудах В.Н.Топорова, Б.А.Успенского, С.А.Аверинцева реализованы установки, выдвинутые около ста лет тому назад в трудах В.С.Соловьева, П.А.Флоренского, Н.А.Бердяева, а из их современных последователей наибольшее значение сохраняют философские работы А.Ф.Лосева.

1.5.3. Историко-урбанистическая реализация этой общеполитологической методологии составляет, более чем столетнюю традицию "петербургки", начиная с популярных трудов М.И.Пыляева (выдерживающих ныне "взрыв" переиздания, что свидетельствует о достаточно высоком общественном интересе к этой проблематике) и сложив-

шейся в начале XX в. школе И.М.Гревса - Н.И.Анциферова, возрождаемой ныне в трудах акад. Д.С.Лихачева, А.М.Панченко, историков Е.В.Анисимова, Ю.Н.Беспярых, В.А.Витязевой, Ю.М.Денисова, Б.М.Кирикова, Ю.Н.Лимонова, Н.В.Юхневой, культурологов Г.Л.Тульчинского, Г.С.Лебедева, Н.М.Теребихина и др.

1.5.4. Археологическое изучение Петербурга восходит к традиции XVIII в. выраженной первыми в России археологическими раскопками пастора В.Толле в 1708-09 гг. и возрожденной в "серебряном веке" русской культуры, когда труд пастора А.И.Гиппинга "Нева и Ниеншанц" был переиздан историком А.С. Лаппо-Данилевским. Последовательное применение археологических методов к изучению прошлого города началось в 1950-х - 1970-х гг. Работы А.Д.Грача, А.И.Гессена, Ю.М.Денисова, А.Н.Кирпичникова, Г.С.Лебедева, В.А.Грача, наряду с архитектурно-археологическими зондажами реставраторов, либо первые раскрыли малоизвестные объекты "исчезнувшего Петербурга" (академические мастерские Ломоносова, первый петровский фонтан в Летнем саду 1704 г., дерево-земляной бастион 1703-1710 гг., Комендантское кладбище Петропавловской крепости), либо радикально изменили представления о сохраняющихся памятниках (Меншиковский дворец, раскрытый до первоначального обреза фундамента, первый Зимний дворец Петра Великого, выявленный в кладках стен существующего здания Эрмитажного театра). В следующих десятилетиях эти исследования получили продолжение в работах В.А.Коренцвита, К.М.Плоткина, П.Е.Сорокина, осуществивших более полное выявление ряда "малых" и средних объектов, а также предпринявших попытки поиска и локализации культурного слоя допетровского времени (наряду со шведским Ниеншанцем в устье Охты, наиболее значимое открытие - культурный слой православного русского Спасского погоста XV-XVII вв. на территории Смольного). Государственный музей истории Ленинграда предпринимал опыты сведения воедино данных о глубине и характере залегания культурного слоя на всей территории города.

1.5.5. Однако до сих пор в археологии Петербурга не сложился методологически последовательный подход, отсутствует унифицированная информационная база и школа квалифицированных специалистов. Публикации последних десятилетий сохраняют предварительный либо фиксационный характер, нет разработок по критике источников, отсутствует систематичный свод городских археологических объектов. С этим связан ряд практических проблем, требующих нормативного регулирования.

2. Определение и характеристика культурного слоя

2.1. Общие характеристики слоя

2.1.1. Археологический культурный слой города Санкт-Петербурга - толщина грунта, сформировавшаяся за три столетия существования города, а также в период, предшествовавший основанию

Санкт-Петербурга - является особо ценным объектом национального наследия народов Российской Федерации и неотъемлемой составной частью Исторического Центра Петербурга - Всемирного наследия ЮНЕСКО. Научное изучение культурного слоя Санкт-Петербурга играет важнейшую роль в познании исторического прошлого, сохранении исторической памяти о судьбах Отечества, в духовном обогащении народа и его патриотическом воспитании.

2.1.2. Археологический культурный слой, накопившийся за три столетия с момента основания Санкт-Петербурга скрывает не только существенные части архитектурных сооружений (требующие учета при реставрации), но также остатки утраченных памятников и построек, разнообразный вещевой материал, характеризующий городскую культуру России XVIII - начала XX вв., равно как в ряде мест (Смольный, устье Охты и др.) - остатки поселений допетровской эпохи XV-XVII вв. Известны также находки артефактов, относящихся к эпохе функционирования "Пути из Варяг в Греки" IX-XI вв.

2.2. Физические характеристики слоя

2.2.1. "Материк" - естественная дневная поверхность периода основания города Санкт-Петербурга, представляющая собой, главным образом, влажный зеленоватый суглинок - залегает в пределах территории Исторического центра на глубине 1,5-1,8 м и более от современной дневной поверхности. Это обстоятельство обусловлено не столько естественными процессами образования городского культурного слоя, сколько целенаправленной подсыпкой грунта (а с течением времени - строительных отходов), предпринимавшимися с середины XVIII в. для повышения уровня дневной поверхности как средства защиты от наводнений. Эти работы воздействовали на городскую территорию наиболее эффективно в связи с сооружением гранитных набережных Невы, ее рукавов и каналов (1760-е - 1780-е гг.), однако подсыпка городской территории продолжалась и позднее, особенно в связи с мощением городских улиц и площадей. В XX в. рост уровня дневной поверхности обусловлен накоплением наслоений асфальта, к началу 1990-хх гг. достигших мощности 0,3-0,7 м.

В целом глубина залегания культурного слоя на территории различных районов города, по данным ГМИСПб колеблется от 3 м до 0,3 м, что обусловлено как интенсивностью подсыпок, так и характером первоначального рельефа местности (с отложениями песчаными холмами, береговыми террасами речек, болотами и протоками), нивелированного градостроительными мероприятиями. Обрез первоначальных фундаментов сохранившихся каменных зданий первой половины XVIII в. на Стрелке Васильевского острова (Двенадцать коллегий, Гостиный двор, Меншиковский дворец, Кунсткамера) залегает сейчас на глубине 1,7-1,8 м. Таким образом, в ряде случаев насыпной культурный слой скрывает до 10-14 рядов первоначальной кирпичной кладки стен XVIII в. Это обстоятельство, как и рост асфальтовых напластований, имеет не только архитектурно-историческое

кое, но и инженерно-гидротехническое значение: подъем уровня грунтовых вод, вызванный повышением дневной поверхности, и "подсос" влажности кирпичными кладками способствуют развитию аварийного состояния и разрушению зданий. Удаление напластований, как показал опыт реконструкции Дворцовой площади, не только понижает этот отрицательный эффект, но и выявляет первоначальный характер рельефа, обогащая тем самым архитектурную пластику города.

2.2.2. Мощность слоя, в зависимости от глубины залегания, колеблется от 0,5 до 1 м и более (до нивелировочных подсыпок и мостовых). В центре города отметка болотистого материка лежит на глубине 1,4-1,5 м, первоначальный культурный слой на глубине 1,3 м перекрывается первыми булыжными мостовыми, использовавшимися с конца XVIII до первой четверти XIX в. ("эпоха декабристов") в районе Исаакиевской площади. Выше этого горизонта могут еще находиться подсыпки XIX в., достигая мощности 0,5-0,7 м: мостовые середины - второй половины XIX в. залегают на глубине 0,5 м, над ними с отметки 0,3 м начинаются непрерывные асфальтовые наслоения советского времени (Исаакиевская площадь, по наблюдению 1995 г.).

2.3. Содержание слоя

2.3.1. Материковый грунт на территории Петербурга, как правило, обильно насыщен грунтовыми водами, которые при повышении дневной поверхности с ростом последующих напластований поднимаются, пропитывая или затопливая нижние горизонты слоя. Спецификой нижних отложений являются также песчаные "главуны" в ряде прибрежных районов города: зыбкая водно-песчаная смесь перемещается мощными потоками, что может вести и к перемещению артефактов (в частности, захоронений на многих старых городских кладбищах). В болотистый грунт вбивали сваи, которые могут сохраняться как заглубленными далеко в материк, так и "выталкиваться" подпором грунта в вышележащие слои. Дерево и другая органика (вплоть до бумаги) хорошо сохраняется во влажном грунте, что может способствовать обнаружению, среди бытовых находок, документов, представляющих архивную или библиографическую ценность.

2.3.2. Горизонты начального периода строительства города (как и слои допетровского времени) обильно гумусированы, пронизаны угольно-золистыми прослойками, щепой и другими строительными отходами.

2.3.3. Спецификой Петербурга является с самого начала формирования городского культурного слоя обильная насыщенность его отходами каменного (кирпичного) строительства: битый кирпич, щебень, известь могут лежать как *in situ* с момента строительства, так и в переотложенном состоянии (результат строительных работ, разборки и сооружения новых построек). Культурный слой, перекрывать строительными отложениями, залегают неравномерно, накаливаясь в котлованах и подвальных частях снесенных зданий, по естественным береговым склонам у каменных ограждений набережных рек и каналов, под при-

брежными опорами мостов, перекрытый забутовками, нивелировочными подсыпками и "подушками" из песка и других видов естественного грунта (использовался также и мусор бытовых свалок). Нивелировочные подсыпки состоят из слоев строительного мусора, которые могут образовывать сплошные горизонты (наряду с песчаными и др. подсыпками) мощностью до 1 м и более. Слой по мере приближения к дневной поверхности становится все более сухим, что влияет на состав находок: при стойком обилии металла, разных видов керамики, стекла и проч. заметно меньше органики.

2.3.4. Многочисленные перекопы, как правило линейного характера (при прокладывании городских коммуникаций) ведут к устойчивым нарушениям культурного слоя и систематичному переотложению артефактов конца XVIII-XIX вв. (возможно, и более раннего времени), что требует постоянного внимания к составу находок при археологическом надзоре. Равным образом требует внимания и готовности к вызову саперной команды насыщенность городского грунта взрывными устройствами военного времени (бомбы и снаряды, попавшие в землю блокадного Ленинграда).

2.4. Виды археологических объектов

2.4.1. Храмы Санкт-Петербурга, наряду со скрытыми под культурными напластованиями конструктивными элементами существующих или предшествовавших им зданий, в ряде случаев стали археологическими памятниками как при дореволюционных реконструкциях (первоначальные Исаакиевские, или деревянный Сампсониевский собор и др.), так особенно в результате систематичных разрушений советского эпохи (последний по времени случай — церковь Успения Богородицы на Сенной, 1962 г.). Сохраняющиеся в "археологизированном состоянии" элементы могут быть использованы для натурной реконструкции здания и восстановления Храма. Возможно также музеефикация раскрытых архитектурно-археологических остатков. В ряде случаев на основе археологических данных целесообразно осуществить мемориальные мероприятия (сооружение часовни, памятного креста).

2.4.2. Фортификационные и гидротехнические сооружения представлены как деревянными конструкциями (первоначальные дерево-земляные бастионы Петропавловской крепости, мосты, набережные и пристани) так и фундаментальными каменными постройками (обводные рвы и мосты Михайловского замка, мосты и набережные засыпанных каналов, и пр.). Они могут сохраняться на значительную глубину первоначального сооружения, и создавать условия для накопления локальных "карманов" культурного слоя.

2.4.3. Фундаменты, цоколи и подвальные части гражданских зданий стали археологическими памятниками как в процессе исторической эволюции застройки, так и в результате уничтожения по ходу целенаправленной градостроительной реконструкции (Путевой дворец Ф.Б.Растрелли на Средней Рогатке близ Площади Победы). В последнем случае фундаменты могут дать представление о целостном характере первоначаль-

льного памятника, в других — представить эволюцию архитектурного ансамбля (не исключая консервацию архитектурно-археологических фрагментов исчезнувших сооружений в существующем архитектурном контексте и создания "архитектурно-археологических композиций", обогащающих ту или иную существующую историческую или новую современную постройку в качестве одного из "топохронов Петербурга").

2.4.4. Остатки архитектуры малых форм — фонтаны, клумбы, садовые беседки, боскеты и проч. — распространены в Петербурге с петровских времен, в значительной части, как показывают исследования в Летнем саду, скрыты под нивелировочными подсыпками, мощностью до 0,7 м, сформировавшимися после наводнения 1777 г., что способствовало сохранению объектов в "археологическом состоянии". Наряду с историко-архитектурной ценностью в качестве источника по изучению первоначальных планировочно-декоративных решений садово-парковых комплексов Санкт-Петербурга и его пригородов, эти сооружения в культурном слое сохраняют многочисленные артефакты придворно-бытовой культуры, вплоть до произведений искусства (скульптуры).

2.4.5. Санитарно-технические напластования составляют специфику большого индустриального города и появились в результате как промышленно-технической деятельности, так и целенаправленных санитарно-полицейских мероприятий (негашеная известь на эпидемиологических или эпизоотических захоронениях, шлаковые засыпки и пр.). При динамичном промышленном развитии и индустриальной экспансии города, эти напластования могут перекрывать предшествующие археологические комплексы совершенно иного характера, представляющие историко-познавательную ценность для изучения Петербурга XVIII — первой половины XIX в.

2.4.6. Некрополи и захоронения требуют прежде всего тщательного и сплошного картографического учета, архивно-библиографического анализа, точной планировочно-градостроительной локализации. Возможно их выявление археологическими средствами (при строительных работах), в том числе, неучтенных письменными источниками. Археологический компонент целесообразно выделять в составе комплексного и целостного культурно-исторического памятника "Некрополь Петербурга", обеспечивая его систематическое изучение и охрану.

2.4.7. Свалки, запасы, строительные неликвиды наряду с использованием при нивелировочных и санитарно-технических работах могут сохраняться в виде самостоятельных археологических комплексов высокой познавательной ценности. При обнаружении остатков такого рода необходима их фиксация, точная локализация, получение образцов находок и консервация зафиксированного археологического объекта, допускающая его последующее исследование.

2.4.8. Бытовые отложения XVIII-XX вв. для общества, переживающего очередную цивилизационную и технологическую трансформацию, представляют растущую потенциальную информационную ценность. "Викторианская собачка" 1850-х гг., над которой иронизировали герои Дже-

рома К. Джерома, сто пятьдесят лет спустя стала антикварной ценностью, и та же судьба со временем ждет артефакты любых других эпох. Петербург сохраняет весьма ценные объекты специфической бытовой культуры, начиная со "шведских трубок" времен Северной войны 1700-1721 гг. до становящихся реликвиями бытовых вещей Ленинградской Блокады 1941-1944 гг. Город как высокоразвитый индустриальный центр представляет собою "естественную коллекцию" массовых артефактов, характеризующих ведущие формы материальной культуры Российской империи на протяжении ее почти трехвековой истории.

2.4.9. Допетровский культурный слой, залегающий сплошным массивом на глубине 3 м под толщей строительных насыпных отложений, по крайней мере на территории Смольного (Спасский погост XV-XVII вв.), а вероятно и в других частях города, свидетельствует о преемственной взаимосвязи материальной культуры петровского Петербурга с позднесредневековой культурой русского города Московской эпохи. По характеру и составу этот слой близок культурным отложениям Шлиссельбурга-Орешка XIV-XVII вв., Ивангорода, Пскова и других русских городов Северо-Запада России. Дерево, углистые слои, средневековая керамика составляют его характерные признаки, а типология находок позволяет синхронизировать поселения дельты Невы с другими археологическими памятниками Новгородской земли.

2.4.10. Допетровские археологические объекты, наряду с возможными постройками Спасского погоста и других русских и ижорских поселений, относятся также к шведскому Ниеншанцу, остатки бастионов которого окончательно исчезли под постройками Петрозавода в устье Охты в минувшие тридцать лет (фрагмент западного бастиона со стороны Невы сохранялся еще в начале 1960-х гг.). Рвы и подземные конструкции фортификации, подвалы и фундаменты каменных домов и храмов на территории городского посада, а возможно, остатки земляных укреплений полулегендарной Ландскроны 1300-1301 гг. на том же месте, могут оказаться археологическим объектом высокой исторической значимости, раскрывая историю городской территории в XIV-XVII в. Свидетельства освоения дельты Невы более раннего времени (IX-XIII вв.) на территории Санкт-Петербурга представлены находкой в 1797 г. клада арабского монетного серебра в районе Галерной гавани Васильевского острова. По нумизматическим определениям, клад дирхемов зарыт в первой трети IX в., то есть — в начальную эпоху освоения "Пути из Варяг в Греки"; возможно, в прибрежной части имеется и культурный слой этого времени. Синхронный василеостровскому клад дирхемов IX в. был найден в 1941 г. в прибрежной части Петергофа, близ морского отрезка той же древней мореходной трассы периода становления Древней Руси. Речная дельта, побережья и острова Невы могли осваиваться человеком каменного века; артефакты эпохи мезолита и неолита, обнаруженные на урезе воды в излучине Невы близ Смольного указывают на вероятность обнаружения в прибрежной части остатков неолитических стоянок первобытного человека.

2.5. Виды археологических работ

Все виды археологических работ на территории современного Санкт-Петербурга отличаются повышенной сложностью и строгими требованиями к технике безопасности в связи с высокой насыщенностью городского грунта действующими электротехническими, газовыми, водопроводными и пр. инженерно-техническими коммуникациями (частью прекратившими функционировать и в силу этого приобретающими "археологическое состояние"). Интенсивность строительной деятельности на всех этапах жизни города, резко возрастающая в современный период, требует высокого технического и энергетического обеспечения археологических работ, их оперативной связи со строительными и инженерно-техническими службами, специфического объединения сотрудников высокой археологической квалификации со специальной технико-административной и юридической подготовкой. Археологические работы на территории Санкт-Петербурга должны иметь систематичный и регулярный характер и выполняться в основной своей части специально подготовленными сотрудниками муниципальной археологической службы, способными последовательно выполнить весь цикл необходимых работ.

2.5.1. Выявление наличия или отсутствия слоя, независимо от предварительных исторических данных требует визуального обследования с использованием технических средств, позволяющих представить стратиграфию городских отложений до материка. Наряду с обследованием и зачисткой строительных траншей или обнажений, целесообразно использовать данные геологического бурения по всей территории города, регулярно дополняя карту городской территории сведениями о наличии и характере культурного слоя.

2.5.2. Досмотр строительных работ представляет собою наиболее трудоемкую и постоянную операцию муниципальной археологической службы. В норме, любая строительная траншея должна быть подвергнута преварительному археологическому обследованию, а при наличии археологических остатков досмотр над строительными (земляными) работами должен осуществляться в течение всего времени их проведения, с фиксацией выявленной стратиграфии (последовательности наслоений городского грунта), учетом и сбором археологических находок (артефактов), сохранением образцов массовых артефактов (так, кирпич с фрагментами фабричных клейм, при накоплении массового материала может стать самостоятельным и ценным источником по строительной истории города).

2.5.3. Фиксация выявленных или нарушенных отложений и остатков должна осуществляться в соответствии с требованиями Инструкции, прилагающейся к Открытому листу на проведение археологических работ, а первичная документация (чертежи и фотографии разрезов, планы раскрытых остатков) должна сохраняться в составе архива археологической службы с привязкой к существующей городской планировке и застройке.

2.5.4. Аварийные раскопки осуществляются за счет средств, выделенных на строительство объекта, при котором выявлены археологические остат-

ки, представляющие научно-познавательную ценность и подлежащие уничтожению в процессе строительных работ.

2.5.5. Спасательные раскопки разворачиваются на базе аварийных в том случае, если планами строительства обеспечивается частичное сохранение объекта, познавательная ценность которого позволяет, после археологического исследования законсервировать исследованный участок для последующего культурно-исторического использования в качестве памятника археологии, поставленного на муниципальный или государственный учет и охрану.

2.5.6. Исследовательские раскопки выявленного памятника археологии осуществляются на общих основаниях, определяемых действующим законодательством об охране археологических памятников и выполняются специально организованной археологической экспедицией (отрядом), созданным на базе одного из научных археологических учреждений Санкт-Петербурга. В условиях современного индустриального города стационарные исследовательские и спасательные раскопки должны осуществляться, при достаточном техническом оснащении вне зависимости от погодных условий в специально оборудованных временных павильонах, обеспеченных электроэнергией и техническим оборудованием, что позволит интенсифицировать исследование в соответствии с графиком строительных работ, сохраняя высокий уровень требований к научному качеству археологического изучения объекта.

2.5.7. Подводные исследования, ввиду повышенной опасности и трудоемкости работ могут выполняться только специализированными археологическими подразделениями, обладающими необходимым оснащением и опытом.

2.5.8. Архитектурно-археологические раскопки с целью консервации памятника археологии проектируются и осуществляются археологической службой совместно с архитектурно-реставрационными организациями в составе объединенных творческих коллективов на основе специальной схемы финансирования.

2.5.9. Музеефикация археологических объектов Санкт-Петербурга, как показывает уже осуществленная практика (Меншиковский дворец, Зимний дворец Петра Великого) потенциально позволяет превратить в том или ином масштабе археологическую составляющую в действенный градостроительный фактор развития Исторического центра и других районов современного Санкт-Петербурга, что существенно повысит его культурно-историческую ценность как объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО.

2.6. Археологическое зонирование

Археологическое зонирование является первоочередной задачей в охране и изучении археологического культурного слоя Санкт-Петербурга. При определенной взаимосвязи с градостроительной архитектурной структурой, накопление культурного слоя происходило по собственным "законам археологии", поэтому существующие зоны охраны и регулирования архитектурной застройки могут быть неадекватны зонам распростра-

ния археологического наследия Санкт-Петербурга. Разработка проекта археологических охранных зон в пределах Исторического центра города, режима охраны культурного слоя в зонах разной степени его сохранности, юридическое и нормативное обеспечение режима охраны — базовое условие организации и успешной деятельности археологической службы города.

2.6.1. До разработки и утверждения проекта охранных зон культурного слоя Санкт-Петербурга границы объединенной охранной зоны могут быть определены административными границами центральных исторических районов города.

2.6.2. Охранные зоны культурного слоя Санкт-Петербурга должны обеспечить культурно-историческое зонирование территории Санкт-Петербурга (и пригородов), учитывающее информативность и сохранность археологического культурного слоя, обеспечивающее формирование коллекции материалов XVIII–XIX вв. (из пробных раскопок), предопределяющее структуру и объем археологической службы в системе органов охраны памятников истории и культуры города.

2.6.3. Работа по обеспечению охраны археологического культурного слоя должна осуществляться поэтапно, имея целью зонирование, установление режима и создание археологической службы охраны культурного слоя Санкт-Петербурга, соответствующие статусу его Исторического центра как объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО. Содержание первого этапа: обобщение информации и разработка технологической процедуры установления границ и режима охранных зон археологического культурного слоя в пределах Исторического центра и в целом на административной территории Санкт-Петербурга (и пригородов), в соотношении с режимом охраны памятников архитектуры, истории и культуры, а также текущими градостроительными процессами. Второй этап: осуществление зонирования — определение границ, содержания и режима охранных зон, подготовка проектов нормативных актов. Третий, заключительный этап: ввод в действие муниципальной археологической службы.

3. Принципы организации Археологической службы

Археологическое изучение культурного слоя на территории Санкт-Петербурга приобретает особую актуальность в преддверии 300-летнего юбилея основания города, Исторический центр и пригороды которого объявлены Всемирным наследием ЮНЕСКО. Проблематика Петербурга и русских городов Балтики — его исторических предшественников — широко представлена в международном научном контексте, от Финляндии до Германии, и вошла в многолетнюю международную программу "Городская археология Ганзейского пространства" (Остзейская Академия, Любек).

3.1. Археологический культурный слой, в отличие от большинства памятников истории, культуры, архитектуры (в том числе, ряда категорий памятников археологии — таких, как городища, курганы, дольмены и т.п.) не имеет ярко выра-

женных внешних признаков на дневной поверхности. Установить наличие или отсутствие культурного слоя, степень его сохранности, режим охраны и процедур научного исследования могут только специалисты — профессиональные археологи, обладающие необходимой специальной подготовкой. До проведения экспертизы с участием специалистов любые земляные работы в зонах вероятного обнаружения культурного слоя должны быть запрещены.

3.2. Любые археологические работы в пределах охранных зон культурного слоя Санкт-Петербурга также могут проводиться только специалистами-археологами, обладающими необходимой профессиональной подготовкой. Право на проведение археологических работ в Санкт-Петербурге дает документ установленного образца (Открытый лист). После проведения натуральных археологических работ держатель Открытого листа обязан в установленные сроки представить для научной экспертизы полный научный отчет по проведенным работам, оригиналы полевой документации (дневник работ, чертежи, негативы натурной фотофиксации, опись находок), которая затем подлежит хранению в специализированном научном архиве, а полученные в результате проведения археологических работ коллекции находок после проведения реставрации и первичной научной обработки должны быть переданы на постоянное хранение в федеральный или муниципальный музей.

3.3. В условиях Санкт-Петербурга — в дельте Невы на Балтике — археология городской территории с сохраняющимся на ней культурным слоем неразрывно связана с археологией акватории, подводными археологическими работами. Морские археологические исследования последнего десятилетия на Балтике вышли на качественно новый уровень: при активном международном сотрудничестве развернулся массовый поиск и пробное изучение затонувших старинных и древних судов в акватории, непосредственно относящейся к Санкт-Петербургу (Финский залив от Выборга до Кронштадта, Нева, Ладожское озеро).

3.4. Археологическая служба Санкт-Петербурга может быть развернута на методологической, технической, организационной базе, отвечающей самым высоким требованиям современной "городской археологии" Европы, успешно осваивая, развивая, а затем и совершенствуя имеющийся мировой опыт. Структура этой археологической службы должна включать постоянный межведомственный Научный совет по археологии Петербурга, и муниципальное подразделение с функциями охраны археологического культурного слоя (археологическую инспекцию), сочетающую задачи регулярного археологического надзора, аварийных археологических работ и организации стационарных археологических исследований.

4. Структура археологической службы

4.1. Научный Совет по археологии Петербурга

Межведомственный научно-координацион-

ный Совет при Президиуме СПб НЦ РАН по историко-археологическим исследованиям на территории и в акватории Санкт-Петербурга и Ленинградской области (Научный Совет по археологии Петербурга, НКС) является координирующим органом Президиума Санкт-Петербургского Научного Центра Российской Академии наук и работает во взаимодействии с Научным советом при Правительстве Санкт-Петербурга и Департаментом науки и высшей школы Правительства Санкт-Петербурга.

НКС обеспечивается информацией, осуществляет координацию, согласовывает и утверждает программы, организует и утверждает экспертизу результатов всех видов археологических работ на территории Санкт-Петербурга, в акватории Невы, Ладожского озера и Финского залива (в пределах государственных и административных границ) и на территории Ленинградской области.

НКС согласовывает программы археологических исследований с муниципальными, федеральными а также международными программами по сохранению и использованию историко-культурного наследия, научной и образовательной деятельности, музеефикации и туризму, строительным работам и иным формам деятельности городского хозяйства, находящимся в ведении Мэрии Санкт-Петербурга.

4.1.1. Структура совета.

НКС формируется Решением Президиума Санкт-Петербургского Научного Центра РАН, согласованным с Департаментом науки и высшей школы и Научным советом при Правительстве Санкт-Петербурга, и действует на основании собственного Положения, отчитываясь в своей деятельности перед Президиумом Санкт-Петербургского научного центра РАН.

Базовыми организациями, обеспечивающими работу НКС определяются ИИМК РАН, Санкт-Петербургский филиал РНИИ культурного и природного наследия Министерства культуры РФ и РАН, Историко-археологический центр морской и подводной археологии РАН (г.Выборг).

НКС возглавляется Председателем, координирующим работу заместителей председателя и председателей коллегий НКС. Заместители председателя, по его поручениям координируют деятельность председателей коллегий и формируют повестку дня общих заседаний НКС; обеспечивают координацию работы совета с иными отечественными и зарубежными организациями. Председатели коллегий руководят работой коллегий по конкретным направлениям.

НКС работает в составе Городской, Морской и Региональной коллегий. Городская коллегия рассматривает и координирует все виды археологических работ по культурному слою и археологическим объектам С-Петербурга и пригородов, находящихся в административных границах ведения Мэрии С-Петербурга. Морская коллегия рассматривает все виды подводных и надводных работ по изучению археологических объектов акватории, координирует их с археолого-навигационными и наземными археологическими исследованиями. Региональная коллегия обеспечивает координацию работ городской и морской коллегий с археологическими иссле-

дованиями на территории Ленинградской и сопредельных областей и акваторий России.

Президиум СПбНЦ РАН, а по его представлению, Департамент науки и высшей школы и другие подразделения Мэрии Санкт-Петербурга обеспечивают НКС необходимой информацией и документацией, финансовыми и организационно-техническими ресурсами, а также используют решения и рекомендации НКС как юридическую и концептуальную основу Постановлений, Распоряжений, Решений и других нормативных актов Мэрии и Правительства Санкт-Петербурга.

4.1.2. Функции совета

НКС, используя аппарат Санкт-Петербургского научного центра РАН и техническую базу Санкт-Петербургского филиала РНИИ культурного и природного наследия, сосредотачивает и рассматривает заявки и программы археологических исследований культурного слоя, акватории и территории Петербурга и региона, обеспечивает их экспертизу и представляет Департаменту науки и высшей школы и другим органам Мэрии итоговые рекомендации и заключения по планированию, финансированию и осуществлению названных работ.

НКС по представлению Мэрии и организаций-заявителей координирует муниципальные, федеральные и иные источники финансирования археологических работ, находящихся в его ведении.

НКС сосредотачивает, рассматривает и оценивает отчеты о произведенных работах, координирует движение информации о полученных результатах, участвует в организации научных совещаний, симпозиумов, конференций, экспозиций, публикаций и иных форм научно-информационной деятельности, а также принимает экспертные и квалификационные заключения, являющиеся основанием для соответствующих решений Департамента науки и высшей школы и других муниципальных органов.

НКС формирует редколлегию и при содействии Президиума СПбНЦ РАН и Департамента науки и высшей школы Правительства С-Петербурга организует издание научного альманаха "Археология Петербурга".

4.1.3. Сферы действия Совета

4.1.3.1. *Городская коллегия.* Городская коллегия НКС во взаимодействии с УГИОП, Гос.Музеем истории Санкт-Петербурга, Институтом истории материальной культуры РАН и другими исследовательскими организациями сосредотачивает, организует и координирует информацию, рассматривает и утверждает планирование, проверяет целесообразность и достаточность финансирования, а также оценивает полученные результаты археологических работ по изучению культурного слоя и находящихся в нем археологических объектов на территории Санкт-Петербурга. Коллегия ведет учет полученных материалов и представляет рекомендации по их хранению, использованию, публикации, экспонированию, а также по необходимым мерам музеефикации исследуемых объектов, во взаимодействии с УГИОП рассматривает документацию, относящуюся к архитектурно-проектным разработкам и всем видам строитель-

ных и земляных работ, затрагивающим культурный слой, на основе действующего законодательства определяя порядок и условия финансирования и обеспечения необходимых археологических работ. Организационно-информационной базой работы коллегии, обеспечивающей координацию исполнения утвержденных по ее представлению научно-исследовательски программ, является Санкт-Петербургский филиал РНИ культурного и природного наследия МКРФ и РАН.

4.1.3.2. *Морская коллегия.* Морская коллегия НКС рассматривает планы и обеспечение подводных и надводных археологических работ, качество исходной документации, техническую и правовую базу планируемых работ, утверждает программы и представляет в необходимых случаях соответствующую документацию морским, правоохранительным и иным госорганам, а также обеспечивает стандартную процедуру координации, аналогичную работе Городской коллегии. Организационно-информационной и экспертной базой коллегии, обеспечивающей координацию исполнения и экспертизу результатов утвержденных по ее представлению программ является Историко-археологический Центр морской и подводной археологии ИИМК РАН (Выборг).

4.1.3.3. *Региональная коллегия.* Региональная коллегия НКС выполняет функции, аналогичные функциям Городской и Морской коллегий по координации работ на территории Ленинградской и сопредельной областей РФ. Организационно-информационной базой работы коллегии является Северо-Западный филиал РНИИ культурного и природного наследия Министерства культуры РФ и РАН и Фонд регионального развития РАН.

4.1.4. *Формы деятельности Совета*

4.1.4.1. *Регистрация и координация.* Коллегии НКС сосредотачивают в своем распоряжении исходную документацию — заявки, программы, финансовые обоснования и пр. Председатель коллегии распределяет поручения членам коллегии и организует заседания коллегии для подготовки проекта решений и заключений НКС. Результаты работы коллегии рассматриваются и решения принимаются на общем заседании НКС.

4.1.4.2. *Экспертиза и контроль.* По научно-исследовательским работам, произведенным с санкции НКС в установленные сроки представляется научный отчет с необходимой документацией. НКС организует экспертизу отчета и по полученным результатам определяет целесообразность продолжения работ по осуществляемой программе, формы и условия ее координации с другими программами, соотношение с иными мероприятиями, выполняемыми по плану работы НКС.

4.1.4.3. *Координация.* Программы археологических работ, контролируемые НКС, соотносятся с текущей деятельностью Археологической Инспекции Санкт-Петербурга (АИ), осуществляющей регулярный археологический надзор и аварийно-спасательные археологические работы, а также организующей при необходимости, совместно с НКС стационарные работы по археологии Петербурга. С этой целью в НКС на общих основаниях представляются научные отчеты о выполненных АИ археологических работах, а также

план работы АИ на текущий год. Научно-методический совет АИ является структурным подразделением НКС по археологии Петербурга.

4.2. *Археологическая Инспекция Санкт-Петербурга*

Археологическая Инспекция создается, на основе Постановления Законодательского Собрания об организации археологической службы Санкт-Петербурга, Распоряжением мэра как одно из подразделений Комитета по архитектуре и градостроительству Мэрии Санкт-Петербурга (в составе или наравне с Комитетом инспекции охраны памятников). В вопросах научной экспертизы произведенных работ и координации исследовательских программ Археологическая Инспекция (АИ) подчинена Научному совету по археологии Петербурга.

4.2.1. *Структура и функции.* АИ должна состоять из подразделения инспекторов, осуществляющих регулярный археологический надзор за всеми земляными и строительными работами на административной территории Санкт-Петербурга, аварийно-спасательной службы, способной собственными силами обеспечить оперативные стационарные археологические работы, научно-исследовательского сектора, предназначенного для планирования, координации, осуществления научно-исследовательских работ по программам НКС, а также располагать собственным архивом, библиотекой, технической базой и необходимыми административно-финансовыми подразделениями.

4.2.2. *Археологический надзор* является основной обязанностью АИ, которая должна располагать штатом инспекторов и техникой, (включая автотранспорт), обеспечивающей ежедневное обследование и наблюдение производимых на территории города строительных и земляных работ. Инспекторы АИ должны быть наделены правом вмешиваться в ход и использовать ресурсы строительных работ для необходимых по осуществлению надзора археологических операций.

4.2.3. *Аварийные археологические работы* производятся специализированным подразделением АИ, располагающим необходимыми штатами и техникой (автотранспорт, машины для земляных работ, специальное археологическое оборудование).

4.2.4. *Стационарные археологические работы* организуются под контролем и с участием АИ и обеспечиваются за счет муниципальных средств оборудованием, необходимым для сооружения временных рабочих павильонов, обеспечения их энергией, техникой, лабораторным и электронным оборудованием и иными условиями, определяющими современный научно-технический уровень производимых работ.

4.2.5. *Музеефикация археологических объектов* Санкт-Петербурга осуществляется на основе проектов, заказанных и утверждаемых АИ совместно с НКС и является одним из постоянных направлений культурной и градостроительной политики Мэрии и Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, реализующих утвержденный статус города как объекта Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

П. Е. СОРОКИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ НА ТЕРРИТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА*

История изучения археологических объектов в пределах современного Санкт-Петербурга

Петербург с момента своего основания в начале XVIII в. являлся центром изучения и собирания археологических древностей России. Уже в 1731 г. при строительстве Ладожского канала были обнаружены каменные орудия первобытного человека, переданные в Кунсткамеру. Описывавший их в 1732 г. Гмелин отметил сходство предметов с искусственными изделиями. Из сообщения академика П.С.Палласа (1741–1811) известно, что при работах на берегу Финского залива вблизи Стрельны была найдена лодка выдолбленная из дуба, к сожалению не сохранившаяся до наших дней. (Уваров 1881: 387; Доманский, Столяр 1962: 30). В 1797 г. в Галерной гавани Васильевского острова был найден клад серебряных сасанидских монет (Марков 1910: 30).

Интерес к археологическим объектам Европейской России появляется в начале XIX в. с пробуждением интереса к отечественной истории. Одним из первых исследователей древнерусских археологических памятников Северо-Запада — городищ, курганов, сопок и жальников — стал Зориан Ходаковский. Он обратил внимание на отсутствие следов оседлости этого времени в низовьях рек выходивших в Балтику, включая и Неву. По мнению Ходаковского, это объяснялось тем, что здесь существовала постоянная опасность нападения шведов (Ходаковский 1838: 41).

Интерес к допетровской истории устья Невы появляется достаточно рано, однако первоначально воспоминания об этих временах находили отражение, в основном, в популярной литературе. Под территорией Санкт-Петербурга понималась его современная центральная часть. Так, автор "Описания Санкт-Петербурга и Кронштадта в 1710 и 1711 гг.", опубликованного в октябре 1882 г. в журнале "Русская старина", писал, что на этом месте "жил шведский помещик с немногими финскими крестьянами и рыбаками так что еще и теперь на пустырях в городе и вокруг него остались следы борозд поднятых их сохами" (Попов 1903: 41–43). Некоторая информация по предыстории Петербурга содержится в фундаментальном изда-

нии Г.Богданова и В.Рубана (Богданов, Рубан 1779; Богданов 1903).

Подлинно научное отношение к предпетровскому периоду истории начинается с привлечением письменных источников позднего средневековья. Изучение исторических документов, таких как Обыскная книга 1573 г., позволило П.Буткову уже в 1836 г. обрисовать состояние местностей Петербурга в XVI в. (Бутков 1836). Публикация Писцовой книги Водской пятины 1500 г. (ПКВП), содержащей подробные сведения о поселениях в устье Невы, дала возможность поинтересоваться на эту проблему: наиболее подробные комментарии были сделаны в 1888 г. Г.А.Немировым в работе "Петербург до его основания". Несколько позднее появляются книга А.И.Гиппинга "Нева и Ниеншанц" (1909) и "Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные Гиппингом А.И. и Куником А.А." (1913); в этих работах имеется подробная информация о землях в устье Невы в допетровское время.

Начало систематического изучения памятников первобытной археологии в регионе Петербурга было положено профессором Петербургского университета геологом А.А.Иностранцевым (1843–1919). В 1877 г. в процессе обследования течения и дельты Невы с целью изыскания способов борьбы с наводнениями в районе Ивановского, в среднем течении Невы, он обнаружил обломок костяного наконечника гарпуна украшенного орнаментом. В 1878–1882 гг. исследователь проводил систематические наблюдения за земляными работами по строительству каналов вдоль берега Ладоги. Для обработки собранной коллекции предметов неолитического времени, костных останков человека и животных были привлечены видные ученые. Результатом работы стала появившаяся в 1882 г. книга "Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера" до сих пор сохраняющая значение важного научного источника (Иностранцев 1882; Доманский, Столяр 1962: 3132).

В конце XIX — начале XX в. на Северо-Западе России начинается активное изучение древностей средневекового периода. В это время ведутся раскопки погребальных памятников и фортификационных сооружений древнерусского времени в Петербургской губернии — в Южном Приладожье

* Пользуюсь случаем искренне поблагодарить С.В.Белецкого (ИИМК РАН) и Ю.М.Лесмана (Гос.Эрмитаж), прочитавших статью в рукописи и сделавших ряд полезных замечаний, учтенных при подготовке статьи к печати.

и на Ижорском плато, Н.Е.Бранденбург, а позднее Н.И.Репников проводят систематические исследования комплекса памятников в Старой Ладоге (Бранденбург 1896; Репников 1948). Основное внимание уделялось многочисленным некрополям IX—XV вв., в массовом количестве представленным в Юго-Восточном Приладожье, на Ижорской возвышенности и в Верхнем Полужье (Седов 1983:169-175). В 1905—1913 гг. С.С.Гамченко провел исследования в районе Сестрорецкого разлива (Архив ИИМК РАН, ф.1. 1906. д.12; ф.1. 1908. д.71; ф.1. 1913. д.224); результатом этих работ стало введение в научный оборот сведений о т.н. "Сестрорецких курганах". Здесь же было обнаружено неолитическая стоянка, позднесредневековое поселение и несколько кладов (Гамченко 1908а; 1908б; 1913). Позднее на побережье Сестрорецкого разлива были открыты другие стоянки эпохи неолита и раннего металла. В 1915 г. А.Штакельберг обнаружил на территории пос. Разлив каменные орудия. Дополнительные сборы материала здесь провели в 1920 г. П.Виттенбург и Суомолайнен. В 1916 г. М.Я.Рудинский и Г.П.Сосновский открыли Тарховскую неолитическую стоянку на восточном берегу разлива. В 1921 г. обе стоянки обследовал Б.Ф.Земляков. Еще одну стоянку (в Лахте) исследовали в 1922 г. В.Александров и В.Виттенбург, а в 1923 г. Б.Ф.Земляков и А.А.Спицын (Архив ИИМК РАН, ф.2, 1923, д.79, 119; ф.2, 1926, д.105). В 1933 г. после понижения уровня воды С.Я.Яковлев и Б.Ф.Земляков выявили здесь пять стоянок эпохи неолита, а также следы раннего металла (Архив ИИМК РАН, ф.2, оп.1, 1933, д.146; Архив ИИМК РАН, ф.2, оп.1, 1933, д.253). Результаты этих исследований были обобщены Н.Н.Гуриной (1961: 12, 415-438, 502-506, 530-532).

Следующими, значительными по своим результатам, археологическими работами на территории Петербурга стали охранные раскопки в историческом центре города. В 1952 г. А. Д. Грач провел исследования рядом с Кунсткамерой в Таможенном переулке: в траншее длиной 52,5 м и шириной 1 м был изучен непо потревоженный культурный слой XVIII в., что позволило существенно расширить представления о быте населения города этого времени (Грач 1957). В 1963 г. были проведены небольшие раскопки на территории Летнего сада (Шамардин 1977: 245-250). В 1970-е годы Г.С.Лебедев проводил исследования Сампсониевского собора (Воинов, Денисов, Лебедев 1975) и вместе с К.М.Плоткиным вел раскопки Нарышкинского бастиона (Лебедев 1981). В 1960—1970-е годы А.Д.Грач, а затем В.А.Грач проводили раскопки комендантского кладбища в Петропавловской крепости. С 1970-х годов на протяжении ряда лет В.А.Коренцвит исследует архитектурные и садово-парковые объекты Санкт-Петербурга и его пригородов (Коренцвит 1975; 1980: 469-482; 1985: 134-137). В 1970—1980-е годы проводились архитектурно-археологические исследования Меншиковского дворца и дворца

Петра I (Гессен 1976: 238; Баженова 1980; Михайлов 1988: 246-247; Якушева 1994: 219, 228, 237-238).

В эти же годы продолжалось изучение письменных источников по предыстории Петербурга. В 1953 г. была опубликована подборка карт XVII в. (Bagrow, Kohlin 1953). В 1979 г. А.И.Копанев опубликовал чертеж т.н. "Городского острова", выполненный в 1724 г. (Копанев 1979: 500-503). В 1981 г. появилось исследование карты устья Невы 1640-х годов (Возгрин, Шаскольский 1981), а в 1987 г. были опубликованы материалы по средневековой истории региона, включающие подробный анализ источников о шведской крепости Ландскрона в устье Охты (Шаскольский 1987а). В конце 1970-х годов архитектурно-археологические исследования в Ораниенбауме проводили И.Н.Кауфман и Н.В.Якимова (1987: 560-569). Серьезную основу для археологического изучения Большого дворца в Ораниенбауме заложили архивные изыскания С.Б.Горбатенко (1987: 461-480).

С 1988 г. систематическое изучение археологических объектов на территории Санкт-Петербурга начала археологическая лаборатория, в настоящее время входящая в состав СЗФ РНИИ культурного и природного наследия: в 1988 г. были проведены архитектурно-реставрационные раскопки ц. Александра Невского в пос. Усть-Ижора; в 1989—1991 гг. обследования территории поселка; в 1992-1993 гг. исследования в устье Охты, в районе локализации шведских городов Ландскрона и Ниен; в 1993 г. разведочные работы в Красносельском районе в районе Дудергофа (п. Горский), Красного Села; в 1994 г. спасательные раскопки в зоне строительства набережной Невы у Смольного монастыря, на месте позднесредневекового села Спасское. В 1995 г. Санкт-Петербургская археологическая экспедиция СЗФ РНИИ культурного и природного наследия проводила раскопки усадьбы Д. Кваренги в Пушкине (Кашаев, Андреева 1996) и предварительные разведочные обследования по западному и восточному побережьям Сестрорецкого разлива (Сорокин 1988; 1989; 1990; 1991; 1992; 1993а; 1993б; 1993в; 1994б; 1994в; 1995).

Освоение территории и формирование поселенческой структуры в устье Невы

Геологическая структура территории современного Петербурга складывалась на протяжении миллионов лет. Фундамент Русской платформы, состоящий из кристаллических пород — гранитов, гнейсов, диоритов — сформировался в архейском и нижнепротерозойском периоде (1000—2500 млн. л. н.). Сверху он перекрыт слоями осадочных пород (глин, песков, песчаников, известняков), образовавшихся из морских и континентальных отложений в процессе поднятия и опускания платформы, оледенений и под влиянием других

* Материалы раскопок хранятся в музее истории Санкт-Петербурга.

** Замечу, что первые раскопки Зимнего дворца Петра I были проведены академиком архитектуры Ф.Солнцевым еще в 1853 г. (Михайлов 1988: 244).

природных условий. В устье Невы это кембрийские "синие" глины мощностью до 130 м. Южнее на поверхность выходят лежащие на кембрийских отложениях ордовикские породы: пески, песчаники, известняки, доломиты, мертели. Из них сложены Ижорская и Путиловская возвышенности, представлявшие собой части ордовикского плато, круто обрывающегося к северу высоким 40–60 метровым Балтийско-Ладожским уступом – глинтком (Даринский 1975: 14–19). Этот уступ проходит вдоль южных побережий Ладоги, Невы и Финского залива на удалении 10–30 км от береговой линии.

Большое влияние на формирование рельефа региона оказали геологические процессы четвертичного периода. В это время территория современного Петербурга испытала четыре оледенения. Ледниковые эпохи чередовались с межледниковьями. Ледники двигались с севера на юг, сглаживая поверхность сложенную кристаллическими породами, захватывая с собой множество крупных валунов, углубляя, встречавшиеся на пути понижения рельефа и создавая новые. Вместе с ледниками перемещались обломки горных пород смешанные с глиной и песком – так называемые морены, которые образовывали у края ледника холмы и гряды (Колтушская возвышенность на Карельском перешейке).

Последнее, Валдайское оледенение закончилось 25–20 тыс. л. н. В результате таяния льдов возникали ледниковые водоемы с осадками из глины и песка. После окончания спуска ледниковых озер, главную роль в формировании рельефа играла деятельность рек, сформировавших в это время свои долины. Впоследствии геологическая история Северо-Западного региона во многом определялась глобальными изменениями водных бассейнов, происходивших в результате колебательных движений в районе Южной Швеции и Датских проливов. Открытие проливов связывало Балтику с Атлантическим океаном, закрытие превращало ее в озеро. 14–15 тыс. л. н. у южного края ледника образовалось ледниковое озеро, включившее в свой состав акваторию современной Ладоги и перекрывавшее территорию современного Петербурга. Около 13 тыс. л. н., вследствие соединения с Атлантикой, озеро превратилось в море (Иольдиево), однако уже 9–7,5 тыс. л. н. оно снова стало замкнутым водоемом (Анциллово озеро). Пра-Ладога, соединявшаяся с ним проливом в северной части Карельского перешейка, в это время уже сформировалась как обособленный бассейн. Невы тогда еще не было: по ее руслу в Анциллово озеро впадала р.Тосно, а в Ладогу р. Мга, разделенные водоразделом в районе современных Ивановских порогов. Появление проливов Большого и Малого Бельта оформило образование Литоринового моря (7,5–5,5 тыс. л. н.), превышавшее по площади предшествовавшее озеро. Литориновое море затопило нижнюю часть долины р.Тосно, проникнув вглубь современной суши в виде узкого залива по Приневской низменности. Ладожское озеро превратилось в огромный залив этого моря. В это время происходило формирование аккумулятивной террасы на которой в настоящее время располагается большая часть Петербурга примыкающая к Финскому

заливу. Наступившее похолодание вызвало регрессию мирового океана, приведшую к сокращению площади Литоринового моря. Вследствие этого возникло Древне-Балтийское море, а Ладога превратилась в замкнутый бассейн. Не имея стока он начал переполняться и с поднятием северной части Карельского перешейка затопил долину р.Мга до узкого водораздела, отделяющего ее от р.Тосно. Поднявшись более чем на 12 м воды Ладоги хлынули через перешеек, образовав р.Нева. Произошло это, вероятно, около 4 тыс. л. н. Спуск воды из Ладоги через новое русло, несомненно деформировал унаследованные новой рекой древние долины рек Тосно и Мга. Вследствие снижения уровня и сокращения площади Древне-Балтийского моря в устье Невы образуются острова, послужившие началом формирования дельты Невы (Павлов, Сорокин 1995: 17). Немаловажную роль в этом процессе сыграло и накопление здесь осадочных отложений, приносимых течением реки и способствовавших значительному увеличению площади островов (рис. 1).

Со второй половины прошлого столетия в геологической науке сложилось мнение, согласно которому уже в исторические времена уровень воды в Ладоге и Неве был значительно выше современного: Ладога была больше по размерам, Нева же представляла собой пролив шириной 820 верст, соединявший ее с Финским заливом (Иностранцев 1882: 239). Г.А.Немиров полагал, что острова Невской дельты образуются в середине X в. (Немиров 1888: 31). С.С.Кузнецов рассчитал по имевшимся планам Петербурга (1718–1864 гг.), что за 146 лет увеличение территории островов Невской дельты составило 6 319 806 м² (43286 м² в год). Предположив, что показатели этого прироста были стабильны, исследователь пришел к выводу, что острова Невской дельты появляются на поверхности ок. 975 г., а водная площадь Кронштадтской губы ежегодно уменьшается на 97 902 м², и если этот процесс будет протекать с той же интенсивностью, то для ее полного исчезновения потребуются 3230 лет (Кузнецов 1955).

Первое население проникло на территорию края в эпоху мезолита, вероятно, в VII–VI тыс. до н.э. Поселения возникали на берегах тихих мелководных водоемов богатых рыбой. Люди владели уже достаточно современными орудиями рыболовства – сетями. Большое значение в хозяйстве в это время имели также охота и собирательство.

В неолитическую эпоху численность населения сильно возросла, что выразилось в увеличении количества стоянок. Происходило это не только за счет естественного прироста, но и в результате миграций. В раннем неолите происходит продвижение в регион с территории Эстонии носителей нарвской культуры, ареал которой включал земли Эстонии, Латвии, Западной Литвы и Северо-Восточной Белоруссии. В эпоху развитого неолита в петербургском регионе складывается прибалтийская культура с гребенчато-ямочной керамикой и наблюдается обратный процесс продвижение ее носителей в Прибалтику и юго-восточную Финляндию. В результате этого процесса носители нарвской культуры и культуры сперрингс подверглись ассимиляции. Позднее, в период раннего металла, в пределы региона продви-

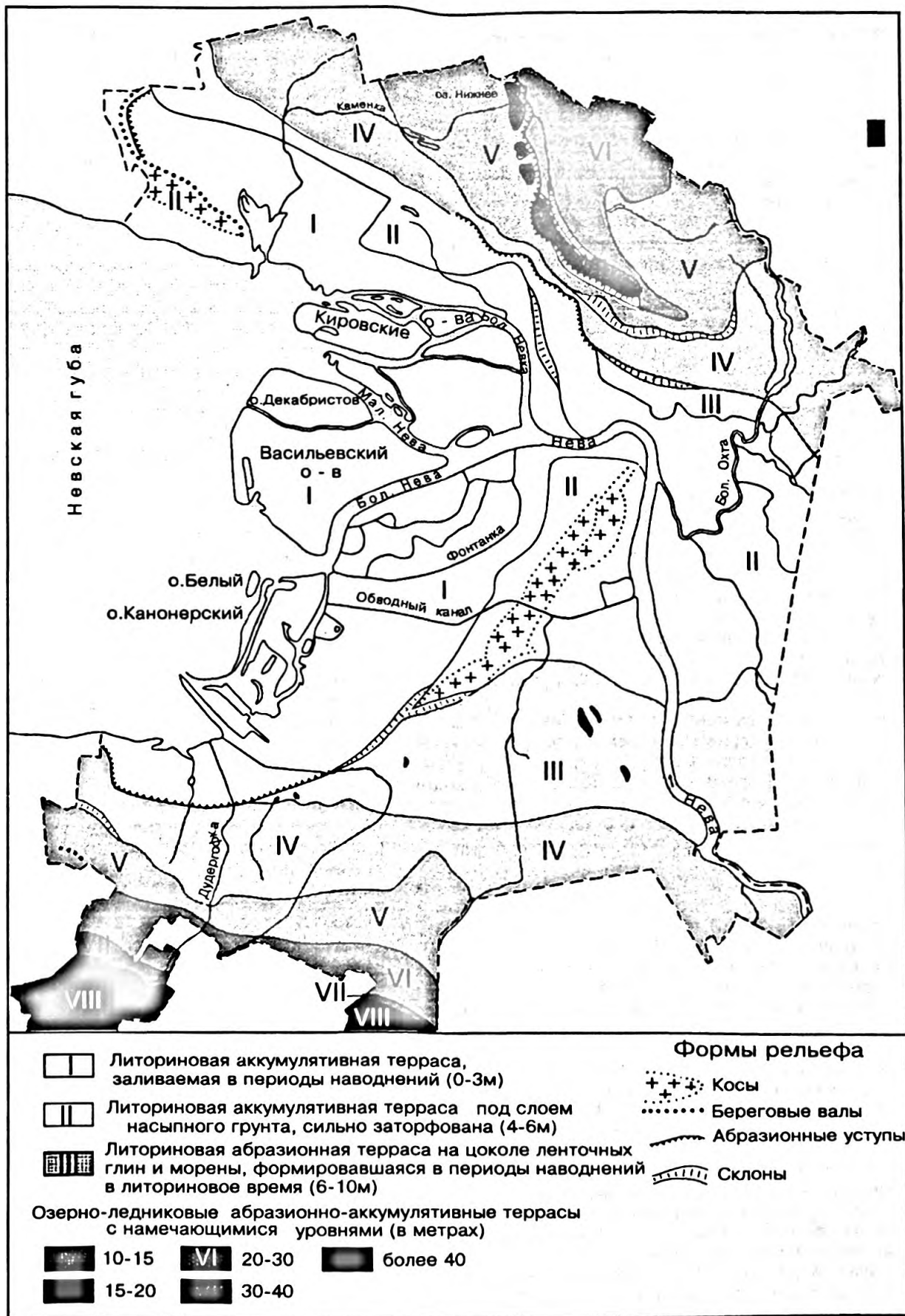


Рис.1. Геоморфологическая карта Петербурга (ЛИГА).

гаются население из Верхнего Поволжья (носители культуры текстильной керамики), которое очевидно, затем сливается с аборигенами (Гурина 1985: 910).

На территории современного Петербурга памятники каменного века и эпохи раннего металла известны в районе Сестрорецкого разлива и Лахты. Во время максимума древнебалтийской трансгрессии западная часть Сестрорецкого разлива была открыта и свободно сообщалась с морем. Постепенно в результате намывной деятельности волн при входе в залив образуется песчаный риф. По мере увеличения он появляется на поверхности, отгораживая залив от моря, а после поднятия земной поверхности залив превращается в замкнутое озеро (Яковлев 1926; Сосновский 1935). Согласно другому мнению, появление перешейка было предопределено существованием более древней гряды островов, возвышавшихся над уровнем не только Древнебалтийского, но и Литоринового моря (Земляков 1941: 159).

Именно в этом районе появляются стоянки каменного века. Наиболее ранняя из них, у станции Разлив, относится к ранненеолитическому времени (Г.П.Сосновский) или даже к мезолитическому времени (Б.Ф.Земляков, Н.Н.Гурина). Стоянка размещалась на дюнном песчаном берегу на отметках 16–18 м. Архаичность каменного инвентаря и сходство его с хорошо стратифицированными комплексами Льяловской стоянки и местонахождений Дании позволили датировать стоянку концом атлантического периода — IV тыс. до н.э. (Сосновский 1935; Земляков 1941: 159; Гурина 1961: 42)

К более позднему времени — к последним этапам озерного неолита лесной зоны северо-восточной Европы — принадлежит основная часть известных в настоящее время стоянок: Тарховская коса, Сосновая гора, пять Сестрорецких стоянок затопленного разлива, а также стоянка на южном берегу Кавголовского озера в районе Токсова. Все эти памятники характеризуются кремневыми и кварцевыми орудиями (рис.2) и типичной ямочно-гребенчатой керамикой, второй фазы ее развития (Земляков 1941: 158). В топографическом отношении они занимают различные позиции — от высокого песчаного берега до прибрежных пониженных территорий. Вероятно, в древности эти стоянки располагались вблизи береговой линии. В настоящее время они находятся под водой на глубине около 1,5 м.

Еще позднее появляются памятники в Лахте, в Сестрорецке у истоков р.Сестра и в центральной части восточного берега Разлива (у Глиняного ручья). Керамические материалы с этих стоянок характеризуются плоскостонностью и текстильным орнаментом (Земляков 1941: 158). Лахтинская стоянка, размещается на мысу коренного берега Лахтинского залива, вытянутом с запада на восток, на высоте около 5 м над уровнем моря. Кремневые орудия (рис.3) и керамика с растительной примесью, редкой гребенчатой орнаментацией и отпечатками ткани, а также находки обмазки с натеками металла и железных шлаков позволяют отнести местонахождение к эпохе раннего металла. Керамический комплекс сближает стоянку с одноименными финскими памятни-

ками, в то время как на местонахождениях в Южном Приладожье подобная керамика достаточно редка по сравнению с текстильной (Гурина 1961: 502–506).

Перечисленные стоянки не исчерпывают всех находок эпохи каменного и железного века на территории современного Санкт-Петербурга и в его ближайших окрестностях. Отдельные предметы были обнаружены близ пос.Ольгино (кремневый скребок), в черте пос.Репино (каменное орудие), у с.Большое Кузьмино и Московская Славянка на р.Славянка, вблизи Царского Села и в с.Ижоры на р.Ижора близ Павловска (кремневые наконечники стрел и каменное орудие). С этим же временем следует связывать и челн, найденный в Стрельне на побережье Финского залива (Уваров 1881: 136; Гурина 1961: 532).

Таким образом в ближайших окрестностях Петербурга, в настоящее время частично входящих в городскую черту, можно выделить два района, освоенных в эпоху неолита и раннего металла. Первый из них включал побережье Финского залива (от п.Репино до Лахты) с концентрацией стоянок вблизи Сестрорецкого разлива, второй — территории к югу от Санкт-Петербурга (район Пушкина) на высоком Балтийско-Ладожском уступе — глинте. Примечательно, что оба района занимали возвышенные участки по отношению к землям в устье Невы, которые в этот период были либо затоплены, либо представляли собой заболоченные и непригодные для проживания территории. В то же время, наличие отдельных находок этого времени позволяет прогнозировать выявление в регионе Петербурга новых памятников от мезолита до эпохи раннего металла.

С VII в. в северо-западной части Восточно-Европейской равнины начинают формироваться водные коммуникации, связывавшие торговые пути по Балтике и Волге. В результате этих процессов уже в середине IX в. начинает функционировать трансевразийский Волжско-Балтийский торговый путь, а столетие спустя начинается использование и Балтийско-Днепровской водной магистрали, связавших Северную Европу с Арабским Востоком и Византией. Начиная с этого времени возрастает международное политико-экономическое значение Невы и примыкавших к ней территорий. Наиболее ранними археологическими находками здесь являются три монетных клада. Один из них, найденный в районе Галерной гавани Васильевского острова, не сохранился, и из его состава известна лишь одна монета, отчеканенная в 780 г. (Марков 1910: 30; Мельникова, Никитин, Фомин 1984: 26–47). Клад из Петергофа состоял из 82 монет, младшая из которых датируется 804/805 гг. Вблизи последнего, недалеко от пос. Мартышкино на побережье Финского залива, был зафиксирован еще один клад, от которого сохранилось 107 германских монет; судя по составу, клад был зарыт около 1070–1075 гг. (Потин 1967: 138). Обращает на себя внимание тот факт, что ближайшие скопления монетных кладов на трассе водного пути находятся в Северной Эстонии и в районе Старой Ладogi. Можно назвать несколько факторов, которые могут объяснить скопление кладов в этом районе. Как показали экспериментальные экспедиции по моделирова-

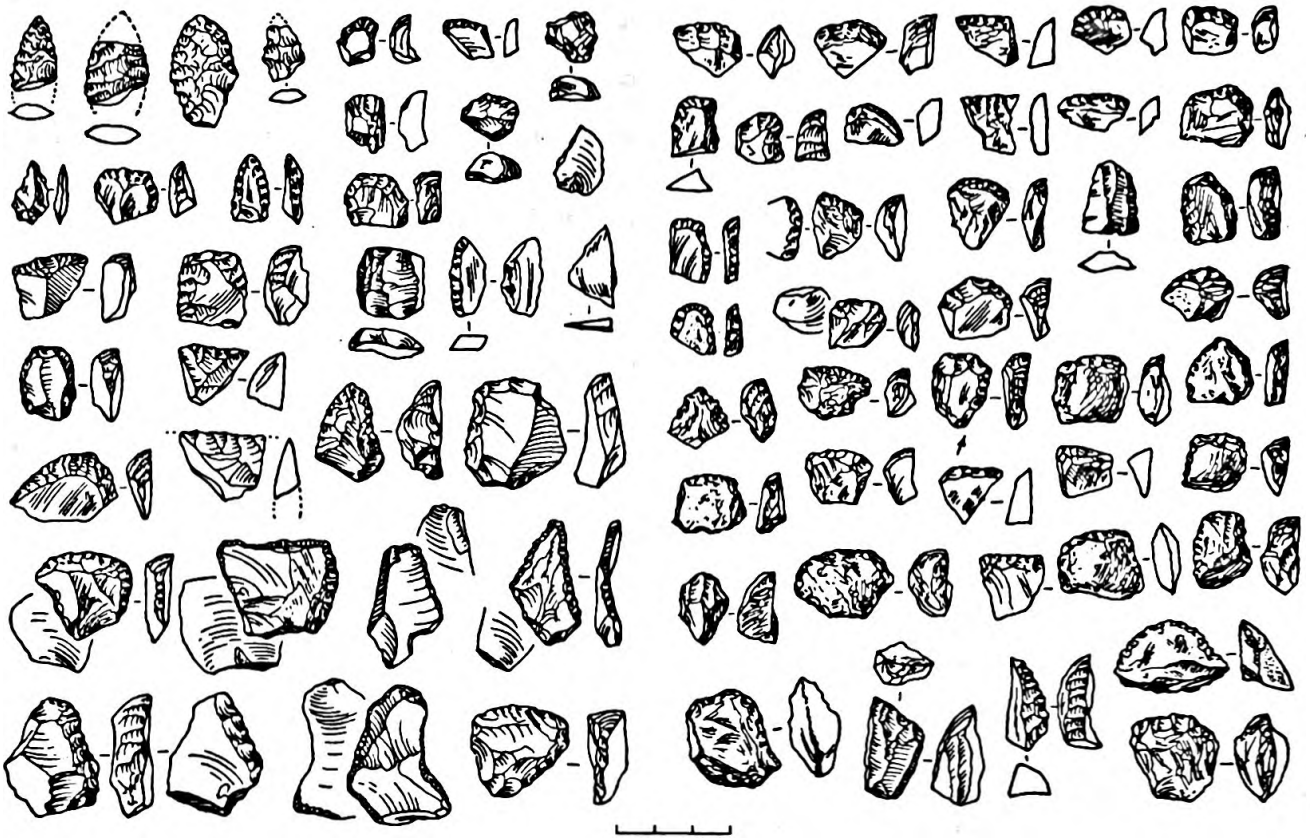


Рис.2. Кремневые и кварцевые орудия Тарховской стоянки По Н.Н.Гуриной.

нию прохождения водных путей в средневековье, останки в этих местах были вызваны сменой условий плавания, которое по Балтике совершалось преимущественно под парусом, а по Неве на веслах. Судя по всему, в эпоху раннего средневековья близ устья Невы стабильной оседлости не было, но существовали торговые места, такие же как и в других местах побережья Восточной Прибалтики в устьях рек или в бухтах: Бьерке (район Приморска) близ устьев Немана, Даугавы, Венты, Пернау, вблизи Таллина (Моора, Лиги 1969: 26), где в определенное время устраивались торги. О торговле на Неве и в ее устье нам известно из письменных источников. Согласно древнейшей скре — документу регламентировавшему жизнедеятельность ганзейских купцов в Новгороде, статьи которой входят к третьей четверти XII в. — по приходу в Неву выбирались ольдерманы новгородского двора и церкви. В немецком проекте 1268 г. говорится о праве немецких купцов торговать с инграмми и карелами. В новгородском проекте того же времени отмечается, что Новгород не несет ответственности за безопасность немецких купцов в Карелии, по поводу же Ингрии ничего не говорится, зато здесь имеется разрешение гостям рубить "дерево или мачтовый лес" по приходу в Неву "по обоим берегам реки в любом месте" (ГВНП: 59). Из этого следует, что в Неве осуществлялся

ремонт немецких судов. В одном ревельском документе 1406 г. содержится требование от Новгорода разрешения торговли в Неве, что представляется как старинный обычай (Goetz 1922: 215). В договоре 1436 г., заключенном между Новгородом и Ганзейскими городами, имелся пункт, по которому торговля должна происходить в Новгороде или в Неве. Последний вариант, как это известно из других документов, часто использовался в периоды "размирий" в обход существовавших запретов. Он вероятно был выгоден как немецким так и новгородским купцам, поскольку позволял избежать выплаты различных налогов и пошлин (Сорокин 1994б: 41-62).

Археологические памятники XI—XIII вв., связываемые с ижорой (рис.4), локализуются (Рябинин 1990: 34-35) на некотором удалении от южного побережья Невы на высоком Балтийско-Ладожском уступе-глинте (Мишкино, Ям-Ижора, Пупышево), а также на возвышенностях севернее ее долины (Келито в окрестностях Колтушей). При знакомстве с картами размещения археологических объектов VIII—XIII вв. обращает на себя внимание тот факт, что ближайшие к устью Невы зоны стабильной оседлости были в Южное Приладожье (район Старой Ладоги) и на Ижорском плато. Причем последняя из них, более близкая к рассматриваемому району в XI—XIII вв., не рас-

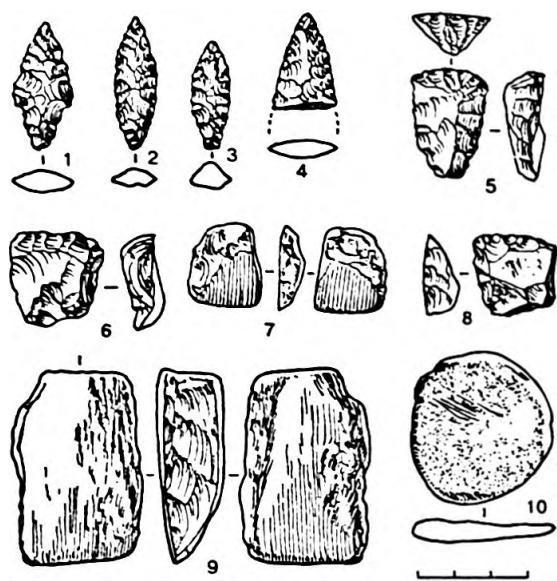


Рис.3. Каменные орудия Лахтинской стоянки.
По Н.Н.Гуриной

пространялась до побережья Финского залива. По мнению исследователей, западноевропейские монеты этого времени попадают сюда через Новгород. Действительно, размещение археологических объектов практически совпадает с географическими границами Ижорского плато, проходящими в 20-50 км от берега Финского залива. Наиболее северные древнерусские курганные могильники XII–XIV вв. известны в районе Волковиц, Сквориц, Мутакулы, Алапурской, Тайц, Романовки и Гатчины. В Гатчине была обнаружена курганная группа из 6 курганов, располагавшаяся в центре города на берегу озера; к настоящему времени она не сохранилась. Грунтовой могильник, находившийся к северу от курганной группы на краю верхней террасы берега озера, содержал грунтовые погребения XIV в., исследованные в 1932 г. В.И.Равдоникасом (Лапшин 1990: 73; Равдоникас 1932).

Наиболее северо-восточным могильником этого времени из известных сейчас регионе является могильник у Красного Села – в 0,5 км от него к западу, севернее Ропшинской дороги. Он был обнаружен случайно в 1869 г.: во время маневров, здесь был открыт курган с труположением, содержащий погребальный инвентарь. Позднее, в ходе земляных работ в 1932 г. здесь же был обнаружен грунтовой могильник с безинвентарными труположениями (осмотрены Б.А.Коишевским; см.: Савельев 1877; Архив ИИМК РАН, ф.2., 1932, д.92). Если первая из этих находок хорошо согласуется с курганами Ижорского плато,

то вторая более напоминает могильники ижоры. Еще два погребения с погребальным инвентарем, предположительно относящимся к эпохе средневековья, были обнаружены в ходе реставрационно-строительных работ вблизи центрального фасада Шереметьевского дворца.

На протяжении всего средневековья устье Невы являлось важным стратегическим районом у границ русских владений, проходивших согласно русско-ганзейским договорам середины XIII в. вблизи Котлина или Березовых островов. Именно от этих пунктов новгородские князья гарантировали безопасный проход иностранных купцов. Непосредственный контроль за водным путем по Неве Новгород возлагал, вероятно, на зависимую от него ижору, впервые упомянутую в летописи под 1228 г. в связи с ее участием в отражении еми, вторгшейся в Ладожское озеро. Механизм контроля на Невском пути показан в "Житии Александра Невского": здесь отмечена морская стража старосты Земли Ижорской Пелгусия, располагавшаяся на границе новгородских владений близ устья Невы. Судя по всему, в ее обязанности входила защита купеческих судов от разбойников и предупреждение новгородцев (в первую очередь ладожан) о приближении противника. В процессе многовековой борьбы Руси со Швецией за обладание устьем Невы, шведские войска неоднократно предпринимали попытки закрепиться здесь. В 1240 г., остановившись в устье Ижоры, они, судя по всему, пытаются соорудить укрепления на правом берегу реки. Однако, молниеносное выступление новгородцев под предводительством Александра Невского и одержанная им победа привело к срыву этих планов.

В 1300 г. шведы сооружают на Неве, при впадении в нее Охты, крепость Ландскрону. Вероятно, она размещалась на мысу при слиянии двух рек и была хорошо защищена. Описание оборонительных сооружений Ландскроны содержится в шведской средневековой "Хронике Эрика": с напольной стороны крепость была защищена рвом, вырытым между двумя реками, над которым была поставлена стена с восемью башнями и бойницами; в стене имелись ворота, а через ров существовал перекидной мост. Вероятно, укрепления были дерево-земляными, так как в источнике говорится, что во время штурма крепости в 1301 г. "вспыхнул огонь и она загорелась". После этого остатки гарнизона укрылись в крепостном "погребке" (судя по всему, в каком-то большом полуземляночном сооружении). Когда штурм был завершен, согласно тексту хроники, "немного уцелело от огня". Новгородцы не воспользовались этими укреплениями после победы – "град запалиша и разгребоша". Последнее может объясняться тем, что крепость располагалась на значительном удалении от густо заселенных территорий Новгородской земли, и это затрудняло содержание здесь постоянного гарнизона. Помимо того, существовала постоянная опасность нового вторжения

* Исследователи разделились по вопросу о месте, где происходила Невская битва. Традиционно считалось, что она проходила на правом берегу Ижоры (Сорокин 1993а), но в последнее время было высказано мнение о том, что наиболее вероятным полем битвы был левый, пологий берег реки, при ее впадении в Неву (Шаскольский 1995: 61-69; Дегтярев 1995: 78-82).

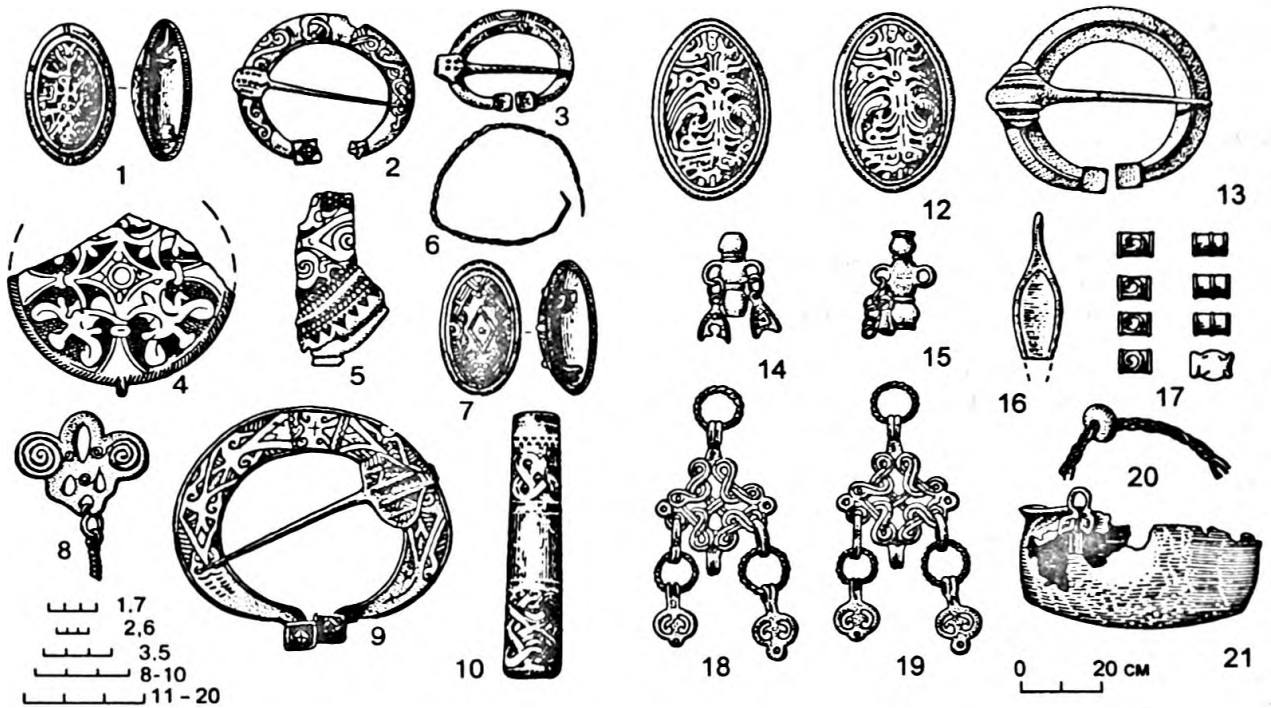


Рис.4. Находки карело-ижорского круга древностей в водской и ижорской землях (11-21 — из разрушенного грунтового погребения у д.Мишкино). По Е.А.Рябинину.

шведов и захвата этого важного военно-стратегического пункта (Шаскольский 1987а). Лишь четверть века спустя в 1323 г. у истоков Невы была сооружена крепость Орешек, позволившая усилить контроль за путем проходившим по реке. Вероятно, именно это событие и последовавшее за ним в 1324 г. заключение Ореховецкого мира, разграничившего владения Руси и Швеции в регионе, положили начало массовому заселению берегов Невы русским населением.

Согласно Писцовой книге Вотской пятины 1500 г., земли в устье Невы входили в состав Ореховецкого уезда с центром в Орешке. Большая часть территории уезда находилась в пределах Спасско-Городенского (центр в Орешке) и Ижорского (центр в с. Ижорском) погостов. Граница между ними (на территории современного Петербурга) проходила по Малой Неве. Спасско-Городенский уезд охватывал северное побережье Невы (до Финского залива), Петроградский, Петровский, Крестовский, Елагин и Каменный острова; Ижорский уезд включал южный берег Невы от устья р. Тосно до Финского залива, а также Васильевский остров. На севере побережье Финского залива и среднее течение Охты (от Лахты и Парголова) входили в состав Карбосельского погоста, а на юге — Дудоровского, включавшего районы Стрельны, Петродворца, Ломоносова и Красного села. На этих землях располагалось значительное количество русских и ижорских поселений, подавляющая часть которых представляла собой деревни из одного — трех дворов с примыкавшими участками обрабатываемой земли и лугами. Однако здесь имелись достаточно крупные по размерам и значимые в административном плане посе-

ления. Два из них — селения Александровских и Олферьевских ловцов, включавшие соответственно 13 и 15 дворов — находились на Васильевском острове. Село "на Фомине острове" (современный о.Петроградский) состояло из 36 дворов, здесь же располагался "двор тиун на приезд", содержавшийся за счет Спасско-Городенского и Карбосельского погостов. Еще одно сельцо из 18 дворов размещалось в устье реки Охты. Помимо этого на территории современного Петербурга в XV—XVI вв. имелись и другие села: Кулза (15 дворов) на северном берегу Невы близ устья, Лахта и Лисичье (соответственно 10 и 28 дворов) у побережья Финского залива. На юге, в районе Дудергофского озера находился центр Дудоровского погоста — населенный пункт, где имелась Введенская церковь и дворы церковнослужителей. Помимо землепашцев в населенных пунктах устья Невы проживало значительное количество торговцев и рыбаков. Собственно торговое поселение рубежа XV—XVI вв. — "рядок у клетей" великого князя — находился на р.Ижора вблизи современного Колпино (ПКВП). Позднее, вероятно — на основе охтинского поселения, начинает формироваться торговый центр, получивший в письменных документах наименование Невское устье или Невский городок. Он занимал выгодное положение на пересечении водной магистрали, проходившей по Неве, и сухопутной дороги (с переправой через Неву), которая вела от Новгорода и Нарвы через Ижорское плато в Карелию — к городам Выборг и Корела. На северном побережье Невы, за Охтой, на нее замыкалась дорога, проходившая от Орешка через Колтушскую возвышенность. Вдоль южного берега Невы (судя по топографии археологи-

ческих находок и картам XVII в. — вдоль края глинта) проходила дорога из Ладogi и Орешка, через Ижорский погост, Славянку, Дудоровский и Кипенский погосты к Копорью; она была связана с названной дорогой на Карелию. В шведском документе 1521 г., хранящемся в Копенгагенском архиве, имеются сведения о нападении морских разбойников на русский торговый город Ниен, судя по всему располагавшийся в устье Охты. Это место или город на Неве упоминается в шведских источниках на протяжении всего XVI в. В 1599—1603 гг. Невский городок назван в Выборгских таможенных книгах (Сорокин 1994а: 107-110).

К 1593 г. относятся первые сведения о Спасском селе с церковью, располагавшемся в районе Смольного и связанным с поселением в устье Охты паромной переправой. Археологические исследования, проведенные здесь в 1992-1994 гг., выявили следы культурного слоя XIV—XV вв. на мысу между Охтой и Невой в 100—200 м от места слияния этих рек: найдены фрагменты сосудов, сопоставимые с керамикой начала XIV в. в Орешке, железный топор с массивным обухом, аналогичный топору XV в. из Пскова (рис.5, 2-4). В этом же районе на берегу Охты обнаружен грунтовый могильник с погребениями по обряду ингумации: два переотложенных погребения были безинвентарны. Радиоуглеродная датировка костных материалов позволяет датировать могильник второй половине XVI в. (Сорокин 1994а: 107-110). В районе локализации Спасского села на левом берегу Невы, напротив устья Охты также зафиксирован культурный слой с материалами (рис.5, 5) позднесредневекового времени (Сорокин 1995: 288-290).

Таким образом в XVI в. в районе устья Охты и Смольного — на некотором удалении от устья Невы (что защищало от внезапных нападений с моря) и в малодоступной для наводнений зоне — начинает формироваться протогородской центр. Войны России со Швецией и опричное разорение второй половины XVI в. не позволили ему окончательно сформироваться, и процесс получает свое завершение только в следующем столетии, уже под властью шведской короны. Но не исключено, что укрепления на мысу при впадении Охты в Неву появляются еще во времена российской юрисдикции над этой территорией.

В 1610 г., с началом русско-шведской войны, шведы захватили в Неве два русских судна и несколько бочек соли в "городе". В 1611 г. по предложению Де Ла Гарди на месте предшествовавшего шанца была сооружена крепость, вмещавшая гарнизон в 500 человек. Первые привилегии на основание города в устье Охты были подписаны шведским королем Густавом Адольфом в 1632 г., а спустя 6 лет их дополнила королева Кристина. В городе Ниен, возникшем на правом берегу Охты, напротив крепости, разрешалось селиться любому населению, в том числе и иностранному. Наконец в 1642 г. городу в устье Охты предоставляется право пользоваться всеми городскими привилегиями шведского государства. К этому времени в городе проживало 470 человек, через него проходил основной грузопоток русско-североевропейской торговли (Гиппинг 1909, ч.1: 261; ч.2:

42-48).

Наиболее ранняя карта устья реки Невы датируется 30—40-ми годами XVII столетия, (рис.6) Крепость этого времени, находившаяся на мысу, имела четырехугольную конфигурацию. Сам город располагался на противоположном берегу Охты по обе стороны от впадавшей в нее р.Черная. Уже в это время он занимал достаточно обширную территорию с усадебной застройкой. Наиболее подробный из ранних планов-проектов Ниеншанца был выполнен в 1644 г. Швенгелем (Гиппинг, Куник 1913). Согласно этому плану на мысу левого берега Охты располагался земляной замок с пятью бастиянами в форме звезды, южнее которого с напольной стороны мыс перерезали укрепления с тремя рavelинами. Ворота из крепости были расположены напротив моста через Охту, дорога по которому вела в город. К этому времени город состоял из двух частей, разделенных р.Черная, через которую также имелся мост. Центром города, вероятно, являлась южная часть, где находились шведская церковь, дом пастора и школа. На карте устья Невы 1630—1640-х годов зафиксированы также поселения, происхождение которых в большинстве своем, несомненно, восходит еще к древнерусскому периоду. Некоторые из них (Лахта, Минкино, Койкоса, Вилуево, Сандорисса) упоминаются в Писцовой книге 1500 года. Здесь же имеется первое изображение Спасского села с церковью на левом берегу реки Невы в районе Смольного монастыря, (рис.7, Л).

Развитие Ниеншанца было приостановлено русско-шведской войной 1656-1661 г. г. В 1656 г. русские войска вступили в Ингерманландию. С призывом к Ниеншанцу из под Орешка двухтысячного отряда русских войск город был взят, а дома сожжены. Следующий этап существования Ниена начинается еще до заключения мира, поскольку русские войска вскоре после разорения оставляют город. Ниеншанц вновь получает ряд льгот и привилегий в целях ускорения его восстановления. Все спорные владения в Спасском погосте передавались городу с условием употребления лесов там для строительства кирпичных заводов. Известно, что местное население оказало активную поддержку русским войскам, вторгшимся в Ингерманландию во время войны. Вероятно, на стороне русских войск выступили и жители Спасского, поскольку уже в 1660 г. в Гетеборге было принято решение о передаче двора священника в этом селе во владение города Ниена. Этому предшествовало разорение двора, причиной которого называлось "поведение священника во время войны". На протяжении второй половины XVII в. Спасское принадлежало городу Ниену и называлось не иначе как Ратсдорф или Хакельверк (предместье). Магистрат города получил возможность продавать пустующие участки не только в городе, но и на окрестных заболоченных территориях, если находились желающие их осваивать. Русскому населению разрешалось жить в городе и пользоваться всеми правами при условии принятия ими лютеранской веры, строительства каменных домов и платежа городских податей (Сорокин 1994а; 1995).

На протяжении второй половины XVII в. было разработано несколько проектов рекон-

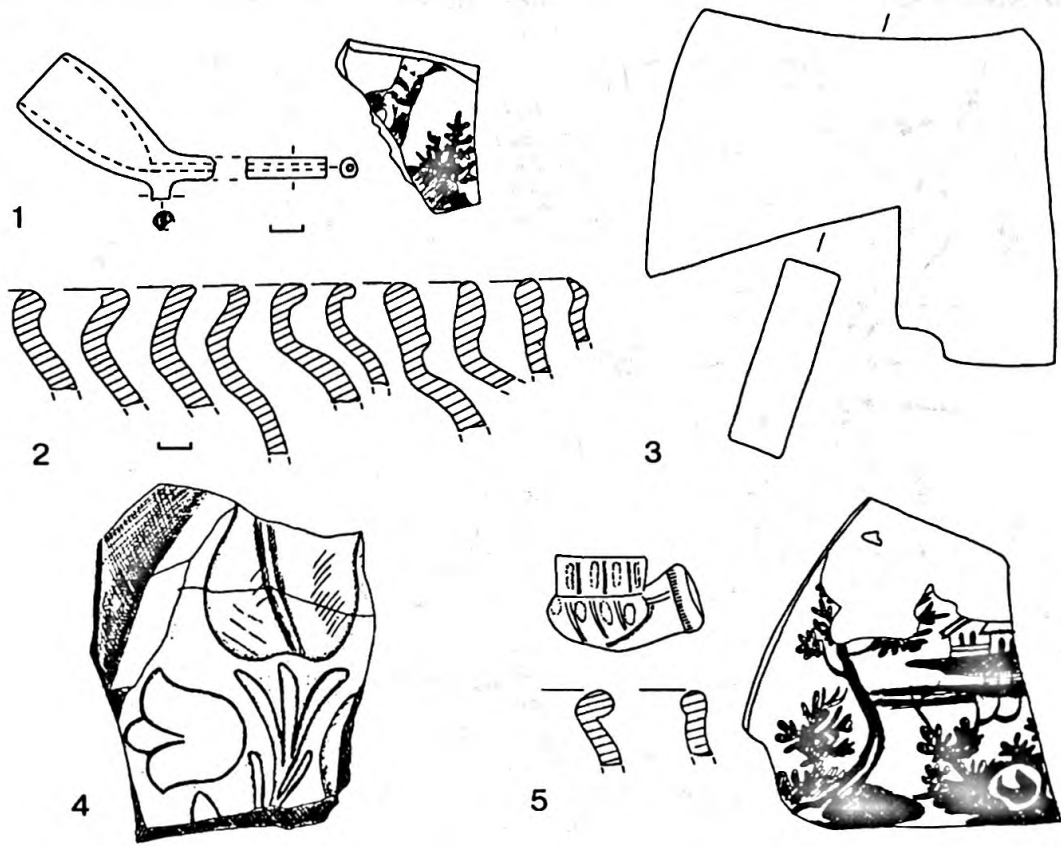


Рис.5. Археологические материалы из раскопок Ниена и позднесредневековых поселений на территории Петербурга.

струкции фортификационных сооружений Ниена. Звездчатый замок на мысу уже в 1650-е годы был отстроен инженером Г.Зойленбургом. Укрепления вокруг города строились в 1661–1666 гг., однако из-за недостатка средств и к 1681 г. они еще не были завершены. Начальник фортификаций шведского королевства Эрик Дальберг разработал проект переноса всего города на укрепленный мыс между Невой и Охтой (Гиппинг, Куник 1913: №5), однако и этот план не был осуществлен (Кильюнди, Кирпичников 1975).

Изучение планов города второй половины XVII в., большинство из которых было проектными, но тем не менее отражали сложившиеся элементы планировки, позволяет получить некоторую информацию о реальной структуре Ниена. Несмотря на все попытки ввести в городе регулярную планировку, здесь преобладала усадебная застройка, как это видно из карты течения реки Невы 1681 г. (Гиппинг, Куник 1913: № 9). Она формировалась вдоль осевых линий, которыми служили реки Нева, Охта и Черная, а также дороги ведущие к Выборгу, Кексгольму и Нотеборгу. В северной части города в это время размещались ратуша и немецкая церковь, в южной шведская церковь. Наиболее подробная информация о городе конца XVII в. содержится на плане Мейера (рис.8), составленном в 1698 г. (Гиппинг, Куник,

1913: №6). В южной части города размещалась общая шведско-немецкая церковь с кладбищем, ратуша и рыночная площадь. В северной части находилась финская кирха, которая ранее принадлежала отдельному немецкому приходу. С востока этот район ограничивался полями, к северу от которых находился городской сад. На мысу по-прежнему располагался звездчатый земляной замок и укрепленная линия с тремя бастионами. На этом плане в Спасском изображена русская часовня (capellet), хотя несколько лет спустя в 1701г. Афанасий Холмогорский в своем описании путей ведущих из России в Швецию, отмечал: "Град Канец земляной, не великий, стоит на берегу Невы. Против того града на другой стороне Невы обитают земледельцы Ижоры, наша христианская веры, церковь и священники съ причетники имеют" (ОТП: 266). Реконструкция внешнего облика храма помещена на рис.7, 2.

План генерала Крониорта (1698 г.) значительно отличается от предыдущего. На нем изображены две улицы, вытянутые по берегу Невы к югу и северу от крепости вдоль дорог на Выборг и Нотеборг, южнее и восточнее города изображены три форта, прикрывавшие подходы к городу и крепости. Помимо этого, двумя линиями укрепления было обнесено Спасское село, занимавшее сухое возвышенное место напротив Ниеншанца,

* Это напоминает расположение более поздних Охтинских слобод начала XVIII в.

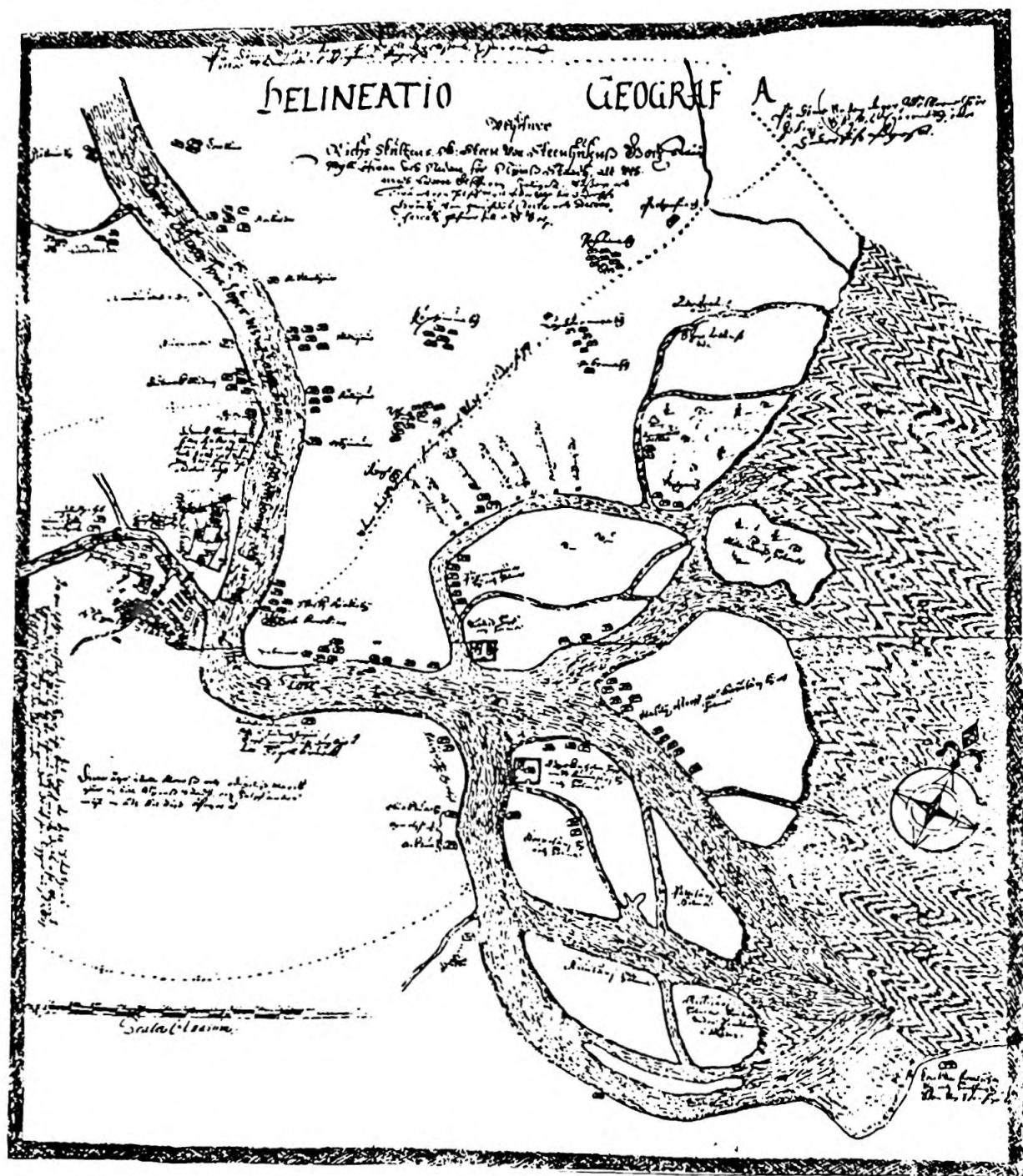


Рис.6. Древнейшая карта устья Невы 1630-1640-х гг.

к которому вела дорога по левому берегу Невы (Гиппинг, Куник 1913).

В описании русских торговых людей, собиравших разведывательную информацию, Ниеншанц в это время выглядел следующим образом: "Под Канцем между Невею и Охтою, где стать земля сухая песочная, шанцы копать и вал валить мочно. Город Канцы стоит в устье Охты, город земляной, вал старый, башен нет, за валом рогатки деревянные и ров. Изо рву к валу полисады сосновые ..., посад Канецкий стоит против города за Охтою, по устье Охты к Неве. Через Охту сделан мост подъемный. В посаде дворов с 400. Вверх по

Охте реке с пол версты амбары большие торговых людей и королевские со 100 с хлебом и другими припасами ... В городе только один воеводский дом, да солдатских домов с 10. На посаде каменных палат нет, все деревянные" (Линде 1872: 7-8). Последнее сообщение входит в противоречие с упоминанием в шведских документах кирпичных заводов в окрестностях города и системы поощрения каменного строительства в нем. Известно, что город Ниен был уничтожен шведскими войсками самостоятельно, задолго до появления здесь русских войск, еще в 1702 г., то есть — сразу же после взятия Нотеборга (Шаскольский 19876).

В XVII в. на территории современного Петербурга развивается еще одна категория, населенных пунктов, не так ярко выраженных в предшествующее время — дворянские усадьбы (Возгрин, Шаскольский 1981: 280). Уже на карте 1630—1640х годов обозначены две или три усадьбы *Burkenholm hoff* (Петроградский остров), *Usadiss hoff* (Адмиралтейский остров у истоков Фонтанки) и, возможно, расположенная южнее Ниеншанца *Каретова* (*Kogethova gard*). Две первых выделяются среди других поселений по манере изображения — они обнесены оградой квадратной формы с воротами.

Значительное количество усадеб появляется в районе Ниена. Одна из них, принадлежавшая пастору кафедральной церкви, находилась на левобережье Охты близ устья р.Оккервиль. Она появляется на месте русской деревни Сернецкое, которая обозначена на карте 1630—1640-х годов и вместе с располагавшейся на противоположном берегу деревней Минкино, находилась во владении церкви Ниена. В течение второй половины XVII — начала XVIII вв. название этой усадьбы меняется: *Gofsolla hoff* или *Possola hoff*: возможно, это разные транскрипции или прочтения одного названия, но не исключено, что название изменялось по именам владельцев. Выше по течению реки Охты и на ее притоке размещались еще две усадьбы: *Tuskola hoff* и *Ahala hoff*.

Еще одна крупная усадьба этого времени, принадлежавшая дудергофскому управляющему (*Duderhoff*), представляла собой одноэтажный дом с обнесенным забором участком. Располагалась она на территории современного пос. Горское (бывший Дудергоф) на возвышенности восточного берега Дудергофского озера, к северу от Вороней горы. Наиболее подробное изображение усадьбы имеется в Атласе Дудергофского погоста, составленном в 1667 г. Юханом А. Мюнском (Горбатенко 1993). На юго-восточной окраине современной территории Санкт-Петербурга в устье реки Славянки, на правом ее берегу, находилась усадьба *Gudilow hoff*.

Помимо крепости Ниеншанц и укреплений построенных накануне Северной войны у Спасского села, на территории современного Санкт-Петербурга имелись и другие фортификационные сооружения допетровского времени. Перед самым штурмом крепости в 1703 г. у подступов к ней с юга были сооружены два форта (район Заневского проспекта). Еще один форт был воздвигнут в междуречье двух рукавов р.Черная. Достаточно крупный укрепленный пункт — шанец — располагался в районе Дудергофа, занимая важное военно-стратегическое положение у пересечения дороги Выборг-Нарва и пути, проходившего вдоль южного берега Невы. Во время военной кампании 1656 г. шведские войска под командой Густава Горна отступили по нему из Ижорского погоста в Дудеровский погост. В 1702 г. при вступлении русских войск в Ингерманландию им противостоял сильный шведский отряд пехоты генерала Крониорта, располагавшийся в укреп-

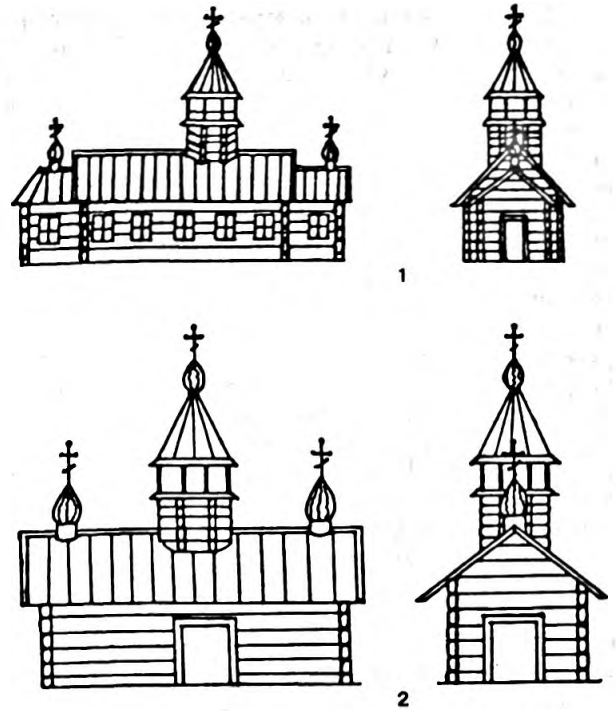


Рис.7. Реконструкция Спасской церкви.
1 — 1630-1640-е гг.; 2 — конец XVII в.

ленном лагере "на Дудоровой мызе". После поражений у рек Тосно и Ижора, шведы отступили в свой укрепленный лагерь в Дудергофе.

Местоположение Дудергофского шанца, изображенного на шведских картах, было локализовано на местности С.Б.Горбатенко. По его данным, в атласе Мюнска он назван "разрушенным шанцем", а в Атласе Ингерманландии из собрания БАН "старым шанцем". Примерные размеры составляли 50 х 60 м. Судя по картам, он сохранялся еще в середине XIX в.: к этому времени была разрушена только юго-западная часть. Шанец располагался на южной окраине Красного Села на прямоугольном мысу, образованном крутыми склонами глинта и прорезавшего его оврага (Горбатенко 1993: 17). Проведенные здесь в 1993 г. разведочные археологические исследования, позволили получить некоторую информацию о состоянии культурного слоя (Сорокин 1993в).

По имеющимся историческим свидетельствам в ходе русско-шведской войны середины XVII в. Густав Горн соорудил несколько шанцев вдоль берега Невы, в которых оставил 150 человек гарнизона, чтобы преградить русским судам путь в море. Земляные крепости и редуты известны по берегу Невы по картам первой половины XVIII в.: они размещаются, по-преимуществу в устьях притоков Невы — Ижоры, Тосно, Святой, а также в районе Корчмино и в некоторых других местах. Во время Северной войны шанцы, вероятно, были возобновлены русскими войсками и использовались, согласно имеющимся документам, для предотвращения переправы шведов из Карелии на южное побережье Невы.

* Детальному обследованию была подвергнута Усть-Ижорская фортеция, расположенная на краю террасы правого высокого берега Ижоры в 50 м от устья реки (Сорокин 1989; 1993а: 30-31).

После освобождения земель в устье Невы русскими войсками в 1703 г. и падения Ниеншанца, крепость в устье Охты на некоторое время была восстановлена. Она была переименована Петром Великим в Шлотбург. Однако, после сооружения Петропавловской фортеции, где частично использовались строительные материалы из Ниеншанца, было принято решение об уничтожении старых укреплений. В 1709 г., по сообщению датского посланника Ю.Юля, уцелевшая часть вала Ниеншанца была взорвана. В 1714 г. ганноверский посланник Вебер уже не нашел здесь следов укреплений, кроме крепостного рва, колодцев и погребов. Есть сообщения о том, что развалины Ниена с предместьем послужили материалом для строения новой столицы (Беспятых 1991: 84, 212; Приамурский, Трофимов 1991: 4). Однако, в рельефе, как это можно наблюдать на планах Петербурга XVIII–XIX вв., планиграфию укреплений Ниеншанца на мысу между Невой и Охтой можно было проследить вплоть до начала XX в., а некоторые их элементы сохранялись и в середине нашего столетия.

В процессе археологических исследований Ниена в 1992–1993 гг. культурный слой XVII в. был выявлен на мысу при слиянии рек, где в двух местах было изучено заполнение крепостного рва, а также на правом берегу Охты. Здесь обнаружены (рис. 5, 2–4) фрагменты изразцов, белоглиняных курительных трубок, шведская медная монета королевы Кристины, многочисленные фрагменты керамических и стеклянных сосудов, кованые гвозди и проч. (Сорокин 1994а: 107–110).

Формирование исторического ландшафта и культурный слой допетровского времени на территории Санкт-Петербурга

Большая часть территории современного Санкт-Петербурга в геоморфологическом отношении представляет собой морские и озерные аккумулятивные террасы различных уровней, сформировавшиеся, преимущественно, в послеледниковый период. Именно поэтому материковые породы здесь, за редким исключением, являются суглинками и глинами. Сверху они перекрываются почвенным слоем незначительной мощности. Такая структура грунтовых отложений, с неглубоким залеганием водоупорных слоев, способствует застаиванию воды у поверхности, что приводит к заболачиванию местности. Лишь в некоторых местах почвенный слой подстигается песчаными грунтами, пропускавшими влагу. В пределах Приневской низменности преобладают торфяные и торфяно-подзолисто-глебовые почвы болотного типа. Подзолистые почвы известны здесь лишь на южном и северном побережьях Финского залива. Такие почвы весьма благоприятны для лесных растений. Но для хорошего урожая сельскохозяйственных культур их естественное плодородие недостаточно. Ощущается маломощность слоя перегной, недостаток минеральных веществ, повышенная кислотность.

После отступления ледника в регионе сфор-

мировалась тундровая растительность. Затем в результате потепления здесь появились сосновые, березовые а позднее и широколиственные леса, включавшие такие породы, как дуб и клен. Однако, 4–5 тысяч л.н., когда климат снова стал более холодным и влажным, широколиственные леса отступили к югу, а их место заняли еловые (Даринский 1975: 58–62). В допетровское время основная часть земель близ устья Невы была занята лесом. Иностранцы, описывавшие Петербург начала XVIII в., отмечали: "Вблизи города на пространстве нескольких миль растет много березы, ели, сосны, но лес этот мелкий. Дуб необходимый для строительства судов, доставляют рекой отчасти от самой Москвы" (Беспятых 1991: 143); "берега Невы по большей части покрыты лесом, болотисты, заросли дикими деревьями (Беспятых 1991: 212). В числе деревьев, произрастающих в окрестностях Санкт-Петербурга в середине XVIII в., называли сосну, ель, березу, ольху, осину, тальник, распространенные здесь достаточно широко, а также встречавшиеся изредка широколиственные породы дуб, клен, вяз, орешник, крушина и липа (Богданов, Рубан 1779).

Информация об историческом ландшафте устья Невы в XVII в. имеется на шведских картах этого времени. Особый интерес представляет "Атлас Ингерманландии" 1701 г., где помимо населенных пунктов и дорог изображены леса, пашни и луга с подробными аннотациями к ним. В центральной части Васильевского острова изображено "непроходимое болото", севернее реки Смоленки — смешанный лес. Освоенными здесь были только земли на Стрелке, где в районе моста Строителей имелись две деревни с примыкающими полями и пастбищами. Другие относительно большие по площади пастбища находились в северной и западной частях острова на берегах Невы и Финского залива. Окультуренные земли составляли не более одной четверти от общей площади острова. Сходная ситуация наблюдается и на Петроградском острове, где используемые территории, занимавшие восточную, северную и южную части острова, составляли около половины его площади: они как-бы окаймляли лес в центральной и западной частях острова. На восточном берегу находилась крупная усадьба Bjorkenholm. Луга занимали и большую часть Петровского острова, примыкавшего к Петроградскому. По левому берегу Невы от современного моста Александра Невского до истоков Фонтанки и далее вдоль ее левого берега также тянулась полоса сухих возвышенных земель. Около половины их было занято деревьями и сельскохозяйственными угодьями — пашнями и лугами; другая часть поросла сосновым лесом. В глубине этой территории, представляющей собой полуостров, находился заболоченный хвойный лес. Смешанные, преимущественно заболоченные леса покрывали большую часть малых островов в устье Невы (Крестовского, Елагина, Каменного), а также материковые земли к северу и востоку от них. Заболоченный лес окаймлял со всех сторон и город Ниен с крепостью Ниеншанц, которые также занимали, преимущественно, прибрежную возвышенность. На карте Мейера 1698 г. (рис. 8) они окружены болотами. Такой же островной характер освоения

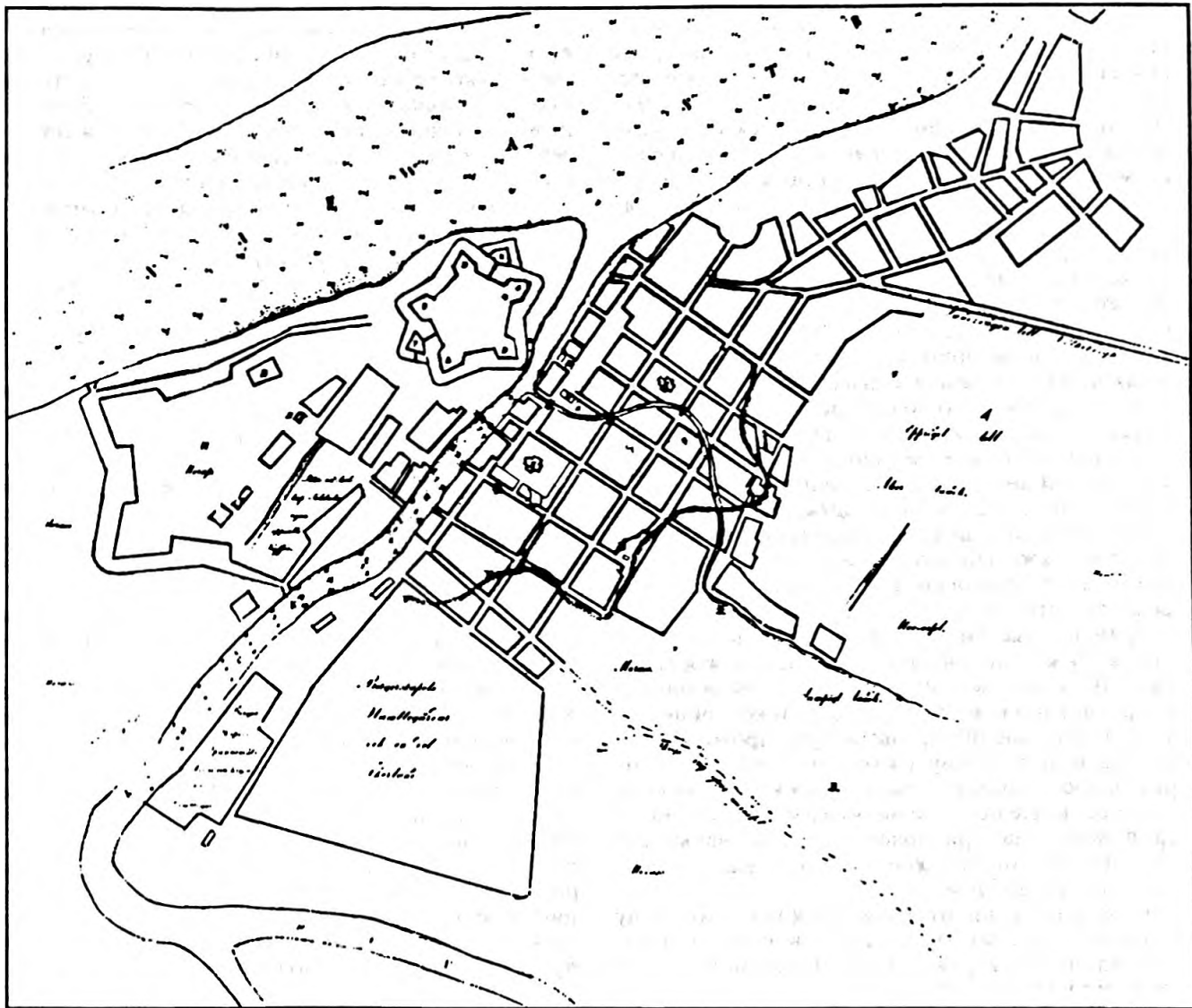


Рис.8. Город Ниен на плане Мейера 1698 г.

сухих береговых возвышенностей прослеживается выше по течению Невы, а также на ее притоках. В глубине территории концентрация населенных пунктов, судя по картам, прослеживается только вдоль дороги Выборг-Нарва. По южному и северному побережьям Финского залива населенные пункты располагались на некотором удалении от береговой линии. Более освоенными были земли в Дудергофском лене, где они тянутся почти сплошной полосой вдоль побережья, а южнее их располагается лесной массив. Достаточно плотно заселенным был возвышенный район Дудергофского озера. На севере в районе, Лахты и Лисьего носа окультуренные территории, примыкавшие к населенным пунктам, также несколько удаленным от береговой линии, представляют собой островки в окружении лесов, связанные между собой дорогами (АИ).

Сопоставление топографии поселений в устье Невы с зонами затопляемости во время наводнений показывает, что основная часть поселений локализуется за пределами зоны, затопляемой в периоды частичных наводнений, но в пределах территории, подверженной затоплениям во время

больших и катастрофических наводнений (от 3,1 до 4,1 м), происходивших в 1777, 1824 и 1924 гг. (ЛИГА: 58). При этом обращает на себя внимание тот факт, что территория Ниена и Ниеншанца, исключая небольшую по площади прибрежную полосу Невы ниже устья Охты и заболоченной оконечности мыса, также как и район размещения Спасского села, не затоплялись даже катастрофическими наводнениями. Поскольку наводнения таких масштабов происходили достаточно редко примерно один раз в столетие есть основание считать, что при выборе мест для поселений существенное значение имел многолетний опыт местного населения.

Учитывая преобладание в размещении поселений на протяжении всего XVII в., прослеживаемую при сопоставлении карт разных периодов, упоминание некоторых из поселений в Писцовой книге Вотской пятины 1500 г., а также обнаружение на месте поселений археологических материалов более раннего времени можно констатировать, что начало интенсивного процесса формирования культурного ландшафта в устье Невы, зафиксированного на шведских картах, восходит к

XIV в., когда начинается массовое заселение этого региона. Формирование культурного ландшафта в устье Невы было подчинено физико-географическим условиям этих земель. Расположение поселений, преимущественно на берегах рек определялось как природными так и экономическими факторами. С одной стороны именно здесь имелись сухие возвышенные места, благоприятные для земледелия и скотоводства. С другой стороны, учитывая значительный удельный вес рыболовства в хозяйстве местного населения, следует предполагать, что и этот фактор играл немаловажную роль в системе расселения. Незначительные размеры населенных пунктов, вероятно, зависели от малых площадей земледельческих угодий и низкого плодородия. В условиях островного характера расселения, когда отдельные населенные пункты и поселенческие массивы были разделены между собой значительными водными пространствами и заболоченными лесами, огромную роль в сообщении играли водные средства передвижения, что также способствовало приуроченности поселений к береговой линии. При этом можно предположить, что первоначальное заселение территорий в устье Невы происходило по водному пути, а также с территории соседнего Ижорского плато. Водные коммуникации здесь были наиболее древними и в местных, и в дальних сообщениях. Магистральный торговый путь проходивший по Неве, судя по всему, оказал определенное влияние на формирование поселенческой структуры в устье реки. Не исключено, что именно этот фактор повлиял на приуроченность подавляющего числа поселений, включая все крупные, к трассе водного пути по Неве.

Основной вариант пути проходил по руслу Большой Невы, как это показано в Атласе Ингерманландии. На картах этого атласа и на карте Кронинорта 1698 г. обозначены мели у западных оконечностей Крестовского и Васильевского островов, а также у Гутуевского острова при входе в устье Большой Невы и вдоль южного и северного берегов Финского залива. Мель изображена также при впадении Охты в Неву, где она являлась продолжением мыса. Помимо этого, на плане Мейера 1698 г. показаны промеры глубин в районе Ниена, а на карте течения Невы 1701 г. обозначены глубины на всем протяжении реки и в примыкающей к устью части Финского залива — здесь показаны два фарватера по которым проходил водный путь к Ниену: первый шел через Большую Неву, второй через Малую Невку.

В районе устья Охты Неву пересекала важная сухопутная дорога, соединявшая центры Карелии — Выборг и Корелу (Кексгольм) — с Копорьем, Ямбургом, Нарвой и Новгородом. Дорога к Выборгу и Кореле проходила от Ниена вдоль берега Невы на север, где она расходилась в разных направлениях. Здесь же от нее отходил путь в сторону Березового (Петроградского) острова, продолжавшийся, судя по плану Кронинорта 1698 г., в двух направлениях. Обе дороги были связаны с Бьеркенхольмом, при этом одна из дорог заканчивалась на побережье Финского залива, а вторая — на берегу Невы, напротив стрелки Васильевского острова. От расположенного здесь поселения так же отходила дорога вглубь острова, где она

раздваивалась: одно ответвление выводило на северный, а второе — на западный берега острова. Несколько севернее от Выборгской магистрали отходила дорога на запад — в сторону Лахты и нижнего течения реки Сестры. С востока по северному берегу Невы с ней была связана другая стратегически важная трасса, проходившая от Нотеборга через Колтушские высоты. На южном берегу Невы, связанном с северным берегом паромной переправой, магистральный путь начинался в районе с. Спасское и проходил через леса и болота, где были устроены гати, в юго-западном направлении — через Дудергофский лен до места современного Красного села и далее к Копорью и Нарве. С востока на эту трассу замыкался путь, проходивший из южного Приладожья по кромке глинта через погост Лисино, Ижорский погост, Славянку, Сулкила и Дудергоф. Возникший, вероятно, еще в эпоху средневековья, он соединял центры древнерусских погостов и три важнейших ямских тракта XVI в., связывавших Новгород с Копорьем, Орешком и Ладогой. На запад от дороги Выборг-Нарва, вдоль берега Финского залива проходил через располагавшиеся здесь поселения еще один путь с многочисленными ответвлениями в южном направлении.

Из вышеизложенного можно заключить, что в XVII в. на территории современного Петербурга имелась сложившаяся поселенческая структура и достаточно развитая сеть взаимосвязанных водных и сухопутных коммуникаций, замыкавшихся на магистральные пути, проходившие по Неве и из Карелии в Ингерманландию. Именно на их пересечении в районе устья Охты и возникает городской центр, оказывавший существенное влияние на формирование культурного ландшафта в устье Невы. Учитывая, что появление названных путей восходит к гораздо более раннему времени, а заселение невских берегов происходит уже в XIV в., начало интенсивного формирования культурного ландшафта в устье Невы, зафиксированного на шведских картах XVII в., можно относить ко времени, отстоявшему от составления карт по меньшей мере, на три столетия.

Изменения происходившие в природной среде региона в эпоху средневековья (до начала XVIII в.) поистине несопоставимы с теми глобальными переменами ландшафта, которые повлекло за собой основание и развитие Санкт-Петербурга. Сооружение крупного городского центра, ставшего столицей России, требовало свободных пространств и значительного количества строительных материалов, что привело к уничтожению гигантских лесных массивов. Помимо этого лес требовался также для нужд кораблестроения и в качестве топлива. Для строительства, которое велось в столице, в окрестностях города создавались многочисленные кирпичные, известковые и стекольные заводы, каменоломни, добыча сырья для которых существенно изменяла рельеф местности. С этого же времени начинает формироваться промышленный потенциал города и сооружаются первые заводы на реках Ижоре, Сестре, Охте. Окрестности Петербурга обрастают летними загородными дворцами и мызами.

За время существования города гидрография на занимаемой им территории претерпела значи-

тельные изменения. Строительство на низком заболоченном месте требовало искусственного осушения территории. С первых лет существования города здесь соорудились каналы, служившие как для судоходства, так и для стока воды, а также пруды. Извлеченный из них грунт позволял повышать дневную поверхность. По мере того, как отдельные водоемы (ручьи, малые реки и старые каналы) теряли свое значение, их засыпали. Береговая линия Невы и ее проток изменялась при строительстве набережных и мостов, за счет увеличения площади суши и сужения русел рек. Число островов в дельте Невы с 1870 по 1976 г. уменьшилось со 101 до 42, при увеличении общей площади суши. При устройстве порта и прокладке морского канала были полностью изменены очертания Гутевского, Канонерского, Вольного, Гладкого и еще нескольких островов.

Строительство и благоустройство города приводило к осушению заболоченных участков. Подсыпка грунта при этом вела к накоплению культурных отложений. В настоящее время на территории Петербурга мощность культурного слоя колеблется от 0 до 6 м, при этом в центральной части города этот показатель, в основном, варьирует в пределах от 1 до 4 м. Наибольшая мощность насыпного грунта наблюдается у берегов Невы, ее рукавов и притоков, на местах засыпанных водных артерий, а также в районах проведения крупномасштабных планировочных и строительных работ — в морском порту и в гавани, в Петропавловской крепости, Адмиралтействе, и в ряде других мест (ЛИГА: 46-48).

Грандиозная строительная и хозяйственная деятельность трех последних столетий, несомненно, способствовала накоплению гораздо более мощных культурных отложений, чем объекты предшествующего времени, и это само по себе затрудняет поиски последних. Другим негативным фактором этой деятельности является уничтожение или переотложение ранних археологических слоев. Традиционная переоценка влияния названных факторов приводила к выводу о нецелесообразности поиска культурных напластований допетровской эпохи в Петербурге. Однако, работы по программе "Археология Санкт-Петербурга", проведенные в 1988—1995 гг. археологической лабораторией СЗФ РНИИ культурного и природного наследия, показали, что изучение ранних слоев возможно.

Одним из первых результатов этих исследований является оценка состояния археологического культурного слоя в зонах наиболее важных объектов допетровской эпохи, в числе которых поле Невской битвы, место расположения позднесредневекового гнезда поселений в Усть-Ижоре, район устья Охты (крепости Ландскрона и Ниеншанц, Невский городок, город Ниен, гнездо позднесредневековых поселений, поле битв при Ландскроне и Ниеншанце), место расположения

с.Спасское у Смольного монастыря, объекты в Красном селе и Дудергофе, район стоянок эпохи неолита и раннего металла у Сестрорецкого разлива и Лахты, а также групп сестрорецких насыпей.

Культурный слой на территории Усть-Ижоры имеет, в основном, незначительную мощность от 0,2 до 2 м, причем в основном он не превышает 0,5 м. Верхний гумусированный слой здесь в основном переотложен, однако в ряде мест он оказался расчленен прослойками строительного мусора или слоями подсыпки, что законсервировало более древние напластования. В результате разведочных исследований было выявлено пять районов концентрации находок керамики XIV—XVII вв., маркирующих поселения, упоминаемые в Писцовой книге Вотской пятины и изображенные на шведской карте 1681 г. (рис.9). Культурный слой одного из этих поселений, располагавшегося на правом высоком берегу Ижоры, оказался переотложен в результате сооружения здесь земляной фортеции. Подводные археологические исследования в Неве у устья Ижоры показали, что в некоторых местах донной поверхности имеются значительные по мощности напластования топляка и обломков кирпича. В других местах наносные отложения с включениями культурных остатков достигают мощности всего 0,5—1 м, что связано с чистками фарватера. Каких либо достоверных находок связанных с Невской битвой на этой территории зафиксировать пока не удалось, хотя имеются полулегендарные сведения о находках предметов вооружения. В ходе исследований храма Александра Невского под его южным приделом открыто массовое переотложенное захоронение, связанное с долговременным кладбищем, примыкавшим к первоначальной деревянной церкви (Сорокин 1988; 1989; 1993б).

Помимо названных объектов, в Усть-Ижоре были исследованы остатки сгоревшей деревянной церкви Александра Невского XVIII в, перекрытые позднейшим каменным храмом, а также земляная крепость, размещавшаяся на правом высоком берегу Ижоры в 50 м от устья: квадратная фортеция с четырьмя бастиянами, размерами примерно 50 х 50 м, была окружена вром пятиметровой ширины, прерываемым двумя проездами с северной и южной сторон. Раскопками 1989 г. было установлено, что крепость размещается на месте раннесредневекового поселения, слой которого был в основном переотложен при возведении укреплений. Выявлено устройство рва, проходившего с северной стороны от крепости: он имел пологий спуск от склона и круто обрывался с напольной стороны, глубина достигала 1,5 м (Сорокин 1993а; 1995).

Археологические исследования 1992-1995 гг. в районе устья Охты охватывали территорию заключенную между Невой, Среднеохтинским проспектом, улицами Большая Пороховская и Весен-

* В результате размыва исчезло значительное количество малых островов в западной и юго-западной частях дельты. Сокращение их количества происходило и в результате засыпки искусственных каналов и естественных водотоков, вследствие чего мелкие острова соединялись с более крупными.

** В настоящее время они в основном спланированы, однако в некоторых местах (в первую очередь, на берегу Ижоры) читаются в рельефе местности.

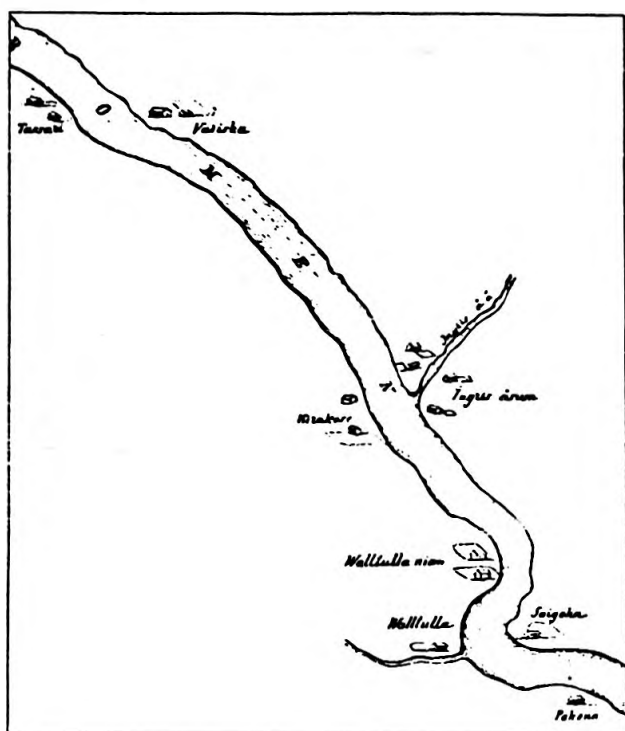


Рис.9. Поселения в устье Ижоры на шведской карте 1681 г.

няя: именно здесь, согласно историческим планам, совмещенным с современной топоосновой, размещался город Ниен (рис.10). По данным инженерно-геологического бурения (150 скважин), археологической шурфовки (40 шурфов) и наблюдениям за земляными работами (20 обнажений культурного слоя) было установлено, что мощность культурного слоя на правобережье Охты варьирует от 0,6 до 2-х м, в редких случаях достигая 3 м. На мысу при слиянии Охты и Невы она составляет 1,5–8 м, в основном не превышает 5 м. Наибольшая мощность культурных напластований фиксируется в прибрежных частях территории, где делались подсыпки для выравнивания их с возвышенностями надпойменной террасы. Археологическая шурфовка и мониторинговые наблюдения на правом берегу Охты показали, что в основном культурный слой здесь, находится в переломленном состоянии, однако в ряде мест он сохраняется *in situ*. Наилучшая сохранность слоя наблюдается под дорожным покрытием в местах, не потревоженных коммуникациями. Сохранившиеся участки культурного слоя допетровского времени были зафиксированы в районе Среднеохтинского проспекта и Красногвардейской площади. Культурный слой с находками XIV–XVII вв. был прослежен также на мысу при впадении Охты в Неву: здесь эти отложения оказались перекрыты и законсервированы мощным слоем XIX–XX вв. Обнаруживается хорошая сохранность органики и насыщенность слоя вещевыми материалами. Хорошая сохранность древесины в археологическом слое отмечалась также по Среднеохтинскому проспекту.

Ландшафт, существовавший на рассматриваемой территории в допетровскую эпоху, претерпел кардинальные изменения. Формирование промышленной зоны на мысу между Невой и Охтой, крупномасштабное строительство жилых домов на правобережье этих рек, сооружение мостов, набережных и автодороги вдоль берега Невы повлекли за собой изменения гидрографии и рельефа местности. Активная хозяйственная деятельность в этом районе в XVIII–XX вв. привела к осушению заболоченных участков, окружавших Ниен. Неровности рельефа, существовавшие здесь, судя по значительным перепадам мощности культурного слоя, оказались сnivelированы. В XIX–XX вв. была засыпана река Чернавка и в настоящее время ее русло читается только в рельефе Большеохтинского кладбища. Во 1970-е годы береговая линия Невы южнее и севернее устья Охты была в результате подсыпки при строительстве набережной отодвинута в русло реки на 30–70 м и спрямлена. На месте крепости в XVIII в. находился Канецкий питомник — сад в котором выращивали плодовые деревья и цветы. После приобретения этой территории в 1806 г. Морским ведомством, здесь был сооружен сначала Паноптический институт, а затем комплекс Охтинской верфи (Мансуров 1856; Приамурский, Трофимов 1991: 4). На плане Шуберта 1828 г. зафиксированы элинги на берегу Невы, здания верфи в центральной части мыса и на побережье Охты. С южной стороны эта территория ограничивалась каналом, прорытым от Невы в 1808–1809 гг. Новое строительство и перестройки старых корпусов велись на протяжении всего XIX и первой половины XX в. Во время последней крупномасштабной перестройки предприятия (Петрозавода) в 1970 г. были сnivelированы последние остатки укреплений, до этого времени еще местами прослеживавшиеся на поверхности.

Начиная с 1720-х годов, когда по распоряжению Петра I были созданы Охтинские слободы, здесь начинает складываться новая планировочная структура, почти не согласованная с планировкой города Ниена. Если в XVII в. за основную градообразующую осевую линию принималась Охта, то в последующее время такую роль стала играть Нева. Единственное место, где современная планировка совпадает с прежней — это начало Большеохтинского проспекта, проходящего вдоль русла Охты: от Красногвардейской площади до поворота близ устья реки в северном направлении. В XVII в. здесь проходила улица с застройкой по обе стороны: она вела от центра города, находившегося в районе современной Красногвардейской площади, где располагались шведская кафедральная церковь и школа, по мосту через реку Черную, за которой справа находилась ратуша, рыночная площадь и некоторые административные здания, а далее выходила к побережью Невы. Вторая церковь — немецкая — локализуется внутри современного квартала между Большеохтинским и Среднеохтинским проспектами и Конторской улицей, примерно в 20 м от последней (Сорокин 1994а: 107–110).

Археологические исследования 1993 г. в Красносельском районе носили разведочный характер. Они охватывали значительную по площади терри-

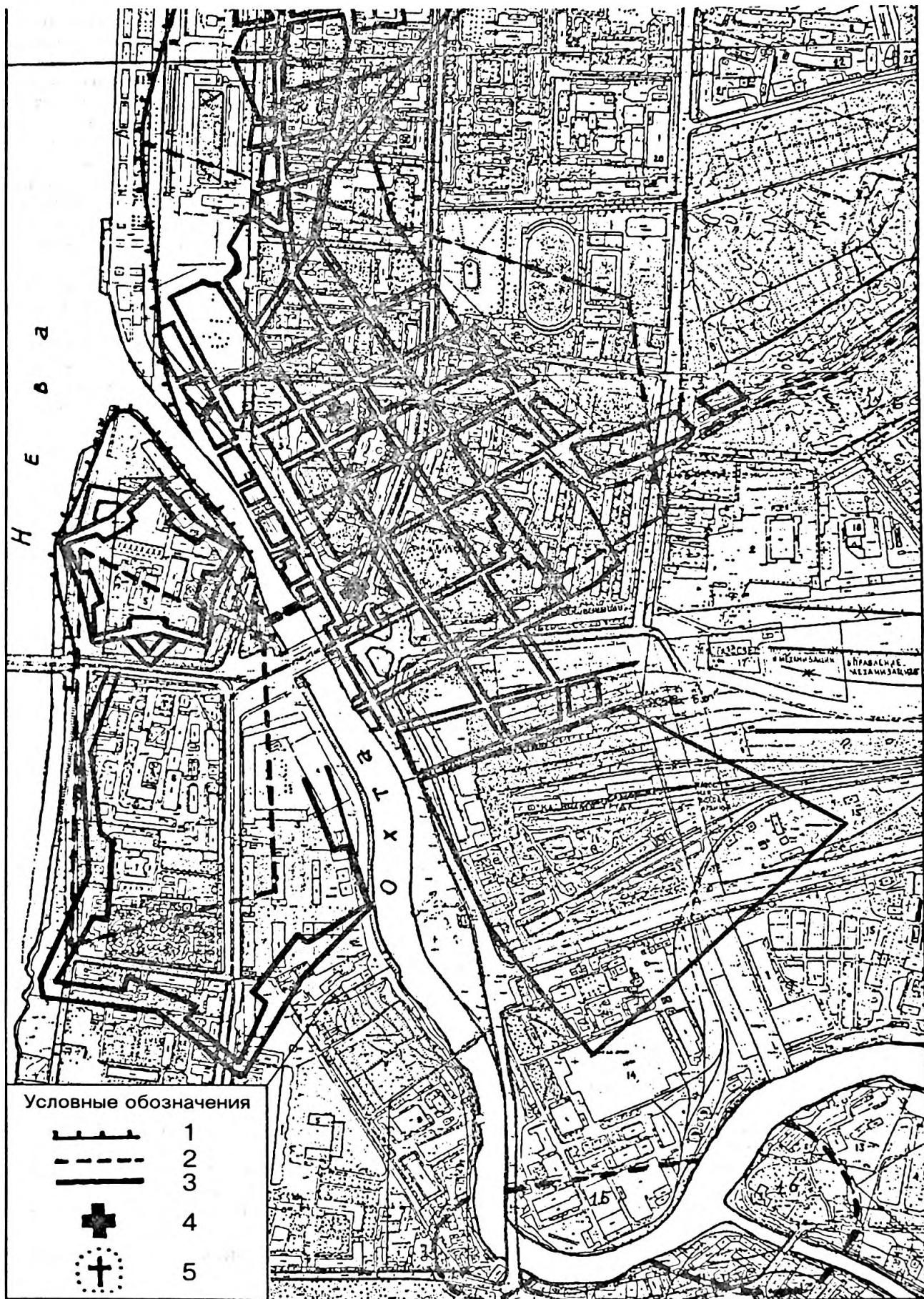


Рис.10. Совмещение исторических планов Ниена с современной топоосновой: 1 – реконструируемая береговая линия; 2 – территория города Ниена по карте 1630-1640-х гг.; 3,4 – планировка Ниена по плану Мейера 1698 г.; 5 – могильник XVI в.

торию от Вороньей горы на юге до окраин Красного Села на севере и основывались на картографических материалах XVII—XIX вв., собранных и обработанных С.Б.Горбатенко. Были обследованы места расположения трех археологических объектов — шведской усадьбы в Дудергофе, водяной мельницы, того же времени, в истоках реки Лиговки, берущей начало из Дудергофского озера, и шведского земляного шанца на юго-западной окраине Красного Села.

Достаточно плотная усадебная застройка на месте расположения усадьбы в Дудергофе не позволила выявить его местоположение на местности: в результате зачистки естественных и искусственных обнажений каких либо материалов ранее XVIII в. не встречено. По-видимому, для выявления объекта требуется закладка достаточно плотной сети шурфов. Обследование дамбы в истоке реки Лиговки показало, что она была построена в недавнее время — края протоки шириной около 10 м оказались забетонированы, а саму дамбу пересекала железная труба большого диаметра. Однако, здесь сохранились позднесредневековые деревянные конструкции, представляющих собой, судя по всему, остатки мельницы XVII в.

Работы, проведенные на территории шведского редута позволяют сделать следующие выводы: в юго-западной части Красного Села, на окраине глинта, прорезанного глубоким оврагом, сохранился небольшой участок вала (длина около 30 м, ширина до 5 м, высота до 2 м). Укрепления, судя по найденным в насыпи вала фрагментам архаичной керамики, возможно, возникли на месте более древнего поселения, а вал, вероятно, был насыпан, в основном, из грунта находившегося на месте сооружаемой фортеции, поскольку мощность культурного слоя и почвы, перекрывавших каменистый суглинок, достигает здесь 10 см, а в некоторых местах материковая скала выступает на поверхность. Слой внутри фортеции в значительной степени был уничтожен траншеей инженерных сооружений, прорезанной с запада на восток в 12 м севернее сохранившегося участка вала. Насыпь, вытянутая в меридиональном направлении севернее траншеи, более поздняя по времени, однако не исключено, что под ней находятся остатки противоположного вала (Сорокин 1993а).

Спасательные археологические исследования в районе Смольного монастыря на побережье Невы позволили получить подробную информацию о культурном слое в этом районе. Наибольшая мощность его — до 8 м — была прослежена в районе Большеохтинского моста, где балластные напластования XIX—XX вв. насыпанные, вероятно, в период строительства сооружения, перекрывали хорошо сохранившийся слой первой половины XVIII в., содержащий значительное количество вещевого материала, включая органику — изделия из кожи и дерева. Шурфовка проведенная на

берегу Невы в сквере перед каре Смольного монастыря позволила выявить участки позднесредневекового слоя, связанного с с.Спасское. Изучение исторических документов показало, что этот район также имел достаточно сложную строительную историю. Уже в петровское время здесь размещался Смольный двор и имелся домик Петра, перестроенный в 1720 г. в загородный дворец для Екатерины. Позднее он принадлежал Елизавете Петровне. В 1748—1764 гг. по распоряжению императрицы здесь строился монастырь. В процессе этого строительства в 1764 г. была сооружена окружающая его ограда: фундамент ограды прослежен вдоль берега Невы на протяжении около 250 м. Это сооружение высотой 2,2 м и шириной 1,4 м, выложенное из плиты и валунов, служило одновременно подпорной стенкой и набережной. Крупномасштабная перепланировка, произведенная в середине XVIII в., привела к выравниванию берегового склона, в основании которого и была воздвигнута ограда, что значительно изменило первоначальный ландшафт территории и привело к переотложенности культурного слоя. Однако в силу тех же причин в отдельных местах древние напластования оказались консервированы насыпным слоем, что позволяет надеяться на их хорошую сохранность (Сорокин 1995: 288-290).

Район северного побережья Финского залива в окрестностях Сестрорецкого разлива и Лахты характеризуется скоплением археологических объектов различных эпох: от неолита до позднего средневековья. Стоянки эпохи камня и раннего металла на побережье Разлива находятся в различных топографических условиях и в разной степени изучены. Разведка, проведенная здесь в 1995 г. автором и В.И.Тимофеевым, показала, что стоянки, известные в литературе под названием "Сестрорецкий Разлив 1-3, 5" в настоящее время затоплены, а на месте стоянки "Сестрорецкий Разлив 4" сооружена водозаборная станция. Стоянки "Сестрорецкий Разлив 6-10" находятся на возвышенности берега и в настоящее время доступны для исследования. Осмотр места Лахтинской стоянки, проведенный В.И.Тимофеевым, показал, что в настоящее время практически вся площадь памятника занята индивидуальной застройкой. Во время археологических раскопок А.А.Спицына и Б.Ф.Землякова в 1923 г. на этой стоянке было вскрыто 39 м² (Гурина, 1961).

Другим интересным объектом археологического изучения в этом районе являются группы насыпей т.н. "Сестрорецких курганов", изучавшихся в начале XX в. С.С.Гамченко. Они сосредоточены на огромной территории: по западному и восточному побережьям Сестрорецкого разлива и далее к северу, захватывая район Белоострова. С.С.Гамченко выделил тринадцать групп, включавших 434 насыпи: от двух до шестидесяти насыпей в каждой группе (Гамченко 1908а; 1908б; 1913). В

* Образование Сестрорецкого разлива в его современных границах относится к началу XVIII в., когда по указанию Петра I была устроена плотина на 2 км ниже слияния рек Сестры и Черной.

** Значительные по масштабам работы проводились в центральной части восточного побережья, в связи с сооружением здесь в 1960-е годы мемориального комплекса "Разлив"; о степени влияния этих работ на сохранность стоянок 8 и 9 можно будет говорить только после проведения новых исследований.

ходе разведки 1995 г. выявлено около десяти таких насыпей из групп Тарховская перемычка—Зеленая горка и Сосновая гора на восточном побережье Разлива. Группы локализуются на дюнных песчаных возвышенностях по берегам Сестрорецкого разлива, рек Черной и Сестры и их притоков. К настоящему времени пространства, в пределах которых располагались пять групп насыпей, локализованных вдоль железной дороги Петербург—Зеленогорск, в основном, заняты индивидуальной застройкой. Местоположения других групп, находящихся в Курортном районе, судя по имеющимся данным, не были подвергнуты значительными антропогенными воздействиям.

Историко-культурная ценность археологических объектов в Санкт-Петербурге

Петербург прославившийся на весь мир своими неповторимыми архитектурными ансамблями и значительными историческими событиями, оставившими неизгладимый след в памяти человечества, скрывает в своих недрах памятники, содержащие вещественные свидетельства более древних эпох (рис. 11): места стоянок эпохи камня и раннего металла, средневековые торговые пункты на водном пути, крепость Ландскрона начала XIV в., Невский городок XVI в., и город Ниен XVII в., русские и финские поселения XIV—XVII вв. (села, погосты, торговые рядки, усадьбы, деревни), малые фортификационные сооружения (шанцы, форты, редуты), поля сражений (Невская битва, сражения при Ландскроне и при Ниеншанце), затонувшие суда на дне акваторий Невы и Финского залива. Особая ценность археологических источников состоит в том, что они являются единственными источниками, служащими для реконструкции исторических процессов и событий дописьменного периода.

Скудность и фрагментарность сведений содержащихся в исторических документах эпохи средневековья и Нового времени выдвигают археологические источники на первый план. Письменные свидетельства практически не содержат информации о жизни и быте населения, морфологических особенностях вещей и сооружений и технологии их изготовления. Только благодаря данным археологии мы можем решить такие научные проблемы, как заселение края в эпоху неолита, взаимодействие человека и природной среды, быт и хозяйство носителей археологических культур эпохи камня и раннего металла, использование устья Невы в торговой навигации по трансевразийским водным путям, заселение побережья, топография и развитие поселений в устье Невы в эпоху средневековья и Новое время, военные действия и устройство фортификационных сооружений. Роль археологических источников в

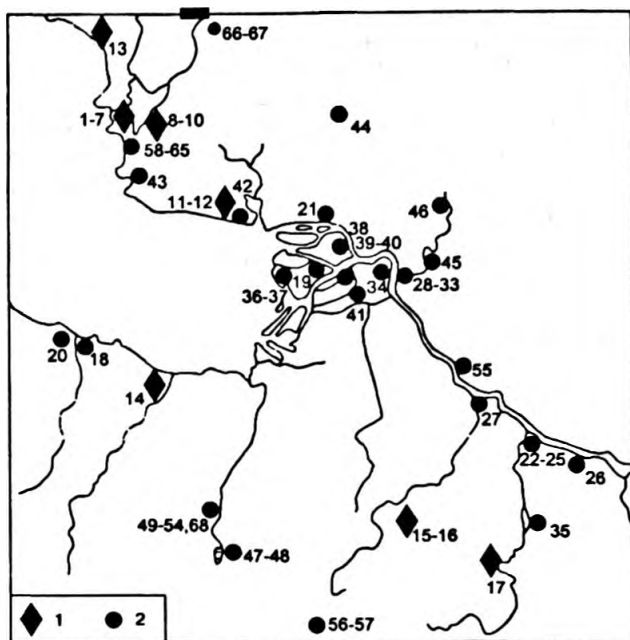


Рис. 11. Карта археологических объектов допетровского времени на территории Петербурга: 1 — объекты эпохи камня и раннего металла; 2 — объекты эпохи средневековья и Нового времени.

изучении предыстории Петербурга возрастает еще и в связи с тем, что многие письменные документы, содержавшие информацию об этом регионе, не сохранились до нашего времени.

Археологическое изучение Петербурга в перспективе может дать материалы для реконструкции и музеефикации отдельных объектов. Подавляющая часть археологических объектов допетровского времени сохранилась только в виде культурного слоя, представляя собой в этом состоянии более информативный, нежели экспозиционный памятник. Исключение составляют насыпи в районе Сестрорецкого разлива, остатки укреплений в Красном Селе и Усть-Ижоре. Возможны варианты обозначения местоположения археологических объектов, не существующих в настоящее время, путем установки памятных знаков, мемориальных досок, архитектурных и скульптурных композиций, а также путем включения исторических названий в топонимику современного города. Огромное значение имеет сохранение исторических ландшафтов, особенно в местах еще не затронутых массовым жилищным строительством на окраинах города: в Усть-Ижоре, в районах Дудергофского озера и Сестрорецкого разлива. Исторические элементы рельефа, гидрографии и растительности в этих местах, связанные с Невской битвой, поселениями позднесредневекового и нового времени, со стоянками эпохи неолита и раннего металла и группами курганных насыпей являются историко-археоло-

* Вопрос об атрибуции "Сестрорецкий курганов" остается открытым. Не исключено, что они являются вариантом углежогных конструкций сравнительно позднего времени (Лапшин 1995: 177).

** Так до нас дошли лишь отдельные писцовые книги конца XV—XVII в.в.; утрачен городской архив Ниена; имеются лишь отрывочные свидетельства о Невском городке и других крупных поселениях позднесредневекового периода на территории города и практически полностью отсутствует информация о затонувших судах в его акваториях.

гическими ландшафтными памятниками. Подобные элементы могут и должны выявляться и сохраняться на всей территории Санкт-Петербурга: таким образом археологические объекты могли бы занять достойное место в числе других памятников истории и культуры Санкт-Петербурга.

Проект системы зон охраны археологических памятников и культурного слоя допетровского времени на территории Санкт-Петербурга.

Этапом многолетних археологических исследований СЗФ РНИИ культурного и природного наследия стала разработка в 1995 г. "Проекта охраны археологических объектов (участков культурного слоя) допетровского времени на территории Санкт-Петербурга". Проект включает информацию о 68 памятниках или группах памятников и предусматривает установление режима их охраны. Зоны охраны археологического культурного слоя и памятников допетровского времени в черте Санкт-Петербурга были выделены на проектных графических материалах масштаба 1:10000 и 1:2000. Основой для их выделения стали: 1. Архивно-библиографические материалы об историко-археологических объектах допетровского времени; 2. Данные инженерно-геологического бурения; 3. Результаты натурных археологических исследований (разведок) и мониторинговых работ по уточнению местоположения археологических объектов и оценке культурного слоя. 4. Изучение исторических карт и планов и совмещения их с современной топоосновой. Работы проводились СЗФ РНИИ культурного и природного наследия по программе "Археология Санкт-Петербурга". Границы археологического культурного слоя для одной части памятников нанесены по данным археологических исследований, зафиксированным в архивных и библиографических материалах и комплексных исследованиях, включавших разведочные археологические работы, данные разведочного бурения, сведения исторических документов и карт. Для другой части археологических памятников границы культурного слоя определены на основе исторических источников и совмещений исторических планов с современной топоосновой. Они обозначены на чертежах условно и отнесены к "предполагаемым" границам. Границы "предполагаемого" исторического культурного слоя могут быть уточнены в процессе последующих археологических раскопок. Археологическая шурфовка и изучение естественных и искусственных обнажений позволяют определить мощность культурного слоя, его датировку, насыщенность вещевыми материалами, а также сохранность.

Для составления полного представления о культурном слое в условиях крупного городского центра требуется достаточно плотная сеть шурфов на исследуемой площади. В ходе разведочных археологических исследований ставится задача локализации участков непотревоженного слоя, в целях его дальнейшего изучения и сохранения. Данные разведочного бурения дают информацию

о мощности культурного слоя, его составе и стратиграфии, что позволяет использовать эту информацию только в комплексе с результатами археологической шурфовки. Письменные источники не дают (за редким исключением) точной информации о местоположении историко-археологических объектов. Важнейшим источником для локализации отдельных населенных пунктов XVII в. являются шведские карты, фиксирующие ситуацию в пределах территории современного Петербурга. Эти карты различаются по степени достоверности и точности передачи ситуации. Тем не менее, источниковедческий анализ позволяет с определенной точностью определять местоположение населенных пунктов. Применение в исследовании ретроспективного метода путем сопоставления данных картографии и более ранних писцовых книг дает возможность локализовать некоторые позднесредневековые поселения и констатировать их непрерывное развитие на протяжении длительного времени.

Интересные результаты дает комплексное исследование, предполагающее сопоставление археологических, картографических и письменных источников. Именно этот метод был апробирован в устьях рек Ижоры и Охты и на левобережье Невы в районе Смольного, где по картам XVII в. были определены места перспективные для поиска поселений. В результате проведенных археологических исследований удалось не только подтвердить относительную точность картографических источников и локализовать отдельные поселения на местности, но и установить, что большинство из них относится ко времени составления Писцовой книги Водской пятины 1500 г. и даже к более раннему времени (XIV в.)

В зависимости от расположения археологических объектов, устанавливаемые зоны охраны могут быть отдельные и объединенные: в первом случае в состав охранной зоны включается один археологический памятник, во втором зона объединяет два или несколько памятников, сконцентрированных в одном районе. В объединенную охранную зону "Устье реки Охты" включены местоположение поселений и могильника позднесредневекового периода, Невского городка, города Ниена, крепостей Ландскрона (?) и Ниеншанц и полей битв при них. Археологические памятники "Поле Невской битвы", позднесредневековые поселения и крепость Нового времени включены в объединенную охранную зону "Устье реки Ижоры". Комплекс археологических объектов, локализуемый на компактной территории центральной части Красного села, также составляет объединенную охранную зону. Подобный принцип охраны требуется для стоянок эпохи камня – раннего металла и групп насыпей в районе Сестрорецкого разлива, расположенных в топографической близости друг от друга, позднесредневековых селений на Васильевском острове и проч.

Археологические объекты допетровского времени на территории города различаются по характеру, масштабам, степени изученности и сохранности. Исходя из этого были предложены различные режимы охраны. Режим археологического исследования распространяется прежде всего на вы-

явленные памятники, границы которых определены на основании комплексных историко-археологических исследований. Любые работы в их зонах, связанные с углублением в грунт, а также новое строительство, реставрация и реконструкция зданий, улиц и площадей, прокладка и ремонт инженерных сооружений, благоустройство территории, мелиоративные работы, должны предваряться археологическими раскопками, направленными на полное изучение культурного слоя в пятне строительства. Археологические наблюдения с постоянным присутствием археолога, могут проводиться вместо раскопок только в том случае, если заглубление земляных работ на конкретном участке не достигает уровня исторически значимого культурного слоя. Решение о режиме работы (раскопки или наблюдения) может принимать только профессионал-археолог по согласованию с органами охраны памятников. В зависимости от результатов раскопок может быть принято решение о изменении проектного решения по трассе коммуникаций или пятну застройки. Учитывая необходимость сохранения культурного слоя для планомерных научных исследований, сложную технологию и продолжительность ведения археологических раскопок, новое строительство в границах культурного слоя следует ограничить до минимума, отдавая предпочтение модернизации существующих зданий и сооружений. При необходимости нового строительства в границах культурного слоя предварительные археологические раскопки должны быть проведены на всей площади застройки, и эти работы следует предусматривать в проектных разработках и в сметах затрат под новое строительство. Режим археологического исследования распространяется на наиболее крупные по масштабам и относительно хорошо исследованные памятники. К ним можно причислить памятники включенные в объединенные охранные зоны в устьях рек Охты и Ижоры, участок расположения Спасского села на левобережье Невы в районе Смольного; некоторые объекты Красносельского района: шанец XVII в. в Красном Селе, мельница у истоков реки из Дудергофского озера, стоянку эпохи раннего металла в районе Лахты и др.

Режим археологического поиска распространяется на территории "предполагаемого" исторического культурного слоя, где археологические исследования ранее не проводились, а также на объекты, которые были исследованы археологами, но имеющаяся по ним полевая документация, не позволяет с достаточной точностью локализовать памятники. "Предполагаемый исторический культурный слой" обозначен на проектных чертежах в результате сопоставления исторических планов, архивных текстов, археологических схем привязки с современными топоосновами. Его границы были определены графическим путем. Этот режим распространяется и на периферийные районы некоторых объектов с режимом археологического исследования. Земляные работы в зонах археологического поиска должны предваряться разведочными археологическими исследованиями с шурфовкой, которые позволят получить представление о состоянии культурного слоя в зоне строительства. На стадии строительства ве-

дется наблюдение за земляными работами. В случае выхода работ на уровень научно значимого культурного слоя или при обнаружении археологического объекта строительные работы приостанавливаются до окончания археологических работ, предусматривающих полное изучение культурного слоя участка памятника в пятне строительства. Решение об изменении режима охраны от наблюдения к археологическим раскопкам принимается на основе решения археолога ведущего объект, по согласованию с государственным органом охраны памятников.

Режим археологического поиска распространяется на наиболее крупные населенные пункты допетровского времени: селения на Васильевском острове, в районе Инженерного замка, в Уткиной Заводе, села на Петроградском острове и в Лахте, усадьбы у устья реки Оккервиль, у истоков Фонтанки (территория Летнего сада), в Усть-Славянке и в Дудергофе (пос. Горский), поселение Новикова в Красном Селе, границы которых удалось локализовать на местности путем совмещения планов XVII в. с современной топоосновой. К объектам археологического поиска относятся шанец Нового времени в Саперном, могильник в районе Шереметьевского дворца, стоянки эпохи неолита и раннего металла и группы насыпей из района Сестрорецкого разлива, периферийные территории Ниена и Спасского.

Границы зон археологического исследования и поиска проводились с таким расчетом, чтобы включать территорию несколько большую, чем территория локализации памятника, учитывая недостаточную точность определения границ последней. В тех случаях, когда на основании различных данных один и тот же памятник локализовался в различных местах, границы его охранной зоны проводились на основании анализа этих данных, включавшего определение точности использовавшихся источников. При этом, по возможности, границы проводились вдоль границ современных улиц и кварталов для лучшего отыскания их на местности. Однако, в отдельных случаях, когда этот принцип приводил бы к включению в охранную зону неоправданно больших площадей, во много раз превышающих размеры самого памятника, границы проводились без учета существующей планировочной структуры.

Отсутствие подробной информации не позволяет с достаточной точностью локализовать на местности многие археологические памятники: населенные пункты и могильники, топографически не связанные с четкими гидрографическими опорными точками, а также местонахождения средневековых кладов и случайных находок. Затруднительно на данном этапе изучения и точное определение трасс древних дорог: для уточнения их местоположения требуется сбор дополнительной информации, привлечение новых источников и организация целевых поисковых археологических работ в районах предполагаемой локализации объектов.

Мониторинговые археологические работы должны охватывать территорию всего Санкт-Петербурга. При этом особое внимание следует уделять обследованию побережий Финского залива, Невы, ее рукавов и притоков, к которым преиму-

шественно приурочены зоны заселения эпохи средневековья и нового времени. Выявление участков археологического культурного слоя на территориях, не включенных в охранные зоны, в процессе мониторинговых работ, должно квалифицироваться как выявление нового памятника, что предполагает выполнение по отношению к его охране всех требований предусмотренных к охране объектов стоящих на государственной охране. Археологические исследования на вновь выявленном в процессе земляных работ памятнике должны носить спасательный характер.

Помимо наземных объектов в пределах Санкт-Петербурга имеются и подводные археологические объекты. К ним могут быть причислены затопленные неолитические стоянки 1-5 Сестрорецкого разлива, участки акватории Невы, прилегающие к устьям рек Ижоры и Охты шириной 40-80 м, и русла последних в пределах объединенных охранных зон, где могут быть обнаружены затопленные суда, предметы вооружения и другие археологические находки. Учитывая тот факт, что Сестрорецкий разлив представляет собой новообразование XVIII в., в зону археологического поиска включается значительная часть его акватории.

Археологические объекты XVIII–XIX вв. в Санкт-Петербурге.

Археологические объекты (культурный слой) Нового Времени представляют собой отдельную категорию памятников в Санкт-Петербурге, связанных с основанием и ранними этапами существования города. Традиционно поле деятельности археологии ограничивается рубежом XVIII в., однако в последнее время правомерность установления этой условной, но тем не менее точной границы все чаще ставится под сомнение. Критерием применения археологических методов исследования должна признаваться не хронологическая эпоха, а возможности извлечения из источника исторической информации об исследуемом объекте. Учитывая, что ранняя история Санкт-Петербурга достаточно скудно освещена письменными документами и их часто бывает недостаточно для получения целостной картины появления и развития того или иного объекта, применение археологических методов исследования в рамках эпохи Нового времени становится настоятельной необходимостью. Преимущественным достоянием археологии является получение информации о тех аспектах культуры, которые были обыденными для своего времени и поэтому не нашли подробного освещения в письменных документах. Это различные вопросы бытовой жизни, хозяйства, ремесел и промыслов населения города, взаимодействия города и природной среды.

Основным направлением археологии Нового времени является архитектурная археология, носящая, преимущественно, прикладной характер и служащая, в первую очередь, целям восстановления, реконструкции и реставрации частично сохранившихся или разрушенных архитектурных, фортификационных и инженерных сооружений. В ее сферу входит решение таких задач, как определение местоположения утраченных объектов на

местности, уточнение их планировочной структуры и конструктивных особенностей, изучение архитектурно-строительной техники и выявление строительных периодов в истории объекта. Специфическим разделом петербургской археологии можно считать гидроархеологию, в ведении которой должно находиться исследование затонувших судов, портовых и навигационных пунктов, других сооружений и объектов, в настоящее время затопленных водой.

Основание Петербурга в 1703 г. и превращение его в столицу привели к быстрому хозяйственному освоению территории в устье Невы. Проследивается определенная преемственность в размещении первоначальных объектов городской застройки по отношению к допетербургскому периоду освоения этой территории (с учетом перемещения городского центра ближе к устью Невы и временного запустения агломерации поселений устья Охты и района Смольного). Новый городской центр с Петропавловской крепостью, адмиралтейством, рыночной площадью, и войсковым лагерем занимает в первые годы существования Петербурга Заячий остров, Стрелку Васильевского, южную половину Петроградского и северо-восточную часть Адмиралтейского островов, частично перекрывая территории наиболее крупных населенных пунктов, непрерывно существовавших здесь с позднесредневекового времени – двух усадебных комплексов на восточном берегу Петроградского острова (Byrkenholm hoff) и в районе Летнего сада (Usadiss hoff), а так же двух больших поселений на Стрелке Васильевского острова. Это объясняется стремлением использовать сложившуюся здесь инфраструктуру – освоенные, свободные от леса, сухие территории и коммуникационную сеть предшествующего времени. Постепенно на окраинах нового города возникают военные и ремесленные слободы. К концу петровского периода территория Петербурга включает уже большую часть Петроградского и Адмиралтейского островов восточную и южную части Васильевского острова. Отдельные объекты – загородные дворцовые комплексы, усадьбы знати и монастыри – появились и в окрестностях столицы (рис. 12).

В процессе развития города в постпетровское время в его пределы постепенно включаются все новые и новые земли. Если в 1717 г. площадь застройки составляла 12 км², то в 1828 г. она достигла уже 54 км². В этот период значительно возрастает число загородных дворцов и усадеб. В 1833 г. к городу присоединились загородные участки: Елагин, Каменный, Крестовский, Гутуевский и Резвый острова, а также участок территории до Большой Выборгской дороги. С середины XIX в. город интенсивно застраивается в южном и северном направлениях, и к 1917 г. территория его увеличивается до 105,4 км². (ЛИГА 1977). Уникальность Петербурга как историко-архитектурного и археологического памятника заключается в исключительной насыщенности центра и отдельных районов города высокохудожественными сооружениями и архитектурными ансамблями, целостности его градостроительной структуры, мало пострадавшей от реконструктивных вмешательств последующего времени.

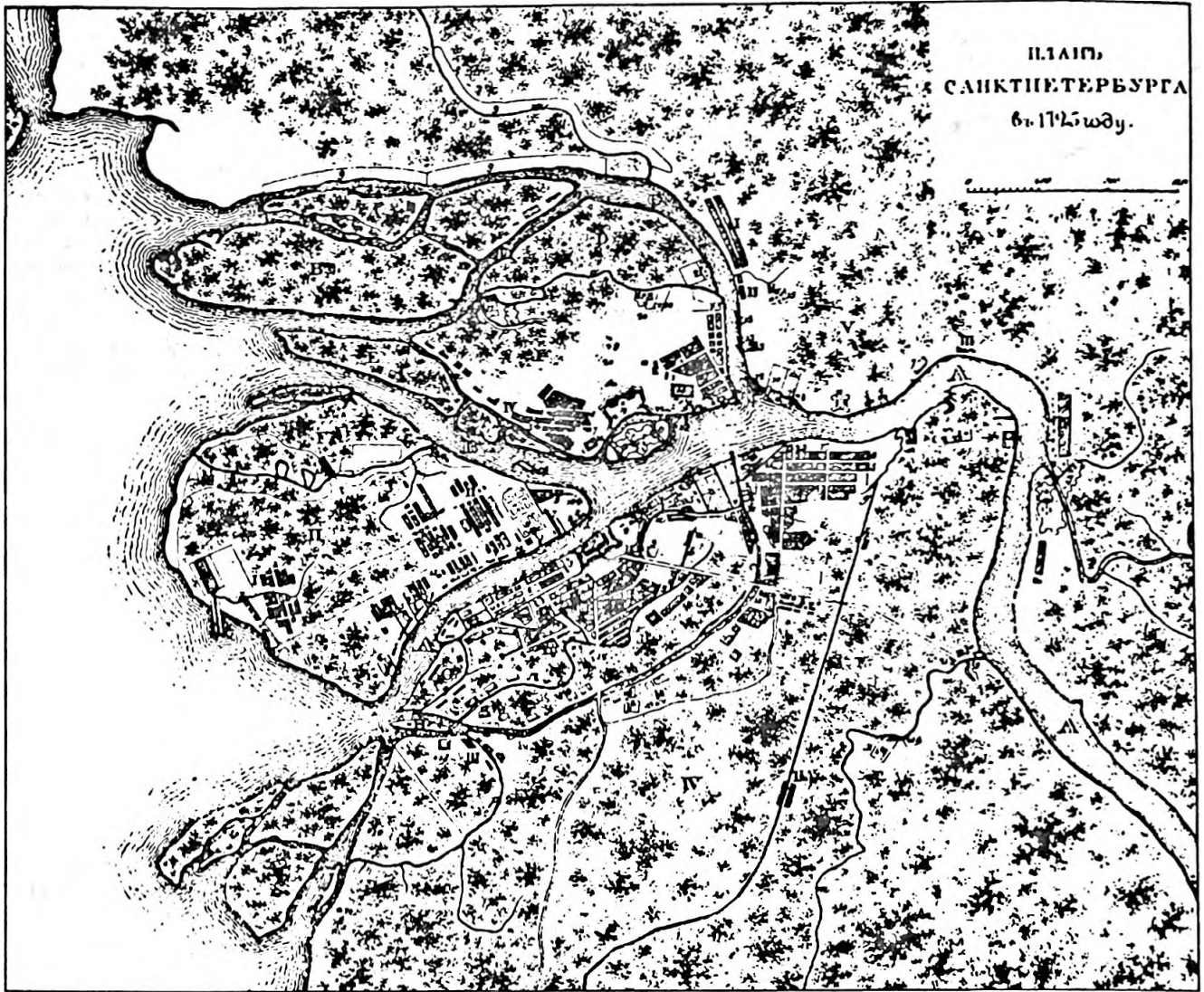


Рис.12. План Санкт-Петербурга 1725 г.

До настоящего времени археологические объекты и слой в Петербурге не стоят на государственной охране. Существующие в городе охранные зоны связаны с архитектурными памятниками. Весь центр Петербурга включен по проекту 1988 г. в объединенную охранную зону. Площадь ее составила 3768 га (рис.13). Она включает большую часть островов и территорию ограниченную обводным каналом. Критерием включения территории в объединенную охранную зону является наличие на ней, за редким исключением, не менее 60% ценных сооружений. В этой зоне оберегается историческая застройка и система планировки, сохраняются соответствующие памятнику среда и ландшафт, запрещается, новое строительство, за исключением лакун, а также ликвидируются промышленные предприятия (ПЗО ЦРЛ). Однако охрана археологического культурного слоя, как памятника истории и культуры не предусмотрена. Более того, в проекте вообще отсутствует упоминание культурного слоя и археологических объектов.

Археологические объекты Нового Времени имеют различную степень сохранности и статус;

некоторые из них прекрасно сохранились до наших дней в первоначальном или в большей или меньшей степени перестроенном виде и являются историко-архитектурными памятниками, другие оказались руинированы или полностью разрушены и не поставлены на государственную охрану. Тем не менее и одни, и другие являются объектами археологического изучения. Если в первом случае признание историко-архитектурного памятника археологическим дополняет режим охраны сооружения, включением в него пункта о сохранении связанного с памятником культурного слоя, то во втором случае объект просто получает статус археологического памятника, что предусматривает сохранение всего комплекса материальных остатков – сооружения и культурного слоя. Учитывая, что весь культурный слой Старого Петербурга неразрывно связан с бесценными архитектурными памятниками и содержит важнейшую информацию по истории города он несомненно нуждается в охране. Здесь также могут быть предложены два режима охраны режим археологических раскопок и поиска: первый должен распространяться на все реконструируемые архи-

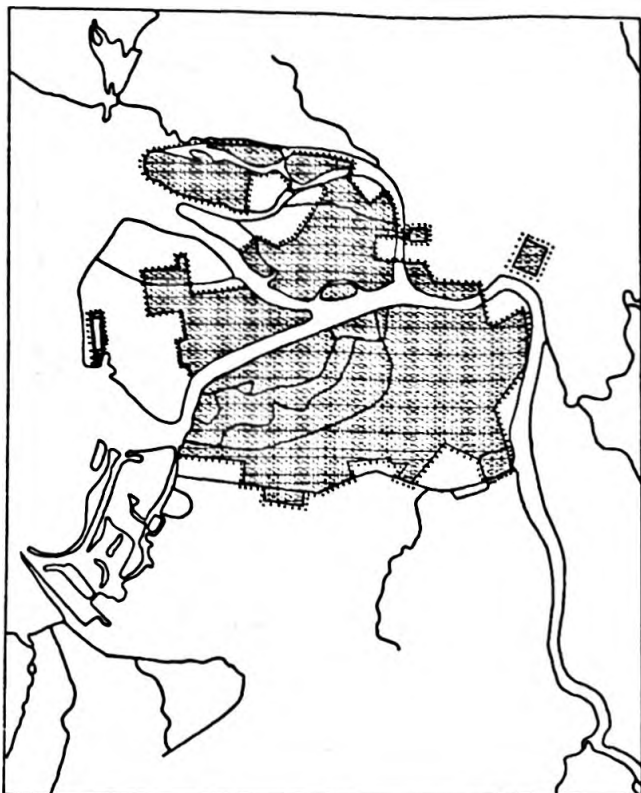


Рис.13. Границы объединенной охранной зоны центральных районов Санкт-Петербурга.

тектурные объекты, на все сооружения и участки культурного слоя петровского периода, а также на особенно ценные объекты более позднего времени; второй должен действовать на всех территориях объединенной охранной зоны центральных и охранных зон отдельных районов Петербурга, включая его пригороды. Помимо этого на государственную охрану могут быть поставлены и отдельные участки культурного слоя и объекты за пределами существующих зон охраны архитектурных памятников. В настоящее время насущной необходимостью является работа по исследованию, инвентаризации и паспортизации археологических объектов Нового времени и создание историко-археологического опорного плана Большого Петербурга. Эта работа должна стать основой для разработки проекта охранных зон археологических объектов (памятников) всех эпох на территории города.

КАТАЛОГ

археологических памятников и отдельных находок допетровского времени на территории Санкт-Петербурга*

Памятники эпохи неолита и раннего железного века:

1. Сестрорецкий Разлив 1. На озере около пос. Разлив, в 500 м от берега. Затопленная неолитическая стоянка. Исследовалась С.А.Яковлевым, Г.П.Сосновским, Б.Ф.Земляковым, 1933 г. (Гурина 1961: 530).
2. Сестрорецкий разлив 2. В юго-западной части озера, между поселками Разлив и Тарховка в 150 м от берега. Затопленная неолитическая стоянка. Исследовалась Б.Ф.Земляковым, С.А.Яковлевым, 1933 г. (Гурина 1961: 530).
3. Сестрорецкий Разлив 3. Между стоянкой 1 и озером. Затопленная неолитическая стоянка. Исследовалась Г.П.Сосновским, П.И.Борисковским, С.А.Яковлевым, 1933 г. (Гурина 1961: 530).
4. Сестрорецкий Разлив 4. Западный берег озера, у мыса против стоянки 3. Затопленная неолитическая стоянка. Исследовалась Г.П.Сосновским, 1933 г. (Гурина 1961: 530).
5. Сестрорецкий Разлив 5. Западный берег озера у мыса, к юго-западу от стоянки 1. Затопленная неолитическая стоянка. Исследовалась Г.П.Сосновским, 1933 г. (Гурина 1961: 530).
6. Разлив (Сестрорецкий Разлив 6). Территория поселка Разлив. Стоянка. Мезолит или ранний неолит. Исследовалась А.Штакельбергом, 1915 г., П.В.Виттенбургом и Суомолайненом, 1920 г., Б.Ф.Земляковым, 1921 г. (Гурина 1961: 530).
7. Сестрорецк (Сестрорецкий Разлив 7). Западный берег Сестрорецкого Разлива, в черте города. Стоянка с поздними типами каменных орудий. Исследовалась Б.Ф.Земляковым, 1921 г. (Гурина 1961: 530).
8. Тарховская коса (Сестрорецкий Разлив 8). Восточный берег Сестрорецкого Разлива. Неолитическая стоянка. Исследовалась М.Я.Рудинским и Г.П.Сосновским, 1916 г., Б.Ф.Земляковым, 1916, 1917, 1921 гг. (Гурина 1961: 530).
9. Тарховская. Восточный берег Сестрорецкого Разлива, у Глиняного ручья. Стоянка эпохи раннего металла. Исследовалась Б.Ф.Земляковым, 1921 г. (Гурина 1961: 532).
10. Сосновая гора (Сестрорецкий Разлив 10). Северо-восточный берег Сестрорецкого Разлива, близ впадения р. Черной. Неолитическая стоянка. Исследовалась С. Гамченко, 1908 г. (Гурина 1961: 532).
11. Лахта. Западное побережье Лахтинского залива. Стоянка эпохи раннего металла. Исследовалась В.Александровым и В.Витенбургом, 1922 г., Б.Ф.Земляковым и А.А.Спицыным, 1923 г. (Гурина 1961: 532).
12. Ольгино. Западное побережье Финского залива, в 0,5 км. от пос. Ольгино. Отдельная находка кремневого скребка (по Б.Ф.Землякову). Точное местонахождение неизвестно (Гурина 1961: 532).
13. Репино. Западное побережье Финского залива, в черте пос. Репино. Случайная находка каменного орудия. Разведка О.Е.Федорова, 1958 г. Точное местонахождение неизвестно (Гурина 1961: 530).

* В каталог не включены клады и случайные находки эпохи позднего средневековья и Нового времени.

14. Стрельна. Южное побережье Финского залива. Случайная находка дубового челна (по А.А.Иностранцеву). Точное местонахождение неизвестно (Иностранцев 1882).
15. Большое Кузьмино. Близ г. Пушкин. Случайная находка кремневого наконечника стрелы (по А.С.Уварову). Точное местонахождение не известно (Уваров 1881: 136).
16. Славянка, близ г. Пушкин на р.Славянка. случайные находки кремневых наконечников стрел. Точное местонахождение неизвестно (Уваров 1881: 136).
17. Ижоры. На р.Ижора, близ г. Павловска. Случайная находка каменного орудия Точное местонахождение неизвестно (Уваров 1881: 136).

Памятники эпохи средневековья и Нового времени:

18. Петеродворец. Клад арабских серебряных монет IX в. 82 монеты. Обнаружен в 1941 г. Передан в ГИМ в 1966 г. Точное местонахождение неизвестно (Мельникова, Никитин, Фомин 1984: 26-47; Дубов 1989: 246-247).
19. Васильевский остров, Галерная гавань. Клад, включавший сосуд с восточными монетами, одна монета датирована 780 г. Обнаружен в 1797 г. Точное местонахождение неизвестно (Марков 1910: 30)
20. Мартышкино. Клад западноевропейских серебряных монет. 107 монет. Сокрыт около 1070-1075 гг. Точное местонахождение неизвестно (Потин 1967: 138).
21. Новая деревня. У кинотеатра Юность, в 1961 г. найдена средневековая кольчуга. Передана в Гос. Эрмитаж. Точное местонахождение не известно. Устное сообщение Ширяева.
22. Усть-Ижора. Поле Невской битвы 1240 г. На мысу правого или левого берега при впадении р.Ижора при впадении ее в Неву (Сорокин 1993а).
23. Усть-Ижора. Гнездо из пяти позднесредневековых поселений на мысах правого и левого берегов р.Ижора при впадении ее в Неву. Обследование П.Е.Сорокина, 1988-1991 гг. (Сорокин 1988; 1989; 1990; 1991; 1993а).
24. Усть-Ижора. Земляная фортеция. Правый берег р.Ижора. Новое время. Обследование П.Е.Сорокина, 1989 г. (Сорокин 1989).
25. Усть-Ижора. Усадьба Uskin hoff. Правый берег, в 1 км от устья. Точное местоположение неизвестно (Гиппинг, Куник 1913).
26. Саперный. Земляной редут Нового времени. Левый берег Невы, в 3 км. от устья р. Тосно. Точное местоположение неизвестно. Обследование П.Е.Сорокина.
27. Усть-Славянка. Усадьба Gudilov hoff. XVII в. Позднесредневековые поселения. Правый берег р.Славянка. Точное местоположение неизвестно (Гиппинг, Куник 1913).
28. Устье р.Охта, Шведская крепость Ландскрона. 1300-1301 гг. Локализуется на мысу между р.Охта и Невой. Точное местоположение неизвестно (Шаскольский 1987).
29. Устье р.Охта. Поля битв под Ландскроной (1300-1301) и при Ниеншанц (1703). Точное местоположение неизвестно (Шаскольский 1987).
30. Устье р.Охта. Гнездо поселений (село, три деревни, усадьбы XIV-XVII вв., "Невское устье", "Невский городок" XVI в.). Обследование П.Е.Сорокина, 1992-1993 г. (Сорокин 1992; 1993в; 1994а).
31. Устье р.Охта. Город Ниен и крепость Ниеншанц XVII в. Обследование П.Е.Сорокина, 1992, 1993, 1995 гг. (Сорокин 1992; 1993в; 1994а).
32. Устье р.Охта. Позднесредневековый грунтовый могильник. Обследование П.Е.Сорокина, 1993 г. (Сорокин 1993в).
33. Заневский проспект. Два земляных форта конца XVII в. Точное местоположение неизвестно (Гиппинг, Куник 1913).
34. Левый берег р.Нева. Спасское село с церковью, XV-XVII вв. Перед каре Смольного монастыря. Обследование П.Е.Сорокина, 1994 г. (Сорокин 1994в; 1995).
35. Колпино. Торговый рядок, поселение XV-XVI вв. Ок. 7 км от берега Невы. Точное местоположение неизвестно (ПКВП: 344).
36. Васильевский о-в. Поселение XV-XVII вв. Район Стрелки. Точное местоположение неизвестно (АИ).
37. Васильевский о-в. Поселение XV-XVII вв. Побережье Малой Невы в районе Среднего пр. Точное местоположение неизвестно (АИ).
38. Петроградский о-в, Позднесредневековое село "на Фомине острове", усадьба Bjorkenholm XVII в. Берг Большой Невки к северу от Сампсониевского моста. Точное местоположение неизвестно (Гиппинг, Куник 1913; АИ).
39. Фонтанка. Позднесредневековая деревня Усадище, усадьба Usadiss hoff XVII в. Мыс правого берега при истоке р.Фонтанка из Невы, территория Летнего сада. Точное местоположение неизвестно (Гиппинг, Куник 1913; АИ).
40. Фонтанка. Позднесредневековое поселение Первушино. Правый берег р.Фонтанка в районе Инженерного замка. Точное местоположение неизвестно (Гиппинг, Куник 1913; АИ).
41. Фонтанка. Грунтовый могильник с погребениями по обряду ингумации (два инвентарные). Левый берег р.Фонтанка в районе Шереметьевского дворца. Обнаружен при земляных работах. Устное сообщение Дьяченко.
42. Лахта. Село XV-XVII вв. К западу от Лахтинского залива, у побережья Финского залива. Точное местоположение неизвестно (АИ).
43. Лисий Нос. Село Лисичье XV-XVI вв Побережье Финского залива между Лисьим Носом и пос.Горская. Точное местоположение не известно (АИ).
44. Парголово. Усадьба Parkola hoff XVII в. Точное местоположение не известно (Гиппинг, Куник 1913).
45. Усадьба Tuskola hoff XVII в. Левый берег р.Охта, среднее течение. Точное местоположение неизвестно (Гиппинг, Куник 1913).
46. Усадьба Ahala hoff XVII в. Левый берег р.Охта, среднее течение. Точное местоположение неизвестно (Гиппинг, Куник 1913).
47. Дудоровский погост. Позднесредневековое поселение с церковью. Красносельский р-н, к востоку (?) от оз.Дудергофское. Точное местоположение неизвестно (ПКВП: 286).
48. Горский. Усадьба Duder hoff XVII в. К востоку от оз.Дудергофское. Точное местоположение неизвестно (АИ).
49. Дудергофское озеро. Мельница XVII в. Северное побережье оз. Дудергофское, у истоков р.Дудергофка. Обследование П.Е.Сорокина, С.Б.Горбатенко, 1993 г. (Сорокин 1993в).
50. Красное село. Юго-западная окраина. Шанец XVII в., Обследование П.Е.Сорокина, С.Б.Горбатенко, 1993 г. (Сорокин 1993в).
51. Красное село. Поселение Nowikola XVII в. с кирхой, пасторатом, участками дорог Выборг Нарва и к Дудергофу (Горбатенко 1993; Сорокин 1993в).
52. Красное село. Русское кладбище XVII в. Точное местоположение неизвестно (Горбатенко 1993; Сорокин 1993в).
53. Красное село. Лютеранское кладбище XVII в. Точное местоположение неизвестно (Горбатенко 1993; Сорокин 1993в).
54. Красное село. Могильник. В 0,5 км к западу по северной стороне Ропшинской дороги. Обнаружен в 1869 г., исследован Б.А.Коишевским, 1932 г. Точное местоположение неизвестно (Савельев 1877: Архив ИИМК РАН, ф.2, 1932, д.92).

55. Уткина Заводь. Поселение Санзорница эпохи позднего средневековья и Нового времени. Побережье Невы в устье реки. Точное местоположение не известно (ПКВП: 132).
56. Гатчина. Курганный могильник (6 насыпей). Сквер между Проспектом 25 октября, Домом культуры и берегом озера. Не сохранился (Равдоникас 1932).
57. Гатчина. Грунтовый могильник. XIV в. К северу от курганной группы и к востоку от Дома культуры, на краю верхней террасы берега озера. Исследования В.И.Равдоникаса, 1932 г. Точное местоположение неизвестно (Равдоникас 1932).
58. Тарховка. Группа насыпей затона Тарховской косы (37 насыпей). К западу от железнодорожной линии Тарховка-Сестрорецк. Исследовалась в 1905-1913 гг. С.С.Гамченко (Гамченко 1908а; 1908б; 1913).
59. Тарховка. Группа насыпей Тарховская (27 насыпей). К югу от ст. Тарховка у железнодорожной линии Тарховка-Сестрорецк. Исследовалась в 1905-1913 гг. С.С.Гамченко (Гамченко 1908а; 1908б; 1913).
60. Тарховка-Разлив. Группа из 37 насыпей. Вдоль железнодорожной линии Тарховка-Разлив. Исследовалась в 1905-1913 гг. С.С.Гамченко (Гамченко 1908а; 1908б; 1913).
61. Тарховка. Группа насыпей Тарховская перемычка Зеленая Горка (21 насыпь). У юго-восточного побережья Сестрорецкого Разлива. Исследовалась в 1905-1913 гг. С.С.Гамченко (Гамченко 1908а; 1908б; 1913).
62. Сестрорецк. Группа насыпей Курорт-Ермоловка (19 насыпей). Вдоль железнодорожной линии, между станциями Сестрорецк и Курорт, Исследовалась в 1905-1913 гг. С.С.Гамченко (Гамченко 1908а; 1908б; 1913).
63. Сестрорецк. Группа насыпей Сестрорецкая (20 насыпей). К северо-западу от ст. Сестрорецк. Исследовалась в 1905-1913 гг. С.С.Гамченко (Гамченко 1908а; 1908б; 1913).
64. Сестрорецкий Разлив. Группа насыпей Зеленая горка (24 насыпи). Вдоль северной части восточного побережья Разлива. Исследовалась в 1907-1913 гг. С.С.Гамченко (Гамченко 1908а; 1908б; 1913).
65. Сестрорецкий Разлив. Группа насыпей Сосновая гора (36 насыпей). При впадении р.Черная в Сестрорецкий Разлив. Исследовалась С.С.Гамченко в 1907-1913 гг. (Гамченко 1908а; 1908б; 1913).
66. Сертолово. Группа насыпей Дыбун (58 насыпей). К западу от Сертолово. Исследовалась в 1907-1913 гг. С.С.Гамченко (Гамченко 1908а; 1908б; 1913).
67. Черная Речка. Группа насыпей Горы Кузьмина (62 насыпи). Вблизи пос.Черная Речка, к северо-западу от группы Дыбун. Исследовалась в 1907-1913 гг. С.С.Гамченко (Гамченко 1908а; 1908б; 1913).
68. Дудергоф. Каменный крест. Обнаружен в районе, прилегающем к Дудергофу А.С.Раевским в 1916 г. Точное местонахождение неизвестно.
- АИ — Атлас Ингерманландии 1701 г. РОБАН, Собр. рук. карт. Оп. доп. I. д. 27.
- Баженова Е.М. 1980. Первые зимние дворцы и Эрмитажный театр // СГЭ, № 45.
- Беспятовых Ю.Н. 1991. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.
- Богданов Г., Рубан В. 1779. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 г. СПб.
- Богданов А.И. 1903. Дополнение к историческому, географическому и статистическому описанию Санкт-Петербурга с 1751 по 1762 г. М.
- Бранденбург Н.Е. 1896. Старая Ладога, СПб.
- Бутков П. 1836. О состоянии местностей Санкт-Петербургских в XVI в. СПб.
- Воинов В.С., Денисов Ю.М., Лебедев Г.С. 1975. Памятники русской славы // Строительство и архитектура Ленинграда, № 9.
- Возгрин В.Е., Шаскольский И.П. 1981. Шведская карта низовьев Невы 1640-х годов // ВИД, № XII.
- Гамченко С.С. 1908а. Раскопки на побережье Финского залива. СПб.
- 1908б. Исследование Сестрорецких курганов в 1907 г. СПб.
1913. Исследование Сестрорецких курганов в 1908 г. // Записки отделения русской и славянской археологии, т. IX. СПб.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.
- Гессен А.И. 1977. Реставрация дворца Меншикова // ПКНО—1976, М.
- Гиппинг А.И. 1909. Нева и Ниеншанц. т.1-2, СПб.
- Гиппинг А.И. Куник А.А. 1913. Карты и планы Невы и Ниеншанца. Пг.
- Горбатенко С.Б. 1987. Новое об ансамбле Большого Дворца в Ораниенбауме // ПКНО—1985, М.
1993. Дудергоф в XVII столетии. Историческая записка (Сорокин 1993в: приложение)
1994. Усть-Ижора, Петро-Славянка, Металлострой. Зоны охраны памятников истории и культуры. СПб. Рукопись в архив УГИОП Санкт-Петербурга.
- Грач А.Д. 1957. Археологические раскопки в Ленинграде. Л.
- Гурина Н.Н. 1961. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.-Л.
1985. Некоторые итоги изучения древнейшей истории Ленинградской области // Новое в археологии Север-Запада СССР. Л.
- Даринский А.В. 1975. Ленинградская область. Л.
- Дегтярев А.Я. 1995. Место битвы изменить нельзя? // Колпица. СПб.
- Доманский Я.В., Столяр А.Д. 1962. По бесовым следам. Л.
- Дубов И.В. 1989. Великий Волжский путь. Л.
- Земляков Б.Ф. 1941. О древнейших следах человека в окрестностях Ленинграда // МИА № 2.
- Иностранцев А.А. 1882. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб.
- Кауфман И.Н., Якимова Н.В. 1987. Новое о террасах бывшего Меншиковского дворца в Ораниенбауме // ПКНО—1986, М.
- Кашаев С.В., Андреева О.В. 1996. Археологические исследования на территории усадьбы Дж.Кваренги в Царском Селе // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. СПб.
- Кореневит В.А. 1975. Раскопки в Летнем саду // Нева, № 9.
1980. Центральная часть Летнего сада по материалам археологических изысканий // ПКНО—1979, М.
1985. Раскопки летней резиденции Петра I в Ленинграде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.
- Кильюнди Е.А., Кирпичников А.Н. 1975. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 г. // Скандинавский сборник, № XX, Таллин.
- Кузнецов С.С. 1955. Геологическое прошлое Ленинграда и его окрестностей. Л.
- Лапшин В.А. 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Часть 1. Западные районы. Л.
1995. Археологическая карта Ленинградской области. Часть 2. Восточные и северные районы. Л.
- Лебедев Г.С. 1981. Археологи в Петропавловской крепости // Нева, № 8.
- ЛИГА — Ленинград. Историко-географический атлас. М. 1977.
- Линде Ю.И. 1872. Промыслы охтинского пригорода. СПб.

- Мансуров Б. 1856. Охтинские адмиралтейские селения. Ч.1. СПб.
- Марков А. 1910. Топография кладов восточных монет. СПб.
- Мельникова Е.А., Никитин А.Б., Фомин А.В. 1984. Граффити на куфических монетах Петергофскогоклада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. М.
- Михайлов Г.В. 1988. Зимние дворцы Петра I. Исследования и научные реконструкции // Музей, № 9, М.
- Моора Х., Лиги Х. 1969. Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в. Таллин.
- Немиров Г.А. 1888. Петербург до его основания. СПб.
- ОТП – Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701 г. // Журнал Министерства внутренних дел, т. XXIX. СПб.
- Павлов А.Н., Сорокин П.Е. 1994. Отчет по теме "Комплексное изучение состояния объектов культурного и природного наследия в Санкт-Петербурге". 1995. Архив СЗФ РНИИ культурного и природного наследия.
- ПКВП Переписная окладная книга по Новугороду Вотской пятины. М. 1851.
- Попов И.Г. 1903. Введение в историю г. Санкт-Петербурга. М.
- Потин В.М. 1967. Топография находок западноевропейских монет X-XIII вв. на территории Древней Руси // Труды Государственного Эрмитажа, т. IX. Л.
- Приамурский Г.Г., Трофимов С.В. 1991. Судьба Ниеншанца // Охта, № 10.
- ПЗО ЦРЛ Проект зон охраны центральных районов Ленинграда. Л., 1988. Архив УГИОП Петербурга, д. 286/298/2.
- Равдоникас В.И. 1932. Ижорский молгильник в г. Красногвардейске (б. Гатчина) // Сообщения ГАИМК, № 11-12.
- Репников Н.И. 1948. Раскопки в городище Старой Ладogi // Старая Ладога. Л.
- Рябинин Е.А. 1990. Ижора // Финны в Европе. Вып. 2. М. 1990.
- Савельев А.И. 1877. О насыпях и курганах в Петербургской губернии // Известия РАО, т. VIII, СПб.
- Седов В.В. 1983. Восточные славяне в VI-XIII вв. / Археология СССР, т. 13. М.
- Сорокин П.Е. 1988. Отчет об археологических исследованиях церкви Александра Невского в пос. Усть-Ижора. Рукопись в архиве УГИОП Санкт-Петербурга.
1989. Отчет об археологических исследованиях в пос. Усть-Ижора [в 1989 г.]. Рукопись в архиве УГИОП Санкт-Петербурга.
1990. Отчет о продолжении археологических исследований в пос. Усть-Ижора [в 1990 г.]. Рукопись в архиве УГИОП Санкт-Петербурга.
1991. Отчет о продолжении археологических исследований в пос. Усть-Ижора [в 1991 г.]. Рукопись в архиве УГИОП Санкт-Петербурга.
1992. Отчет об археологических исследованиях в Красногвардейском районе Петербурга [в 1992 г.]. Рукопись в архиве УГИОП Санкт-Петербурга.
- 1993а. Страницы истории Ижорской земли. Усть-Ижора.
- 1993б. Памятники судовой археологии в северо-западной России и некоторые перспективы их изучения // Изучение памятников морской археологии. СПб.
- 1993в. Изучение археологических объектов на территории Санкт-Петербурга [в 1993 г.]. СПб. Рукопись в архиве УГИОП Санкт-Петербурга.
- 1994а. Археологические исследования в устье реки Охты // Петербургские чтения. СПб.
- 1994б. Водные пути и судостроение на северо-западе Руси в средневековье / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Архив ИИМК РАН.
- 1994в. Изучение археологических объектов на территории Санкт-Петербурга [в 1994 г.]. Рукопись в архиве УГИОП Санкт-Петербурга.
1995. Археологические исследования 1994 г. в районе Смольного монастыря // Петербургские чтения. СПб.
- Сосновский Г.П. 1935. Разведки на Сестрорецком разливе // Известия ГАИМК. Вып. 109.
- Уваров А.С. 1881. Археология России. Каменный период. Т. 2. М.
- Шамардин М.В. 1977. Фонтаны начала XVIII в. в Летнем саду // ПКНО-1976, М.
- Шаскольский И.П. 1987а. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л.
- 1987б. О судьбе архивных материалов г. Ниеншанца // ВИД, № XVIII. Л.
1995. Сражение на Неве (к 750-летию) // Колпица. СПб. 1995.
- Ходаковский З. 1838. Историческая система Ходаковского // РИС. кн. 3. М.
- Яковлев. 1926. Наносы и рельеф г. Ленинграда и его окрестностей. Т. 1-2. Л.
- Якушева Т.Л. 1994. Основания, фундаменты, стены эрмитажных зданий (исторический очерк, современные исследования) // Архитектурные тетради, № 1, СПб.
- Bagrow L., Kohlin H. 1953. Maps of the Neva river and adjacent areas in Swedish archives. M.
- Goetz K. 1922. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Leipzig.

В.А.ТЮЛЕНЕВ

ВЫБОРГСКИЙ ЗАЛИВ КАК ОБЪЕКТ МОРСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С 1983 г. в акватории Выборгского залива экспедиция ИИМК РАН проводит поиски и фиксацию подводных археологических объектов. На первом этапе (до 1987 г.) главное внимание уделялось водам внутреннего залива вблизи самого Выборга. Были обследованы проливы вокруг замка, бухты у побережья парка Монрепо и бывшие судоходные фарватеры в направлении р. Вуоксы. Итогом этих работ стало определение трасс старых мостов, были найдены надгробные камни, исчезнувшие с острова Людвигштайн, собрана коллекция бытовых предметов.

На втором этапе (1987 г.) территория поисков была расширена в сторону открытого моря. Главное внимание при этом уделялось ныне закрытым северному и южному фарватерам через Транзундский архипелаг. Основной целью работ стало обследование проливов вокруг островных крепостей, закрывавших наиболее узкие участки этих бывших водных путей. Наибольшие ожидания оправдал северный фарватер. Если около южной крепости со дна были подняты только обломки кирпичей и невыразительные железные предметы, то против северной крепости обнаружен весьма интересный объект — деревянная платформа на бревенчатых срубах, опущенных на дно и заполненных камнями. Судя по находкам фрагментов посуды, шлаков и многочисленных изделий из железа, на платформе над уровнем близлежащего низкого берега возвышались де-

ревянные здания, связанные с кузнечным производством и ремонтом кораблей. Эти мастерские, где применялся огонь, видимо, в конце XVIII-XIX вв. обеспечивали нужды большой северной крепости. Производство были вынуждены вынести за пределы крепости, поскольку на ее территории находились склады с артиллерийским припасом: до настоящего времени сохранились подземные ангары для снарядов, пороха и снаряжения, артиллерийские площадки, валы, дороги, фундаменты казарм (Музей артиллерии, инженерных фойск и войск связи, архив Инженерного отд., № 23/410/11-282). Выносные батареи у островов залива хорошо известны по архивным документам. Северный фарватер вблизи крепости функционировал еще в начале XX в. Побережье и острова в его окрестностях были довольно плотно заселены. Основная связь с Выборгом, как и в настоящее время, осуществлялась по воде, поэтому не удивительна находка на северном фарватере парусно-моторного судна, затонувшего в начале XX в.

Третий этап обследования Выборгского залива, начавшийся в 1988 г., направлен на выявление подводных историко-археологических объектов в юго-западной части акватории, непосредственно выходящей в открытое море (рис. 1). Эта обширная территория простирается от Березовых островов до восточной оконечности финских шхер. На протяжении только XVIII в. в этих водах происходили важные исторические события, материальные свидетельства которых — корабли, затонувшие в разное время и в разных пунктах — сейчас покоятся на дне.

Проведенная систематизация архивных материалов России, Швеции и Финляндии, позволила выявить ряд новых потенциальных объектов исследования. Часть из них относится к российско-шведской военной кампании 1788-1790 гг. По замыслу Густава III возврат восточных земель должен был совершиться в 1790 г. План был прост: шведские порты освобождаются от льда раньше русских, поэтому есть возможность уничтожить превосходящими силами линейного и гребного флота русские эскадры, разбросанные по базам Ревеля, Фридрихсгамма, Выборга и Кронштадта. Одновременно армия начинает наступление в Карелии а гребной флот высаживает десант для взятия Петербурга в Кронштадском заливе; в российской столице Густав III предполагал продиктовать условия мира.

Первый удар был нанесен по зимовавшей в Ревеле эскадре адмирала В.Я. Чичагова, насчитывавшей 10 линейных кораблей и 6 фрегатов. 2 мая шведский флот из 22 линейных кораблей и 12 фрегатов под командованием брата короля, герцога Карла Зюдерманландского атаковал русскую эскад-

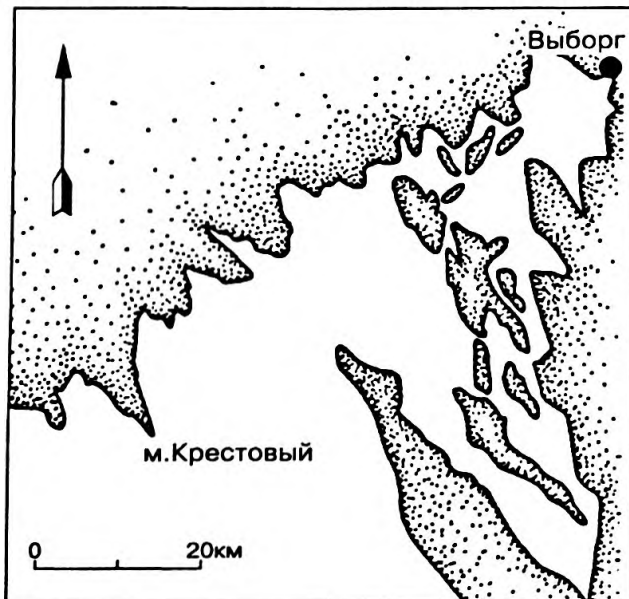
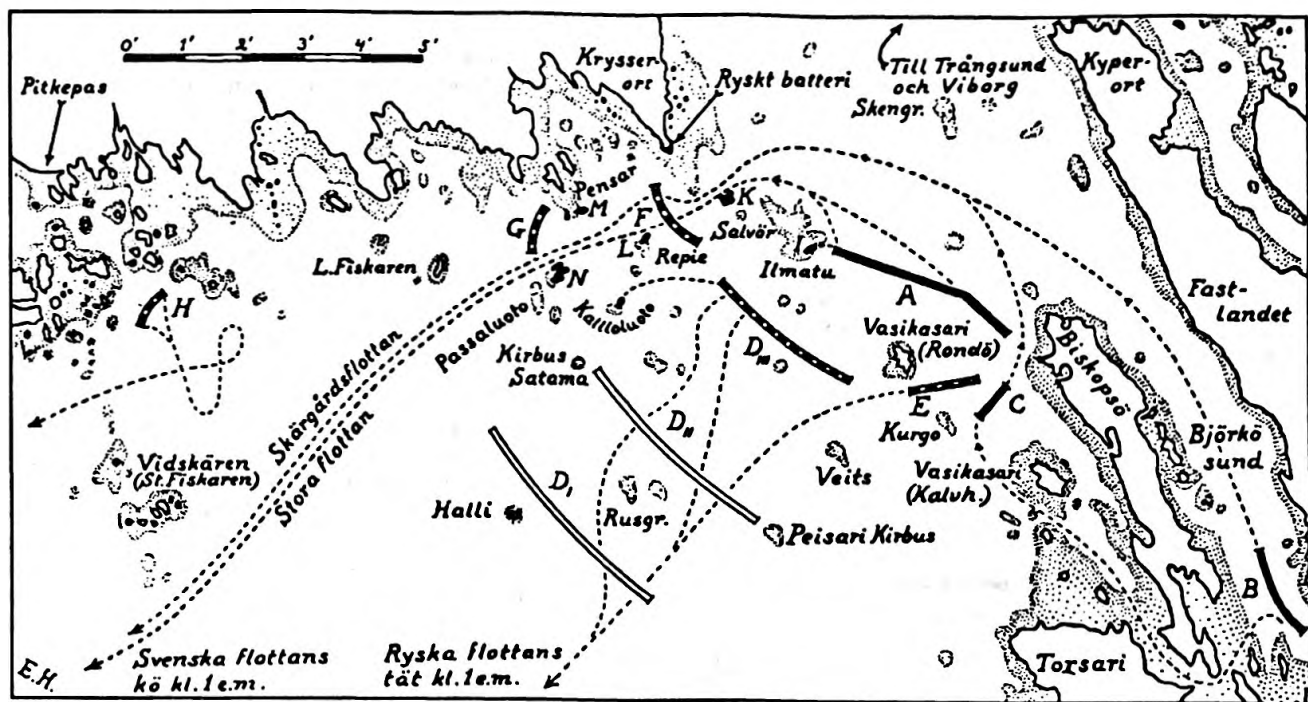


Рис. 1. Схема Выборгского залива



- | | | |
|---|---|--|
| <i>A</i> = svenska örlogsflootan 6.6--3.7. | <i>D_{III}</i> = ryska örlogsflootan 20.6--3.7. | <i>I</i> = skeppet Finland på grund. |
| <i>B</i> = sv. skärgårdsflootans huvudstyrka 29.6--3.7. | <i>E</i> = rysk postering om 4 skepp och 1 freg. | <i>K</i> = sk. Enigheten och freg. Zemire i brand. |
| <i>C</i> = Törnings kanonslupsbataljonen natten 2--3.7. | <i>F</i> = rysk postering om 5 skepp och 1 freg. | <i>L</i> = skeppet Hedv. El. Charlotta på grund. |
| <i>D_I</i> = ryska örlogsflootan 7--9.6. | <i>G</i> = rysk postering om 5 fregatter. | <i>M</i> = skeppet Ömheten på grund. |
| <i>D_{II}</i> = ryska örlogsflootan 9--20.6. | <i>H</i> = rysk postering om 3 fregatter. | <i>N</i> = sk. Lov. Ulrika och 2 freg. på grund. |

Рис.2. Положение русского и шведского флотов перед сражением 3 июля 1790 г. Путь отступления шведского флота. Места гибели судов. Сводный план А.Янсона

ру, стоявшую на якоре, но был отбит с потерями. Почти одновременно, 4 мая, сам Густав III с гребным флотом в 100 судов разгромил на Фридрихсгамском рейде русскую гребную флотилию (63 вымпела) под командованием капитана первого ранга П.Слизова. Уцелевшие русские суда были блокированы в Фридрихсгамской гавани.

Поскольку на первом этапе кампании задача по разгрому линейных сил русского флота не была выполнена, Густав III решил форсировать события ради главной цели — захвата российской столицы: линейному флоту было приказано не возобновлять атаки В.Я.Чичагова, а идти к Кронштадту, чтобы нейтрализовать главные силы русского флота и прикрыть высадку десанта. Под Красной горкой шведский флот был встречен эскадрой из 17 линейных кораблей и 8 фрегатов адмирала А.М.Круза. Попытка шведов разбить эти силы до подхода кораблей из под Ревеля не увенчалась успехом: в сражении 23-24 мая, не отмеченном сколь-нибудь значительными потерями кораблей, потерпела крах сама идея морской атаки устья Невы. Остался второй вариант — атака с суши. Но для этого шведам нужно было взять Выборг.

Король отдал приказ эскадре герцога Карла отойти в Выборгский залив. Там в это время были сосредоточены основные силы гребного флота и десанта. Король был уверен, что взятие Выборга переорезет основную коммуникацию русских и вынудит их к отступлению (Harris, Chapman 1989: 139-146). Согласно этого плана, сухопутный десант из района Выборгского залива должен был двинуться на Пе-

тербург. Положение было очень серьезным: шведы сосредоточили в районе Выборга до 400 военных и транспортных судов, несших до 3 тыс. орудий, 40 тыс. членов команды, из которых 15 тыс. могли быть использованы в сухопутной операции. Русское правительство было обеспокоено: императрица Екатерина II не исключала возможности эвакуации двора.

За время нахождения в Выборгском заливе шведы предприняли ряд попыток прорваться к крепости и уничтожить зимовавшую там русскую эскадру, но эти попытки не увенчались успехом. Положение шведского флота с каждым днем ухудшалось: блокирующая его эскадра адмирала Чичагова постоянно получала новые подкрепления и готовилась к решающей атаке (Edwards 1969: 283-286). Наконец, в результате трехдневного совещания высшие шведские офицеры убедили короля в необходимости покинуть залив. Было решено прорываться через северный проход в направлении финских шхер. Впереди должен был идти линейный флот, часть гребного была должна прикрывать отступление. Ожидали только попутного ветра (SFH; Нормборг: 1945: 346-360).

Для уяснения дальнейшего хода событий необходимо рассмотреть положение противоборствующих флотов (рис.2). Главные русские силы под командой Чичагова, состоявшие из 18 линейных кораблей и 10 фрегатов, блокировали главный выход из Выборгского залива, находясь примерно в трех милях от линии шведского флота. Отдельные отряды русских кораблей занимали следующие пози-

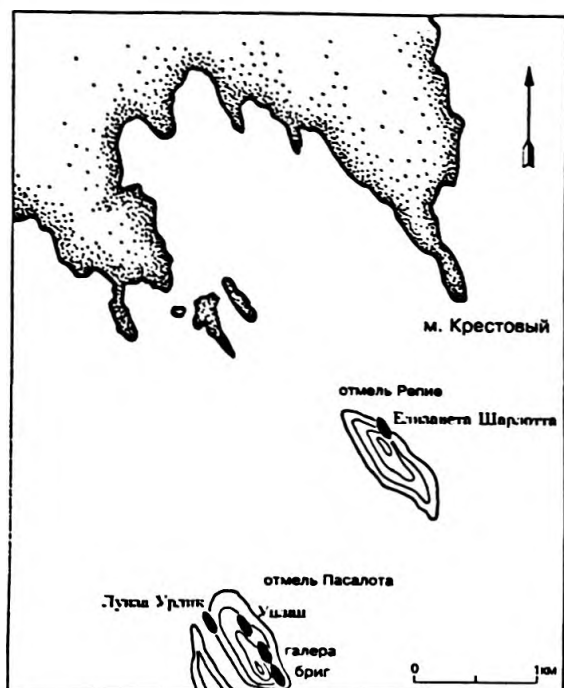


Рис. 3. Схема расположения затонувших кораблей на отмелях Репие и Пасалота по карте из приложения к письму И.Пушина (ЦГА ВМФ, ф.172, оп.1, д.352, л.351)

ции: отряд контр-адмирала Л.А.Повалишина (5 линейных кораблей и бомбардирское судно) прикрывал северный фарватер у мыса Крюйсер-Орт; западнее, у острова Пенсор располагался отряд контр-адмирала П.И.Ханыкова (5 фрегатов), который должен был прикрывать от шведских гребных судов вход в финские шхеры; отряд генерал-майора П.Лежнева (линейный корабль, фрегат, 3 бомбардирских корабля и 2 брандера) занимал юго-восточный проход; отряд капитана первого ранга Р.В.Кроуна (2 фрегата, 2 катера) был выдвинут на запад, к шхерам вблизи острова Питкопас, от северного отряда его отделяло почти 12 миль. Гребной флот, приведенный незадолго до этого из Кронштадта вице-адмиралом русской службы, принцем Нассау-Зигельном, стоял на якоре в бухте Умайока и закрывал шведам выход из Бьёрке-Зунда. Зимовавшие в Выборге гребные суда занимали позицию в Транзунде.

Основные силы шведского флота (21 линейный корабль и 10 фрегатов) располагались между банкой Пухкови и северной оконечностью острова Пенсор; небольшой отряд (4 линейных корабля) стоял против Повалишина у мыса Крюйсер-Орт; часть шведского гребного флота была сосредоточена против Транзунда, другая часть — в Бьёрке-Зунде; отряд полковника Кроншtedта (40 гребных судов) был послан с запада к острову Питкопас и должен был соединиться с главными силами.

Р.В.Кроун имел несколько столкновений с кораблями Кроншtedта, и в результате этих столкновений попытки шведов прорваться в Выборгский залив на соединение с основными силами были пресечены. У острова Питкопас в общей сложности затонуло и было сожжено 12 шведских кораблей. Это были, в основном, одномачтовые канонерские лодки и мелкие транспортные суда. Определить

место их гибели можно лишь приблизительно. С наибольшей вероятностью можно указать только район последнего столкновения: 20 июня шведы атаковали русский отряд со стороны материка, левый фланг их боевой линии, по всей вероятности, примыкал к западной оконечности о.Питкопас. В ходе боя 6 шведских канонерских лодок были так сильно повреждены, что Кроншtedт, начав отступление, приказал поджечь их. Дувший во время боя северо-западный ветер мог отнести горящие суда только на мели о.Питкопас, где суда и затонули. По словам самого Кроуна, при отступлении шведов два их судна напоролось на мель между островами Вахко и Коувен, причем одно досталось русским в качестве трофея, а другое затонуло. Необходимо отметить, что шведы стремились выйти из опасной ситуации как можно скорее, и их суда должны были держаться более западного курса, то есть — ближе к острову Вахко, где, вероятно, и произошла катастрофа.

Как отмечалось, шведский флот удерживался в заливе только противным ветром, и, по странному совпадению, благоприятная для прорыва погода совпала с началом русской атаки. Первой в ночь на 22 июня выступила русская гребная флотилия принца Нассау-Зигена: в ее задачу входило вытеснение шведов из Бьёрке-Зунда и проникновение в тыл королевскому линейному флоту. Бой произошел в самом узком месте Бьёрке-Зунда, между мысами Вирта и Коки. Ширина прохода здесь не превышала 1 км. Бой начали русские канонерские лодки, шхуны и плавучие батареи. Крупные артиллерийские суда Нассау-Зигена бездействовали, встав на якорь между островом Равин и материком. Спустя 15 минут после начала сражения шведская бомба попала в русскую шхуну "Слон", и судно взлетело на воздух вместе с экипажем. Эта трагедия произошла на левом фланге русской линии, где был атакован отряд из шхун. В этом месте русский фланг примыкал к мелям острова Равин. Если попытаться точнее определить место гибели шхуны, то наиболее вероятным можно считать район к северо-западу от острова, приблизительно в 600-700 м от его оконечности.

В русских рапортах упоминается также и о гибели шведских судов. Однако в определении потерь имеются существенные расхождения: в отчете лейтенанта И.Епанчина, командира полупрама "Лев", говорится, что "с неприятельской стороны рвало и горело 4 канонерские лодки и батарея 1", в то время как Нассау-Зиген в своем донесении пишет о взрыве лишь двух "крупных судов". Два взрыва отмечают и другие капитаны судов, принимавших участие в сражении. Кроме констатации гибели шведских кораблей источники не дают никакой информации, но можно предположить, что взрывы произошли на правом фланге шведской линии, ближе к о.Бьёрке, поскольку именно против правого фланга действовали русские бомбардирские суда. Есть основание утверждать, что гибель шведских судов произошла до того, как шведская линия, теснимая русскими канонерскими лодками, начала медленно отходить за остров Мандарла, глубже в Бьёрке-Зунд.

Если бы 23 июня ветер не переменялся на благоприятный для шведов, то судьба, наверное, была бы еще менее благосклонна к шведскому королю. Рано утром королевский линейный флот

поднял паруса и стал строиться в колонну для прорыва через русскую линию. Гребной флот и транспорты с пехотой собрались вместе и расположились по правому борту линейных кораблей. Колонна обрушилась на отряд Повалишина: шведы огибали его левый фланг, поражая русские суда продольными залпами. Гребная флотилия, пользуясь небольшой осадкой, держалась ближе к берегу. В этом месте бой был самым жестоким. Когда шведская колонна почти вся прошла русскую линию, "под прикрытием жесткой с корабля и одного фрегата неприятельской пальбы зажжены были три брандера, и ближний из них приблизился к кораблю "Святой Петр", сцепился со своим кораблем и фрегатом, в самой скорости они объались пламенем; (Повалишин — В.Т.) тотчас употребляя все возможности, обрубил канат, отошел в некоторую от них безопасность, и потом в море означенный неприятельский корабль взорвало без всякого вреда для "Святого Петра", — так описывал события Повалишин, находившийся на своем флагмане "Святой Петр" в центре русской линии. Из этого описания следует, что взрыв произошел недалеко от якорной стоянки русского флагмана. Нет сомнений, что подоженные собственным брандером шведский линейный корабль и фрегат погибли, не успев эвакуировать экипаж, вооружение и судовое хозяйство.

Сравнивая все известные планы сражения, можно установить, что центр русской позиции находился почти посредине условной линии, проходящей через южную оконечность мыса Крюйсерт-Орт и середину расположенной напротив отмели (ЦГА ВМФ, ф.172, оп.1, д.350, 366; ф.200, оп.1, д.188; ф.225, оп.1, д.1897). При водолажном поиске в этом месте найдены куски корабельного борта. Приборная разведка показала также несколько объектов, идентификация которых предстоит в ближайшем будущем. Отметим, что погибшие суда — это линейный 74-пушечный корабль "Гениг Гейтен", 40-пушечный фрегат "Земира" и русский брандер "Касатка", захваченный шведами 15 июня. Два других шведских брандера (один — переделанный из 24-пушечного фрегата "Почтальон", второй — двухмачтовое судно с вооружением брига) не нанесли вреда русской линии: вовремя подошедшие шлюпки с линейного корабля "Пантелеймон" отбуксировали их на мель у восточного берега о. Ори.

После прорыва через линию Повалишина шведы неминуемо должны были встретиться с фрегатами Ханыкова. Чтобы как-то миновать этой встречи, шведские корабли старались держаться южнее. Дым сражения ухудшал видимость, и передовые шведские суда стали сбиваться с пути, что

грозило им опасностью сесть на банки Репье и Пассалода. Первым сел на северную оконечность мели Репье 64-пушечный линейный корабль "Едвиг-Элизабет-Шарлотта". От полученной пробоины судно стало наполняться водой и крениться на левый борт. Команда избавилась от опасного крена, срубив все мачты, однако вскоре корабль затонул "по верхнюю палубу" (вероятно, при ровном киле); люди были сняты русскими шлюпками и попали в плен. Разыгравшийся после сражения шторм окончательно разбил или передвинул корпус "Шарлотты" в юго-западном направлении, на глубину (рис.3).

Шведские корабли "Эмгейтен", "Луиза-Ульрика", фрегаты "Упланд", "Ярославец", галера, бриг и транспорт по причине той же плохой видимости напоролись на северную оконечность банки Пассалода. Проходивший мимо шведский флот не смог оказать им помощь, поэтому флаги были спущены. "Эмгейтен" и "Ярославец" вскоре после битвы были сняты с мели и достались русским в качестве трофея. Остальные суда — 74-пушечный "Луиза-Ульрика", 44-пушечный "Упланд", бриг "Драгун", галера "Герн-Прейс" и двухмачтовый транспорт — затонули (рис.3). В течение последующих дней контр-адмирал Повалишин начал работы по снятию артиллерии и грузов с погибших судов: эти работы, судя по сохранившимся описаниям, затруднялись тем, что "Луиза-Ульрика" и "Упланд" лежали бортом на грунте, однако большую часть имущества удалось спасти до того, как корабли были окончательно разбиты морем.

Перечисленные аварии не составляли всех потерь шведского королевского флота 22 июня 1790 г. Место гибели других судов можно попытаться установить по сохранившимся документам, но сведения источников, зачастую весьма противоречивы. Так, по крайней мере три судна из гребной флотилии разбились у юго-восточной оконечности острова Пейсор, восемь транспортов и канонерских лодок сгорели и затонули во время боя с отрядами Повалишина и Ханыкова. Любопытно также указание ряда иностранных авторов на гибель в момент прорыва шведской королевской яхты "Аврора": согласно сведениям русских документов, эта яхта вскоре была поднята.

Таким образом, можно констатировать, что только сражение 1790 г. повлекло за собой гибель кораблей разного тоннажа и принадлежности. Безусловно, не следует обольщаться надеждой на то, что все они могут быть найдены. Но проведенные в 1989-1995 гг. приборные исследования и водолазный поиск показали перспективность работ. В ближайшие годы исследования будут продолжены.

Edwards F. 1969. Naval Wars of the Baltic. London.
Jagersköild S. 1990. Svensnsund. Stocholm.
Harris D.-G. Chapman F.H. 1989. The First Naval Architect and his Work. London.

Hornborn G.-H. 1945. Kampfen om sterjn. Stockholm.
SFH — Svenska Flottans Historia, v.2 (1680-1814). Malm, 1942.

* По результатам современных исследований потери шведского флота погибшими, брошенными и пленными кораблями составили: линкоры — 8, тяжелые фрегаты — 2, легкие фрегаты — 1, лихтер — 1, брандеры — 3, медицинские корабли — 5, галеры — 7, яхта — 1, шлюпы — 4, канонерские лодки — 6, баркас — 1, скуттер — 1 (Jagersköild 1990: 66-73).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ И ЗАМЕТКИ

Ю.М. ЛЕСМАН

ХРОНОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДРЕВНОСТЕЙ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (возможности и перспективы разработки)

Надежные хронологические атрибуции — фундамент любого археологического исследования: достоверность и точность датировок определяют в значительной мере состоятельность любых реконструкций прошлого. Различия в процессах формирования комплексов диктуют выделение двух основных и наиболее массовых групп археологических памятников: поселений и могильников. Хронология средневековых поселений на территории Восточной Европы (непосредственно рассматриваемая в статье территория фактически несколько уже, так как не включает Прикамье и Предуралье) традиционно базируется на стратиграфических данных, сообщениях письменных источников, естественнонаучных методах датировки (дендрохронология, C^{14}), находках монет (к сожалению немногочисленных и нерегулярных), а также иных с той или иной степенью надежности датированных предметов. Наиболее надежную хронологию получили хорошо стратифицированные и обеспеченные сериями дендродатированного дерева раскопы в городах. Первый и классический пример — Новгород второй пол. X — XV вв. Однако подавляющее большинство поселений: сельские и значительная часть городских, не имеют столь надежной автономной хронологии. Дендродатированные слои второй пол. I тыс. фиксируются лишь на некоторых участках Рюрикова городища, Псковского Крома и в Ладоге, но и там не опускаются ниже середины VIII в. Рассматривая хронологию погребальных памятников второй пол. I — первой пол. II тыс., приходится констатировать малочисленность стратифицированных могильников, немногочисленность и нестабильность монетных серий (Равдина 1988), единичность дат полученных естественно-научными методами. Попытаемся в этих условиях рассмотреть возможности, пути, и перспективы хронологических разработок.

Традиционно особую роль в разработке хронологии играют так называемые закрытые ком-

плексы — в первую очередь погребения. В последние пол века при разработке хронологии погребальных памятников большой популярностью пользуется методика опирающаяся на систематизацию комплексов исходя из совстречаемости в них вещей разных типов. Методика эта, ставшая популярной после вышедших в начале XX в. работ П. Райнеке (Reinecke 1902), претерпела некоторую эволюцию в своем развитии. Основным направлением совершенствования стало увеличение четкости, а затем и формализация исследовательской процедуры. Обращено было также внимание на исходную поло-возрастную неоднородность систематизируемых комплексов (из последней отечественной литературы наиболее полное изложение см. Проблемы 1991). В общем виде методика может быть определена как сериационная. Основные ее варианты:

1) упорядочение комплексов (или вещей) в виде рядов или деревьев, организованных по степени сходства типологического состава входящих в них находок (при упорядочении вещей по степени сходства состава признаков), последовательность комплексов (или вещей) в таких рядах признается хронологической;

2) корреляционно-комбинаторный метод, суть которого сводится к такому упорядочению двумерной матрицы комплексы — типы (или вещи — признаки), которое обеспечивает максимальную насыщенность диагональной части матрицы, последовательность комплексов (вещей) в такой матрице признается хронологической (аналогичному упорядочению могут подвергаться и матрицы комплексы-комплексы, типы-типы, вещи-вещи или признаки-признаки, заполненные коэффициентами характеризующими соответственно степень близости инвентаря в комплексах, встречаемость типов в комплексах, степень сходства вещей или встречаемость признаков на вещах).

Наиболее интенсивно методика построения хронологии на основе анализа совстречаемости типов вещей в комплексах (преимущественно в варианте корреляционно-комбинаторного метода) в отечественной археологии используется при разработке хронологии памятников римского времени, эпохи переселения народов и начала раннего средневековья (Ефименко 1926; Амброс 1971; Голдина 1979; Генинг 1980; Шукин, Щербак-ова 1986; Проблемы 1991, Богачев 1992 и др.). Формализация метода неизбежно привела к более острой постановке вопроса о логическом его обосновании. В основе метода лежит гипотеза о ведущем, точнее даже подавляющем значении времени как фактора варибельности культуры или, по крайней мере, о возможности без знания хронологии выделить в культуре аспекты, для которых время таким фактором является. Эта гипотеза базируется на предположении о последовательном, равномерном (в рамках структуры общества) и комплексном изменении культуры. Комплексность изменения культуры означает взаимосвязанную смену наборов вещей в живой культуре и, следовательно, в погребальных комплексах, что дает возможность выделять периоды. Каждое из гипотетических предположений требует своего обоснования. Рассмотрим их по порядку.

Последовательное изменение предполагает непрерывное бытование типов, при котором каждый тип появляется, бытует некоторое время, а затем постепенно выходит из употребления. Реальная картина подчас оказывается более сложной. Импортные вещи одного типа нередко поступают волнами, паузы между которыми могут превышать время доживания вещей предыдущей волны. Например, для Новгорода фиксируются разрывы в бытовании самшитовых гребней (приходится на вторую четверть XII – начало XIII вв.) и в бытовании некоторых типов янтарных изделий (XIII в.) вследствие перерыва в поступлении на Русь соответствующего сырья (Колчин 1982: 166, 160-172); однотипные вещи, в том числе и несомненно датирующие, местного производства подчас не имеют непрерывного интервала бытования, так как некоторые, особенно простые формы, могут возникать независимо, а иные могут быть следствием культурного ренессанса или двух и более кратного внешнего влияния. Подобные культурные повторы не исключены и для целых наборов вещей.

Структурная равномерность изменений в культуре является, по-видимому, одним из самых слабых мест гипотезы. Изменения в субкультурах разных социальных и поло-возрастных групп протекают неравномерно (см. напр. Виноградов 1978). Однако дело не ограничивается субкультурами различных групп людей: неравномерность пронизывает и менее автономные аспекты культуры – одежду разных сезонов, праздничную и повседневную одежду и утварь и так далее. Дело усугубляется еще и тем, что культуру мы получаем в виде остатков, преломленных спецификой погребального обряда со свойственной ему определенной автономностью (состав погребального инвентаря мог зависеть, например, от обстоятельств смерти).

Комплексность изменений в культуре не вы-

зывает возражений в общем виде, но ее не следует и переоценивать. Комплексность может охватывать как всю культуру в целом, если касается системообразующих параметров культуры, так и ее части подсистемы, если касается параметров системообразующих лишь для подсистемы, а может и вообще не проявить себя, если параметр не играет никакой системообразующей роли в системе. Априорно оценить системную значимость параметра не зная самой системы мы не можем. С другой стороны, комплексность охватывает не только хронологическую варибельность культуры, что предполагает параллельное изменение целого ряда типов и их наборов по нехронологическим координатам многомерного пространства культуры. Хронологические же изменения и, соответственно, датирующие возможности отдельных типов вещей могут быть вообще никак не связаны с их системной значимостью в культуре. Следовательно периодизация культуры является не основой хронологии, а одним из результатов ее разработки.

И, наконец, главное – широкая варибельность культуры, определяемая целым рядом факторов, одним из которых, но не более чем одним, является время. Попытки сформировать главный фактор неизбежно приводят к потере информации, но не дают никаких гарантий, что этот фактор – время. Некоторые известные нам факторы в процессе исследования можно исключить: поло-возрастное деление, анализируя независимо комплексы разных поло-возрастных групп; локальные различия, рассматривая в отдельности каждый могильник или локальную группу могильников (Бажан, Еременко 1991); определяемые обрядом погребения различия в категориальном составе инвентаря, сконцентрировав анализ на типологических различиях (Федоров-Давыдов 1965). Погребения различающиеся по обряду и богатству сопровождающего инвентаря могут быть также дифференцированы, исходя из предположения, что и типологический состав инвентаря у них может различаться. С точки зрения практической, такая дифференциация в большинстве случаев делает дальнейший анализ нереализуемым, так как число комплексов в группах становится слишком малым. Однако никаких гарантий, что даже внутри этих групп погребений ведущим фактором окажется время, у нас нет.

Изложенные теоретические сомнения в эффективности построения хронологии сериационными методами оставались однако лишь рассуждениями, заставляющими с осторожностью использовать получаемые даты, совершенствовать методику, но не ставили под непосредственное сомнение ни одну из полученных сериационными методами современных хронологических систем (Лесман 1984: 120-122). Памятники, для которых хронологическая система методически последовательно разрабатывалась с помощью сериации, не поддавались детальной независимой датировке. Если же независимые даты уже имелись в достаточном количестве, никому не приходило в голову разрабатывать еще одну параллельную хронологию. Только недавно возможность для достаточно чистого эксперимента появилась. О.И. Богуславским были обработаны корреляционно-

комбинаторным методом вещевые комплексы мужских погребений из курганов Юго-Восточного Приладожья (Богуславский 1991). Комплексы эти относятся в целом к X (возможно с конца IX) — первой половине XIII вв., что позволяет часть из них (начиная с конца X — начала XI в) датировать путем синхронизации с новгородской хронологической шкалой, возможность чего неоднократно обосновывалась (Лесман 1981; 1984) и сейчас не оспаривается (методике этого подхода будет уделено внимание и далее в нашей статье). Мы воспользовались этой счастливой возможностью, проведя датировку по новгородской вещевой шкале комплексов, отнесенных О.И.Богуславским к относительно поздним периодам А1 (после 1070-х), А2 (1020-е — 1070-е), В (980-е — 1020-е), С1 (950-е — 980-е) (рис. 1). Упорядоченная О.И.Богуславским матрица комплексы — типы (хронологические индикаторы) в целом вполне удовлетворяет предъявляемому методом требованию максимальной диагональности матрицы. Само выделение хронологических индикаторов осуществлялось с учетом стратиграфии погребений. Все это позволяет говорить о корректности проделанной работы в рамках выбранной методики. Несколько комплексов, состав которых перепутан, не меняют общей картины.

Синхронизация 90 погребений из курганов Юго-Восточного Приладожья с новгородской шкалой, к сожалению, не позволяет получить очень детальную хронологию из-за относительной бедности инвентаря мужских погребений. Однако 89 погребений удалось датировать с той или иной точностью (см. Приложения 1 и 2). Отсутствие в погребениях совместных находок вещей, относящихся к типам достоверно не сосуществовавшим в Новгороде, еще раз подтверждает правомерность использования новгородской хронологии для датировки курганов Приладожья. Сопоставление результатов датировки (рис. 1) демонстрирует их радикальное расхождение. Дело не только в общем омоложении большинства комплексов, в частности, наиболее поздние комплексы относятся не ранее чем ко второй четверти XIII в. (а не к XII в.). Существеннее то, что только среди 23 достоверных по составу инвентаря комплексов отнесенных к периоду С1 (950-е — 980-е гг.), восемь датируются XII в. (один по-видимому даже второй его половиной), а еще пять временем не ранее конца X в. В то же время в более "поздних" периодах представлены среди прочих погребения как XI в., так и датирующиеся широко "не позже начала XII в. или "не позже XII в.", то есть синхронные и даже более ранние, чем отнесенные к периоду С1. Единственное, что в какой-то мере может говорить о некоторой корреляции тенденций это относительно меньшее число ранних комплексов в "периодах" А1 и А2, наличие в "периоде" А1 нескольких наиболее поздних комплексов, датирующихся XIII в., а также большая доля ранних комплексов в "периоде" С1.

Приходится констатировать, что уже вторая

попытка применить корреляционно-комбинаторный метод для датировки курганов Юго-Восточного Приладожья (Станкевич 1947) не дала ожидаемого результата, впрочем как и более ранняя попытка применить ту же методику к костромским курганам (Третьяков 1931). Каковы же тогда вообще возможности сериационной методики применительно к комплексам? Если сравнивать ее с типологическим методом, то приходится отметить, что она лишена тех достоинств, которые позволяют повысить вероятность хронологической интерпретации результатов типологических разработок: рудиментов (позволяющих, если они надежны, определить направление типологического ряда хотя бы в некоторых его звеньях), перделок вещей в соответствии с новыми требованиями, а также проверки на материалах закрытых комплексов (комплексы из внешнего средства проверки превратились в основу разработки). Корреляционно-комбинаторный подход усугубляет проблему тем, что предлагает рассматривать сложное многомерное соотношение комплексов в проекции на плоскость двумерной матрицы, что неизбежно приводит к потере информации о структуре связей (см. Lesman 1995). Не задумываются даже над тем, что в общем случае оптимизационная задача упорядочения двумерной матрицы, обеспечивающего максимальную насыщенность диагональной ее части, не имеет однозначного решения, и, соответственно, получение однозначного результата возможно лишь в очень редких частных случаях. При анализе матриц подчас не используется даже та информация, которую сохраняет двумерное пространство и, фактически, все сводится к одномерной линейной картине. Ограничусь лишь одним характерным примером. А.А.Богачев, рассматривая полученную им матрицу совстречаемости значений признаков на раннесредневековых пряжках Среднего Поволжья (Богачев 1992:106-127), даже не замечает, что она демонстрирует не линейную последовательность "этапов", а несомненное разветвление: пряжки шестого "этапа" несомненно ближе по набору признаков к пряжкам четвертого, а не пятого "этапа". Единственное несомненное удобство, во многом обеспечившее корреляционно-комбинаторному методу популярность, — это сохранение в итоговых таблицах комплексы-типы или типы-признаки всей исходной информации о составе комплексов. Работоспособен этот метод лишь в тех сугубо частных случаях, когда реализуется лежащее в его основе предположение о том, что состав инвентаря в рассматриваемой группе комплексов изменчив только в хронологическом аспекте, то есть изменяется либо в результате волнообразного поступления импортов и внешних влияний, либо в результате однонаправленного внутреннего развития. Обычно это имеет место, если инвентарь очень беден и ограничивается вещами нескольких категорий при одной ведущей (например, фибулы), причем развитие этой ведущей категории носит линейный характер. Но и в

* Только один редкий в Новгороде (где найдено лишь 10 экз.) тип топоров предположительно датированный 1161-1281 гг. (см. Приложение 2 тип 3) встречен в двух комплексах с более ранними вещами (см. Приложение 1 комплексы 16 и 39) и потому дата его должна быть предварительно расширена до 1116-1281 гг. (о подобных ситуациях см. ниже).

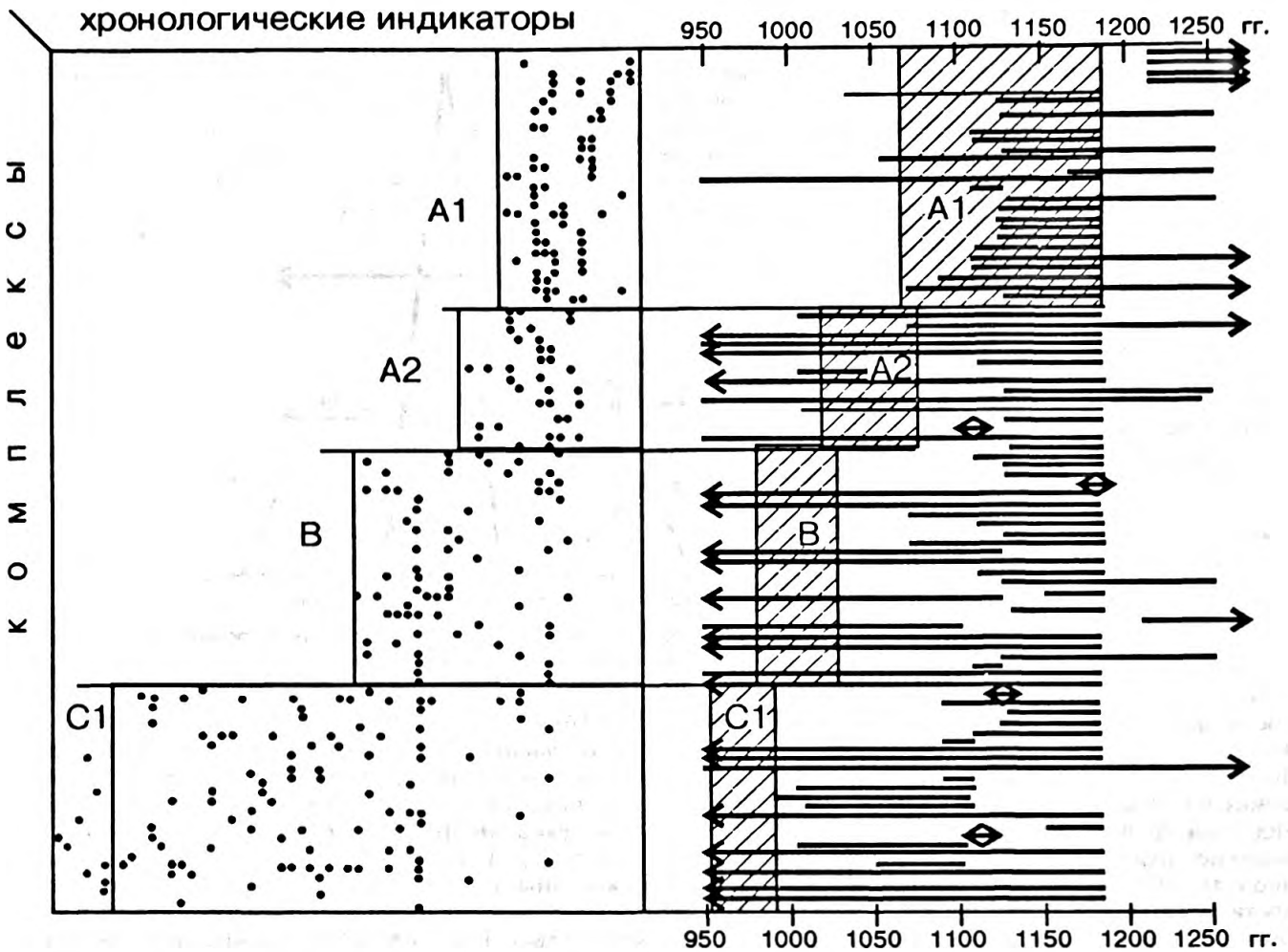


Рис. 1. Слева: совстречаемость типов вещей в мужских погребениях Юго-Восточного Приладожья (по О.И.Богуславскому). Справа: сопоставление дат комплексов по О.И.Богуславскому (A1-C1) и на основе синхронизации с новгородскими ярусами

этой простейшей ситуации необходима независимая проверка, данные для которой, как правило, ограничены. Метод может быть эффективен также в ситуации резкого изменения всего облика культуры, что происходит сравнительно редко. В случае, когда с уверенностью можно говорить о таких резких изменениях (при этом необходимо доказать, что выделенные группы, претендующие на роль периодов, не могли иметь иную, нехронологическую природу), мы с большей долей вероятности можем говорить о хронологической периодизации, хотя рассчитывать на детальную хронологию при этом не приходится.

Возможности другой, реже применяемой разновидности сериационного метода, базирующейся на построении рядов комплексов, упорядоченных по степени близости (см. напр. Каменецкий, Маршак, Шер 1975: 59-68, 122-151), несколько шире. Она позволяет получить граф связи комплексов или групп комплексов, упорядоченных по степени близости типологического состава инвентаря. Если мы имеем при этом независимым образом полученную хронологию, то, датировав все звенья графа, можно проследить развитие наборов погребального инвентаря: сходжение или расхождение разных групп и традиций, степень разнообразия типологических наборов на каждом

этапе и так далее. Иногда для отдельных звеньев такого графа удается получить данные об относительной хронологии с помощью несомненных рудиментов, переделок вещей или использования их для изготовления односторонних глиняных литейных форм. Не реализованной пока для средневековых восточноевропейских материалов остается и путь детальной типологии, выводящей с помощью анализа инструментов древних ремесленников и их индивидуальных технических приемов на построение таких типологических рядов вещей, которые отражали бы индивидуальную преемственность ремесленника и его учеников, и износ, ремонт и постепенную замену используемых ими инструментов (тогда мы имели бы хронологию вещей, построенную на тех же принципах, на которых базируется поштемпельная хронология монет ручной чеканки). Работы по выявлению серий вещей, отлитых в одной литейной форме (Рыбаков 1948: 434-450; Станюкович 1981: 57-64), бесспорно являются важными, но пока единичными шагами в этом направлении. К тому же здесь мы сталкиваемся еще с одной, редко осознаваемой проблемой: соотношение дат изготовления и дат бытования типов вещей.

Однако, как получить столь нужную хронологию? Собственно типологический метод, при ред-

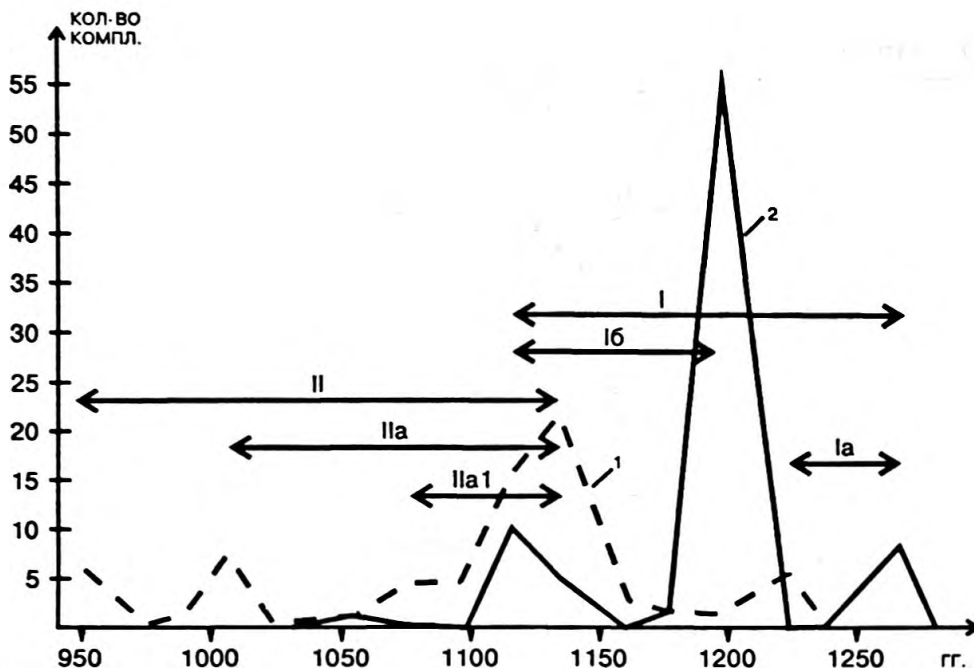


Рис. 2. Распределение нижних (пунктир) и верхних (сплошная линия) дат мужских погребений Юго-Восточного Приладожья и их периодизация (I — IIa1).

кости достоверных рудиментов и переделок в вещи иного типа, при ограниченности сохранившегося материала (что резко снижает шансы массового анализа находок на уровне изучения индивидуального почерка ремесленников) немногим надежнее для разработки хронологии чем сериационный. Не повышает принципиально надежности результатов ни построение параллельных типологических рядов для вещей разных категорий, ни сочетание типологии вещей и сериации комплексов. Как и в случае сериации комплексов, прямая хронологическая интерпретация возможна лишь при выполнении весьма проблематичной предпосылки, что ведущим фактором вариативности культуры является время. Тем не менее, возможности для построения хронологии средневековых памятников лесной зоны Восточной Европы есть, и их немало.

Наиболее благополучно обстоит дело с датировками древнерусских памятников Новгородской земли. Основанная на стратиграфии и дендродатах новгородская хронологическая шкала обеспечена большими сериями находок, охватывающими конец X — первую половину XIV в. Методика разработки хронологии как культурного слоя поселений (комплексов непрерывного формирования), так и погребальных памятников (погребений — комплексов однократного формирования и могильников — комплексов многократного формирования) этого времени на территории Северо-Западной Руси основана на синхронизации их вещевых комплексов с ярусами новгородской стратиграфии (Лесман 1981; он же 1984; он же 1994б). Процедура построения хронологической системы включает ряд этапов.

I этап. Выявление хронологически значимых типов и определение интервалов их представленности в культурном слое Новгорода. Уже сейчас выделено свыше трех сотен таких типов (Колчин 1958; 1959; 1982; Седова 1981; Щапова 1956; Лес-

ман 1984: 134-141; 1989; 1990 и др.).

II этап. Проверка полученной серии дат типов на непротиворечивость в комплексах однократного формирования и в стратифицированных комплексах непрерывного и многократного формирования. При такой проверке особую роль играют типы, предварительно намеченные даты которых не пересекаются. Непротиворечивость применительно к комплексам однократного формирования (погребениям, слоям разрушения поселений, с известными оговорками кладам) означает отсутствие совместных находок таких типов, а применительно к стратифицированным комплексам — отсутствие находок более ранних типов в стратиграфически более поздних слоях (Лесман 1981; он же 1984; он же 1988; Белецкий, Лесман 1979).

III этап. Анализ полученных противоречий. В общем виде противоречия могут иметь технический характер (малочисленность находок, неоправданное исключение из рассмотрения стратиграфически обособленных малочисленных ранних или поздних находок, неравномерность процесса накопления находок на исследованных участках опорного памятника), или объясняться различиями в хронологии опорного памятника и других, привлекаемых для проверки. Различия в хронологии, в свою очередь, могут быть незначительными — применительно к Новгородской хронологии составлять 1-2 яруса (тогда проблема решается таким расширением дат типов, которое снимает противоречия, причем расширение должно охватывать как нижние, так и верхние даты), или существенными, что может в крайней ситуации свидетельствовать вообще о неработоспособности хронологической системы. С другой стороны, различия могут на самом деле касаться лишь верхних дат, если в городе, являющемся опорным памятником, процесс изживания архаичных типов шел быстрее чем на периферии, а

интенсивность контактов с этой периферией была низкой. В случае, когда различия в хронологии касаются лишь отдельных типов, эти типы можно исходить из числа датирующихся. При анализе противоречий существенен учет источников поступления вещей — являются ли они импортами и откуда поступали, производились ли на месте, в частности только на территории опорного памятника или по всему региону. Немаловажную роль играет также долговечность самих вещей и потенциальная возможность их вторичного использования.

Если в результате проверки установлено, что противоречий нет, то хронологически значимые типы можно признать датирующими. Если противоречия есть, то их следует попытаться устранить изменением критериев выделения датирующих типов (в первую очередь требование большей массовости находок вещей для признания типа датирующим) и определения дат (учет немногочисленных находок, стратиграфически обособленных от основной серии и первоначально считавшихся случайно перемещенными в культурном слое; увеличение шага хронологической шкалы, соответствующее понижению точности дат). В Новгородской земле этот этап сопряжен с минимальными уточнениями исходных дат для нескольких немногочисленных или дисперсно распределенных в культурном слое Новгорода типов, в остальном же имеет место непротиворечивая ситуация (Лесман 1988). По ходу реализации II и III этапов формируется серия датированных комплексов (Лесман 1984).

Здесь следует остановиться на некоторой логической путанице, возникшей в связи с вопросом о "широких" и "узких" датах. Совершенно справедливо подчеркивая важность "узких" дат комплексов однократного формирования, М.Б.Шукин вынужден был в порядке противопоставления рассматривать наряду с ними и так называемые "широкие даты", (Шукин 1978), но его ученики уже интерпретируют последние как "время накопления погребального набора вещей" (Бажан, Еременко 1991 с.18). Однако простой и очевидный логический анализ того, что такое дата комплекса вещей, делает бессмысленными само понятие "широких" дат, а следовательно и сопоставляемых с ними "узких" дат. Следует говорить просто о дате формирования комплекса, которая определяется интервалом времени, в течении которого могли сосуществовать все входящие в комплекс вещи (Лесман 1987). Если быть последовательным, то "широкую" дату любого погребения следовало бы расширить по меньшей мере до последних примерно 35 тысяч лет, так как сам покойник тоже является составной частью комплекса и должен датироваться в соответствии с датировкой вида *homo sapiens*.

На основе серии датированных комплексов может быть получена и периодизация рассматриваемой группы памятников или целого региона. Для этого целесообразно проанализировать распределения нижних и верхних дат комплексов. С учетом многомодального, как правило, характера этого распределения, каждый период выделяется как промежуток времени между максимумом нижних дат и ближайшим следующим за ним мак-

симумом верхних дат (Лесман 1981; он же 1982; он же 1984а).

IV этап. Пополнение набора хронологически значимых типов с включением в него типов редких или отсутствующих в Новгороде, но серийно представленных в комплексах однократного формирования, в частности определение дат этих типов (Лесман 1981; он же 1994а; он же 1995); сужение дат датирующих типов, если оно возможно (сужение дат может быть либо локальным — для определенного региона, либо общим для всей Новгородской земли, если неоправданно широкая дата была вызвана перемещениями находок в культурном слое Новгорода или иными причинами и не отражает реальное бытование типа). Сужение даты может осуществляться в том случае, если отсутствуют находки в комплексах, датирующихся промежутком времени, который предполагается исключить из интервала дат. Дата типа определяется с точностью до яруса Неревского раскопа (с точностью до единицы измерения) как дата комплекса непрерывного формирования, то есть соответствует интервалу времени между верхней датой (датой самого позднего яруса бытования) самой ранней находки и нижней датой (датой самого раннего яруса бытования) самой поздней находки. При этом следует учитывать динамику процесса смены типов и специфику формирования комплексов, чтобы исключить неоправданное сужение дат. Распределения верхних и нижних дат всей совокупности анализируемых комплексов (или, при необходимости, дифференцированно мужских и женских погребений) задает ожидаемую вероятность дат находок конкретного типа. Поэтому отсутствие дат, соответствующих минимумам общего распределения, при немногочисленности типа не позволяет определять дату с точностью до яруса, а вынуждает ограничиться границей периода. Например, для тех же выше рассмотренных комплексов из курганов Юго-Восточного Приладожья было построено распределение нижних и верхних дат комплексов (рис. 2). Оно лишь в первом приближении отражает ситуацию, так как О.И.Богуславский, результаты исследования которого анализировались, в соответствии с выбранной методикой подверг обработке только часть комплексов с мужскими погребениями. Распределение позволяет наметить периодизацию поздней (после сер. X в.) группы мужских погребений:

- период I — после 1116 г. (1116-1268 гг.);
- подпериод Ia — 1224-1268 гг.;
- подпериод Ib — 1116-1197 гг.;
- период II — сер X в.-1134 г.;
- подпериод IIa — 1006-1134 гг.;
- подподпериод IIa1 — 1076-1134.

Из распределения дат следует, что при определении дат типов или могильников на основе мужских погребений Приладожья, попытку ограничить верхнюю дату типа 1177 или 1197 гг. из за отсутствия комплексов с нижними датами 1177 и последующими годами следует признать неоправданной, и приходится ограничиваться в этом случае датой начала следующего подпериода, то есть 1224 г.

Вслед за IV этапом следует циклическое повторение процедуры исследования, начиная со II

этапа. Итерационный процесс уточнения дат и расширения списка датирующих типов и датированных комплексов завершается на том шаге, на котором цикл не вносит уже никаких уточнений в даты.

Однако разработка хронологии в соответствии с описанной выше процедурой дает основание утверждать лишь, что полученная хронологическая система отражает относительную хронологию происходивших процессов, так как непротиворечивость получаемой системы не исключает растягивания (сжатия) хронологической шкалы. Определить величину этого растягивания или факт его отсутствия позволяют независимым образом полученные даты комплексов и вещей (связь с историческими событиями, монеты, естественнонаучные датировки), а также анализ вещей поступавших из разных источников, производившихся разными группами ремесленников, по природе своей имеющих разный срок эксплуатации.

Процедура непосредственной синхронизации дает непротиворечивые результаты лишь в рамках Новгородской земли, а находки монет, разнообразных вещей изготовленных в разных регионах ремесленниками разных специальностей, импорты и влияния, появление которых датируется на основе сообщений письменных источников, дают основание утверждать, что абсолютная вещевая хронология Новгорода работоспособна на территории земли с точностью до одного стратиграфического яруса Неревского раскопа (около 20 лет).

Уже выборочный анализ комплексов с территории Смоленской земли, Костромского Поволжья, Эстонии и даже входящей в состав новгородских владений, но в известной мере обособленной Карелии демонстрирует ряд противоречий с новгородской хронологией. Показательный пример — датировка ножей разной конструкции и технологии изготовления. Синхронное Новгороду бытование разных типов ножей очерчивает культурные границы Новгородской земли, а вытеснение ножей с пакетной технологией изготовления происходит тем быстрее, чем слабее на рассматриваемой территории скандинавский вклад в местную культуру (Лесман 1989).

С учетом хронологической и территориальной ограниченности новгородской хронологии остро встают две проблемы:

- 1) вывод хронологических разработок за территориальные границы Новгородской земли;
- 2) вывод хронологических разработок за рамки кон. X–XIV вв.

Работу над расширением территории, охваченной работоспособной хронологической системой целесообразно вести в двух направлениях.

1. Привлечение для создания автономных хронологических систем материалов других поселений (кроме Новгорода), имеющих достаточно хорошую стратиграфию и достаточно точную абсолютную хронологию. К сожалению, в ближайшие десятилетия не приходится рассчитывать на получение большой серии хорошо датированных находок из слоев древнерусских городов вне территории Новгородской земли, но имеются относительно немногочисленные группы дендродатированных ювелирных изделий, бус и других предметов из Смоленска, Торопца, Витебска, Мсти-

славля, Белозера, Твери и некоторых других древнерусских городов, а также городов Прибалтики (Кернаве и др.). Находки с ряда поселений не имеющих дендрохронологии, но обладающих детальной стратиграфией (напр.: Новогрудок; см.: Гуревич 1981; Белецкий Лесман 1984) дают материал для относительной хронологии, которая может получить и абсолютные привязки на базе, в первую очередь, письменных источников.

2. Проверка на непротиворечивость созданной для Новгородской земли хронологической системы и построение дочерних хронологий сначала на материалах соседних земель, а затем и более отдаленных. Работу эту целесообразно проводить дифференцированно не только по регионам, но и по времени. Процедура соответствует вышеописанной в пределах итерационного прохождения II – IV этапов. Предварительный выборочный анализ древнерусских комплексов из разных регионов позволяет предполагать перспективность разработок по второму пути, хотя и точность, и надежность хронологии при этом снизятся, а ряд типов либо перестанут быть датируемыми, либо существенно изменят свои даты (такая судьба постигнет, например, ножи, пластинчатые шитковоконечные браслеты и ряд других типов). Для Прибалтики, где не было безмонетного периода, существенно выше чем на Руси датирующая роль монетных находок, хотя их и не достаточно для построения автономной хронологии. Наряду с древнерусскими датировками вещей здесь, особенно начиная с XIII в., могут привлекаться и западноевропейские материалы, (хотя вещевая хронология для XI и последующих веков разработана в Европе несопоставимо хуже чем на Руси), для Литвы и западнорусских земель также польская хронология, в первую очередь материалы относительно хорошо стратифицированных городов Поморья, а для Юго-Западной Руси XI в. — венгерская.

Наиболее целесообразно при разработке хронологии памятников XI–XIV вв. в лесной зоне Восточной Европы такое сочетание обоих подходов, при котором первый из них вольется во второй на IV этапе (этапе пополнения набора хронологически значимых типов).

Разработка хронологии памятников второй половины I тыс., а также средневековых древностей начиная с середины XIV в. требует расширения методического арсенала. Если хронология середины XIV – середины XV вв. еще может быть получена на основе новгородской стратиграфии (при увеличении по мере новых раскопок числа поздних датирующих типов), то слои последующего времени в Новгороде, как правило, лишены дендрохронологии, а стратиграфия их менее точна и надежна. Здесь можно рассчитывать — помимо редких участков позднего мокрого слоя в Новгороде — с одной стороны, на материалы других городов, сохранивших местами хорошо стратифицированный и дендродатируемый культурный слой XVI–XIX вв. (Ивангород, Псков, Москва, Петербург, Чебоксары, Торопец, Орешек и др.), с другой стороны, на тщательное и стратиграфически дифференцированное изучение сухого культурного слоя XV в. и более позднего времени. Датировки при этом могут базироваться на все воз-

растающих монетных сериях, иных хорошо датированных находках (вплоть до обрывков периодических изданий), а также на известной по письменным источникам истории соответствующих поселений. Существенным подспорьем могут служить датированные изображения вещей (на подписных иконах, парсунах, живописных и скульптурных портретах, надгробных рельефах, миниатюрах путешественников, жанровых и интерьерных картинах XVII — XIX вв. и т.д.). В свою очередь и сами эти изображения, с учетом жанровой специфики и авторской манеры, могут рассматриваться в качестве комплексов однократного формирования. Для позднего средневековья и Нового времени имеется также немалое число вещей имеющих клейма или документально обоснованные даты. Совместный анализ всех этих источников почти не предпринимался, в какой-то мере первыми робкими шагами в этом направлении в отечественной литературе можно считать работу посвященную ювелирным изделиям из коллекции ГИМа (Медведева и др. 1987), а в западноевропейской, где круг источников намного шире (см. Лесман 1994), — каталог средневековых коллекций Лондонского музея (London Museum 1940), а также разработки по поясам XIII-XVI вв. (Fingerlin 1979), некоторые оружейно-технические работы, и исследования по стеклянной посуде (в первую очередь хронологию стеклянных кубков XVII в., выполненную на основе анализа голландской и фламандской живописи; см.: Brongers, Wijnman 1968).

Вторая половина I тыс. н.э. с точки зрения возможностей разработки хронологии распадается на два приблизительно равных по продолжительности этапа, рубежом между которыми служит возникновение староладожского поселения. Для более позднего этапа (сер. VIII — X вв.) датировка ряда типов вещей может опираться на относительно хорошо стратифицированные и обеспеченные дендродатами материалы Ладоги (Давидан 1972; Старая Ладога 1985; Кузьмин Мачинская 1989 и др.), дополняемые с конца IX в. некоторыми комплексами Рюрикова Городища (Носов 1990 с. 37-89), а с середины X в. нижними слоями Новгорода, материалы из которых в последние годы существенно увеличились благодаря Троицкому раскопу. Некоторые стратифицированные, а подчас и дендродатированные материалы дают также раскопки Псковского Крома. Дендрохронология киевского Подола (Сагайдак 1981) остается пока недостаточно надежной. К сожалению, изделия из металла в слоях VIII-X вв. немногочисленны, наборы типов бус меняются медленно (Львова 1968; Рябинин 1982), хотя и дают некоторые несомненно важные хронологические реперы (Богуславский 1991а). Остальные поселения второй половины I тыс. пока не имеют ни надежной хронологии, ни достаточно дробной достоверной стратиграфии. Случаи хорошей сохранности поддающегося дендрохронологической датировке дерева в погребальных памятниках единичны (Плакун, Гнездово). Для третьей четверти I тыс. ни стратиграфия поселений, ни дендрохронология пока надежных хронологических реперов не дают.

Погребальные памятники второй половины I

тыс. имеют некоторые внутренние резервы для построения относительной хронологии благодаря стратиграфии курганов: длинных для VI — X вв., сопков для VIII-X, отчасти XI вв., курганов Юго-Восточного Приладожья для конца IX — XI вв. и, в меньшей мере для курганов других культур. При этом существенна не только внутренняя стратиграфия самих насыпей (насыпи часто сооружались хотя и в несколько этапов, но в течении сравнительно непродолжительного интервала времени), но и стратиграфическая связь соседних насыпей, фиксируемая чаще всего соотношением ровиков. Некоторым подспорьем могут служить монетные находки в погребальных комплексах, а также денежно-вещевые клады. Однако, даже в совокупности, всех этих материалов недостаточно для построения надежной и детальной хронологии древностей второй половины I тыс.

Однако внутренние восточноевропейские резервы разработки хронологии древностей лесной зоны для второй пол. I тыс. не исчерпываются вышеперечисленными. Достаточно массовую и достаточно надежную опору для хронологии, хотя и применимую в большинстве случаев лишь ко вновь раскапываемым памятникам, могут составить даты полученные естественнонаучными методами: в первую очередь радиоуглеродным, но также археомагнитным и термолюминисцентным. Учитывая господство обряда трупосожжения, а также многочисленные находки угля на поселениях радиоуглеродный метод позволяет получить большие серии определений, что в значительной мере компенсирует невысокую точность индивидуальных дат. Принципиально важность при этом имеет калибровка шкалы C^{14} для I тыс., учитывающая нелинейную и даже многомодальную зависимость содержания радиоактивного углерода от возраста образца, что допускает в целом ряде случаев не одну, а две или даже три возможных радиоуглеродных даты (Попов, Свеженцев, Зайцева 1991; Попов, Свеженцев, Зайцева 1991а; Попов, Зайцева 1994; Stoiver, Becker 1986: 863-910). Возможности построения хронологической шкалы на основе радиоуглеродных дат прекрасно демонстрирует опыт датировки могильников от римского времени до эпохи викингов с острова Лово на оз. Мелор в Швеции (Petre Bo 1984). Принципиально важные результаты можно ожидать и от термолюминисцентного метода, широкое внедрение которого применительно к керамике как из старых, так и из новых раскопок, в том числе и к подъемному материалу, позволит пусть не очень точно, но датировать поселения, имеющие на сегодняшний день лишь сугубо ориентировочные хронологические привязки (чаще всего с точностью до даты археологической культуры).

Сочетание всех вышеохарактеризованных подходов дает надежду на создание для некоторых регионов лесной зоны Восточной Европы автономных достаточно детальных хронологических шкал. В большей степени эта надежда оправдана для последней четверти I тыс., в меньшей — для третьей четверти. Однако, помимо перспектив создания автономной хронологии не менее эффективным может оказаться использование хронологических шкал, разработанных для других территорий (на основе монетных серий, стратиграфии, увязки с известными по письменным источникам

историческими событиями и т.д.), конечно, с учетом степени надежности самих этих шкал и их различий для разных регионов. Такие опорные шкалы должны выдержать проверку на непротиворечивость в восточноевропейских комплексах, аналогичную вышеописанной (этапы II-III). К сожалению, бедность инвентаря погребальных памятников VI-IX вв. во внутренних регионах лесной зоны Восточной Европы не позволяет эффективно осуществлять подобную проверку, отталкиваясь от центральноевропейской, причерноморской и других шкал. Прямой перенос дат отдельных типов (примером такого априорного переноса может служить, в частности, попытка датировки В-образных рифленых пряжек из длинных курганов на основе центральноевропейских и, в меньшей мере, причерноморских аналогий — Бажан, Каргопольцев 1986; они же 1989) недостаточен, и в силу различия хронологических систем может привести к существенным ошибкам. Расхождения, в частности, старолadoжской и аварской среднедунайской хронологии применительно к ювелирным изделиям круга смоленских длинных курганов недавно продемонстрировано А.Д.Мачинской (Мачинская 1990).

Опасность ошибок связанных с межрегиональным переносом дат можно несколько сократить, если предварительно осуществить проверку на непротиворечивость (и, соответственно, разработать хронологию) сначала для более богатых вещевыми находками регионов Восточной Европы: Прибалтики, Среднего Поволжья, Прикамья. Процедура проверки соответствует вышеописанной для памятников XI-XIV вв., то есть включает и проверку на непротиворечивость местным хронологическим реперам. Если построение хронологии на основе уже разработанных шкал окажется возможным для соседних регионов, можно на-

деяться на сравнительно небольшие ошибки при переносе хронологии во внутренние районы лесной зоны Восточной Европы.

Для IX-X вв. наиболее разработанной является скандинавская хронологическая шкала, в целом выдержавшая проверку и временем, и новыми данными, и новыми методами (что не исключает необходимости учета ряда внесенных в последние годы поправок). Проверка применимости скандинавской хронологии эпохи викингов на территории Восточной Европы в целом и отдельных ее регионов в частности, к сожалению до сих пор не предпринималась, хотя дискуссия вокруг этой темы тянется уже четверть века (Дедюхина 1967; Авдусин 1967; Булкин, Назаренко 1971 и др.). Определенные расхождения в датах по крайней мере некоторых типов вещей несомненно имеются (Седова 1981 с.84; Богуславский, Яблоник 1987; Авдусин, Пушкина 1989), поэтому как априорный перенос скандинавских датировок, так и немотивированное омоложение дат, исходящее из не менее априорного предположения об обязательном запаздывании восточноевропейских находок не ведет к получению надежной хронологии (Stalsberg 1981).

Комплексная реализация предлагаемых путей построения хронологии средневековых древностей позволила бы уже к концу нашего — началу следующего века выйти на качественно новый уровень изученности материальной культуры лесной зоны Восточной Европы. Без проведения же намеченного или аналогичного комплекса исследований, то есть без построения надежной и достаточно точной хронологии все наши культурно-исторические построения неизбежно останутся в лучшем случае более или менее вероятными гипотезами, а в большинстве случаев, к сожалению, лишь достаточно вольными предположениями.

- Авдусин Д.А. 1967. О датировке гнездовского кургана с мечем из раскопок М.Ф.Кусцинского // Культура и искусство Древней Руси. Л.
- Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. 1989 — Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города. М.
- Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА N 2; N 3.
- Бажан И.А., Еременко В.Е. 1991. Некоторые аспекты исследования могильников по методу П.Рейнеке // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. Л.
- Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю. 1986. Хронология В-образных рифленых пряжек в Европе (к проблеме нижней датировки длинных курганов) // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар.
1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА №198.
- Белецкий С.В., Лесман Ю.М. 1979. Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии // СА N 1.
1984. Рец.: Гуревич Ф.Д. Древний Новогрудок. Л. 1981 // СА N 4.
- Богачев А.В. 1992. Процедурно-методологические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV-VIII вв. Среднего Поволжья. Самара.
- Богуславский О.И. 1991. К хронологии юго-восточного Приладожья IX-XII вв. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л.
- 1991а. Южное Приладожье во второй половине I — начале II тысячелетия н.э. (опыт историко-культурной периодизации). Дисс... канд. ист. наук. Л.
- Богуславский О.И., Яблоник Д.Л. 1987. Ранние скандинавские находки в юго-восточном Приладожье в контексте синхронных скандинавских импортов // История и археология Новгорода и Новгородской земли. Новгород.
- Булкин В.А., Назаренко В.А. 1971. О нижней дате Гнездовского могильника // КСИА № 125.
- Виноградов А.В. 1979. Социальная норма и ее отражение в материальной культуре // Типы в культуре Л.
- Генинг В.Ф. 1980. Заселение и этническая принадлежность населения Чепцы в I тыс. н.э. (по материалам Варнинского могильника) // Новый памятник поморской культуры. Ижевск.
- Голдина Р.Д. 1979. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА № 158.
- Гуревич Ф.Д. 1981. Древний Новогрудок. Л.
- Давидан О.И. 1976. Стратиграфия нижнего слоя Старолadoжского городища и вопросы датировки // АСГЭ, № 17.
- Дедюхина В.С. 1967. Фибулы скандинавского типа // Тр. ГИМ, № 43.

- Ефименко П. П.* 1926. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 1. Л.
- Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* 1975. Анализ археологических источников. М.
- Калчин Б. А.* 1958. Хронология новгородских древностей // СА N 1.
1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА, № 65.
1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д.* 1989. Ладога и ее округа в VIII – X вв. (этапы становления северного раннесредневекового города) // XI Всесоюзная конференция по изучению экономики, истории, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М.
- Львова З. А.* 1968. Стекланные бусы Старой Ладоги // АСГЭ, № 10.
- Лесман Ю. М.* 1981. К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада // КСИА № 166.
1982. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое изучение Новгородской земли. Л.
- 1984а. Хронологическая периодизация древнерусских погребальных памятников Северо-Восточного Причудья // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
1987. Датировка комплексов однократного формирования (вероятностный подход) // Комплексные методы в исторических исследованиях. М.
1988. Погребальные памятники Северо-Запада Новгородской земли и Новгород XI-XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
1989. К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI-XIV вв. // Новгород и Новгородская земля. Вып. 2. Новгород.
- 1989а. К динамике изживания северо-европейских традиций в материальной культуре Руси XI-XIV вв. (железные ножи) // XI Всесоюзная конференция по изучению экономики, истории, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М.
1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X-XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.
1991. Этюд об украшениях // Клейн Л. С. Археологическая типология. Л. 1991.
1994. Фигуративные изображения XI-XIV вв. как источник для изучения хронологии украшений балтийско-североморского региона // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. М.
- 1994а. Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей. // Новгородские археологические чтения. Новгород.
- 1994б. К хронологии городища Савкина горка // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб.
1995. Древнерусские браслеты с выпукло-вогнутыми валиками // Сообщения ГЭ, № 56.
- Мачинская А. Д.* 1990. Ладога и культура смоленских длинных курганов: проблемы хронологии // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 3. Новгород.
- Медведева и др.* 1987 – Медведева Г., Платонова Н., Постникова-Лосева М., Смородинова Г., Троепольская Н. Русские ювелирные украшения XVI-XX вв. из собрания Государственного Исторического музея. М.
- Носов Е. Н.* 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Попов С. Г., Зайцева Г. И.* 1994. Ранние этапы заселения Новгородской округи и нижние ярусы Новгорода по данным радиоуглеродного анализа. // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.
- Попов С. Г., Свежнецов Ю. С., Зайцева Г. И.* 1991. Радиоуглерод и дендрохронология как система абсолютного датирования Новгорода и археологических памятников Новгородской земли. // Материалы по археологии Новгородской земли 1990. М.
- 1991а. Радиоуглеродная и абсолютная хронология археологических памятников Северо-Запада России. // Геохронологические и изотопно-геохимические исследования в четвертичной геологии и археологии. Вильнюс.
- Проблемы* 1991. Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. Л.
- Равдина Т. В.* 1988. Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. М.
- Рыбаков Б. А.* 1948. Ремесло Древней Руси. М.
- Рябинин Е. А.* 1982. Бусы Старой Ладоги // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
- Сагайдак М. А.* 1981. Дендрохронология Древнего Киева // Новое в археологии Киева. Киев.
- Седова М. В.* 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М.
- Станкевич Я. В.* 1947. Хронологическая классификация погребений Юго-Восточного Приладожья // КСИ-ИМК № XIV.
- Станюкович А. К.* 1981. Об одном редком типе древнерусских украшений (трефовидные подвески) // СА N 1.
- Старая Ладога* 1985. Старая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Третьяков П. Н.* 1931. Костромские курганы // ИГАИМК Т. X. Вып. 6-7.
- Федоров-Давыдов Г. А.* 1965. О датировке типов вещей по погребальным комплексам // СА N 3.
- Щапова Ю. Л.* 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА 55.
- Шукин М. Б.* 1978. О датировках узких и датировках широких // Проблемы археологии. Л.
- Шукин М. Б., Щербаклова Е. А.* 1986. К хронологии могильника Данчены // Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н.э. Кишинев.
- Brougers J. A., Wijnman H. F.* 1968. Chronological classification of roemers with the help of 17th century paintings in the Low Countries // Rotterdam Papers. Rotterdam.
- Fingerlin I.* 1971. Gurtel des hohen und späten Mittelalters. Berlin.
- Lesman Y.* 1995. Seriation chronology (illusion and reality). // PACT. In. pr.
- London Museum* 1940. London Museum. Medieval Catalogue. London. (Repr. – 1967).
- Petre Bo.* 1984. Arkeologiska undersökningar pa Lovo. Del. 2-4 // Acta Universitatis. Studies in North European Archaeology V. 8-10.
- Reinecke P.* 1902. Zur Kenntniss der La Tene Denkmaler der Zone nordwärts der Alpen // Festschrift der Rovisch Germanische Zentralmuseum zu Mainz.
- Stalsberg A.* 1981. Zu Datierungen der fruher wikingerzeitliche Funde skandinavischer Herkonftin der alten Rus' // Les Paus du Nord et Buzance & Uppsala.
- Stoiver M., Becker B.* 1986. High-Precision Decadal Calibration of the Radiocarbon Time Scale, AD 1950 – 2500 BC // Radiocarbon. New-Haven. V.28. N. 2b.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Хронология мужских погребений юго-восточного Приладожья, отнесенных О.И.Богуславским к периодам А1, А2, В, С1. Сокращения:
Б - Н.Е.Бранденбург, Бг - О.И.Богуславский, Е - О.Европеус, Кл - В.А.Кольчатов, Кч - С.И.Кочкуркина, Кр - Крупейченко, Л - А.Е.Линевский, Н - В.А.Назаренко, Р - В.И.Равдоникас.

№	Могильник	Комплекс по Бг	Комплекс по автору раскопок	Датирующие типы	Дата
1	Кяргино-Круглицы	3-1	Л3-2	4,33,34,54,55;под погр.с 42	1224-1299
2	Кяргино-Гарняки	4-1		4,12	1224-1369
3	Кяргино-Круглицы	1-1		4,29	1224-1382
4	Карлуха	32-1		4,14	после 1224
5	Кирилино	93-1	Б93-3	9,20,мон.:1034-1055,1039-1056	1039-1197
6	Каменка	6-2	Р6-3	2,9?,13	1134-1197
7	Шипняк	3-5	Кч3-2	2,13,14,30	1134-1268
8	Подбережье	122-1		1,9,20	1134-1197
9	Кяргино-Гарняки	1-1		1,14	1116-1197
10	Кузнецы-Чалых	1-2		1,14	1116-1197
11	Мергино	14-1		2,14,мон.:1059-1071,1134-1268	1134-1268
12	Нововесь	25-1	Б25-1+2+3	1,9,20,мон.:1059-1086,1059-1197	1059-1197
13	Видлицы	2-3	Р2-26	2,30;синхр.погр.с 26,29,37,50,55	1177-1268
14	Нов. Деревня II	32-1		1,20	сер.Х в.-1197
15	Рабола	4-2		3,12;синхр.погр.с 60,65,67	1116-1134
16	Сязнига IV	47-2	Б47-3	2,40,48,мон.:1037-1054	1134-1268
17	Видлицы	4-1		9,13,30,32,34	1134-1197
18	Видлицы	5-1		1,27,29,33	1134-1197
19	Сязнига IV	47-1		1,13,мон.:1027-1054	1134-1197
20	Сязнига II	2-3		2,9,14,20	1134-1197
21	Шахново	118-1		1,14	1116-1197
22	Середка	113-1		13/14	после 1116
23	Муратово	4-1	Р2-2	1,14	1116-1197
24	Нов. Деревня II	29-1		1,18,36,41,мон.:1059-1086 978-1016	1096-1197
25	Кузнецы-Чалых	1-1		12	1076-1369
26	Подбережье	122-2		2,9,13/14,24	1134-1197
27	Красная Заря	10-1		1,30,31	1006-1197
28	Рабола	5-1		1,30	1006-1197
29	Щуковщина II	43-1		32,33,34	1076-1313
30	Часовенская	7-1		1	до 1197
31	Ганьково III	4-1	Н4-2	1,9,20	сер.Х в.-1197
32	Чемихино	17-1		1,9,23	до 1197
33	Красная Заря	8-1	Р8-3	9,19,29,30,31,мон.:1037-1043	1116-1197
34	Чемихино	4-1		1,30,31,61,63	1006-1055
35	Сязнига V	51-3	Б51-2а	9	до 1197
36.1	Кирилино	92-2	Б92-1	2	1134-1268
36.2	Кирилино	92-2	Б92-2	20,24	сер.Х в.-1268
37	Саконьково	110-1		31	1006-1197
38	Рабола	4-1		1,27,28	1134-1197
39	Карлуха	12-1		3,17,20,23,28,40	около 1116

№	Могильник	Комплекс по Бг	Комплекс по автору раскопок	Датирующие типы	Дата
40	Сязнига VII	5-1		9,20	сер.Х в.- 1197
41	Кургино	5-1		3,11,43,мон.:XI в.	1116-1177
42	Орехово	7-5	7-2	3,9,18,20	1116-1197
43	Балдино	21-1		7,10,21,30,31	1134-1197
44	Ганьково III	1-1		2,9,14	1134-1197
45	Пирозеро	6-1		2,5,7,10,20,47,49	около 1197
46	Ильино II	4-2	4-1	1,9	до 1197
47	Крючково III	18-2		1?,23	до 1197
48	Костино	99-1	Б99-2	1,8,25,29	1076-1197
49	Галично III	1-7	1-4	1,14,21	1116-1197
50	Б. Горы	4-1		9,10,мон.:949/950	1134-1197
51	Галично III	1-8		1,20,21	1076-1197
52	Ганьково III	1-4		9,36	до 1134
53	Красная Заря	3-1		1	до 1197
54	Гайгово	8-1		1,7,13/14	1116-1197
55	Ганьково III	3-1	Кл3-2	2,24,53;под погр.с имитацией 15/16,39,41,44,45	1134-1268
56	Подъяндебское	1-1	Е1-1(?)	1,21,50,57	1161-1197
57	Чемихино	5-2	Р5-3	8,9	до 1134
58	Яровщина	7-1	Р7-3	1,5,7,8,9,50,51,58	1134-1197
59	Рочевщина	14-1		4?,13/14,20	1224-1369
60	Сязнига II	11-1	Кч11-5(6)	1,7,9,17,20	сер.Х в.- 1116
61	Чемихино	5-1		9,22	до 1197
62	Капшейла	1-1	Р1-5	1,5,7,9	до 1197
63	Ганьково III	3-2	Кл3-4	2,20	1134-1268
64	Новосельск	6-5	Р6-6	1,36,50	1116-1134
65	Заозерье	6-1		1,20	сер.Х в.- 1197
66	Новосельск	14-1	Р14-6	1,9	до 1197
67	Леоново	112-1	Б112-6	1,7,9,27,29,35,40,43,50; под погр.с 36	около 1134
68	Вахрушево II	117-1	Б117-46	1,29,35	1096-1197
69	Нов. Деревня II	33-1	Б33-2	9?,27	1134-1197
70	Щуковщина III	2-1		1,2,35	1116-1197
71	Рабола	3-2		1,50	1116-1197
72	Акулова Гора	16-1		1;синхр.погр.с 17,43,62,64,68	1096-1116
73	Капшейла	1-2	Р1-5	1,7,9	до 1197
74	Карлуха	6-1	Р6-3	9?	до 1197
75	Сязнига II	2-1		20	после сер.Х в
76	Рочевщина	15-1		6,40	1096-1116
77	Вихмесь	71-1		6,9,17,25,43;над погр.Н 83	1006-1116
78	Шангиничи-лес	18-1	Л18-1 и 2	синхр.погр.,вещи смешаны 17,24,26,66,69	989-1116
79	Горка	14-1		1,6,7,9	1006-1116
80	Кирилино	90-3	Б90-1	1	до 1197
81	Саконьково	109-1		9,28,35,57?	1161-1197
82	Залющик	2-1		1,13,20,35;синхр.погр.с 17,29 59,62,мон.:976-1025	около 1116
83	Вихмесь	71-2	Б71-4	6,8,11,17,25;под погр.Н 77	1006-1116
84	Кашино	9-1		1	до 1197

№	Могильник	Комплекс по Бг	Комплекс по автору раскопок	Датирующие типы	Дата
85	Кашино	7-1		1,5,6,7,9,11,17,23,43,45,52	1055-1116
86	Капшейла	1-5	P1-9	7	до 1197
87	Капшейла	1-3	P1-13	?	?
88	Карлуха	6-2	P6-5	9	до 1197
89	Галично I	1-4	H1-5	1,9	до 1197

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Список использованных датирующих типов.

В список не включены типы, даты которых заведомо шире датировки курганов юго-восточного Приладожья.

№	Наименование типа	Дата (годы)
1	Топор тип 1 (все номера типов по Б.А.Колчину)	до 1197
2	Топор переходный вид 1	1134-1268
3	Топор переходный вид 2	1116-1268
4	Топор тип 2	после 1224
5	Наконечник стрелы плоский черешковый ромбовидный	до 1197
6	То же, новгородского типа	1006-1116
7	Наконечник стрелы плоский черешковый без упора	до 1197
8	Наконечник стрелы двушипный	до 1134
9	Нож с толстым обушком	до 1197
10	Нож с тонким обушком	после 1134
11	Кресало калачевидное с узким язычком	до 1177
12	То же с широким язычком или без язычка	1076-1369
13	Кресало овальное заостренное	1134-1369
14	То же, тупое	после 1116
15	Ключ от замка с деревянным засовом, тип 2	1076-1369
16	Ключ от цельнометаллического накладного сундучного замка	1096-1382
17	Гребень односторонний наборный	до 1116
18	Гребень двусторонний трапецевидный тип Д	989-1224
19	То же, прямоугольный тип К	1116-1340
20	Керамика гончарная	после сер.Хв.
21	"Игла" с кольцом железная	1076-1313
22	Фибула спиралеконечная железная	до 1197
23	Фибула спиралеконечная, в сечении треугольник	до 1197
24	То же, в сечении круг	до 1268
25	Фибула с гранчатыми головками	до 1281
26	Фибула подковообразная с орнаментированной неложновитой дугой	989-1382
27	Фибула с пластинчатой дугой	после 1134
28	Фибула со слегка расширенным кольцом иглы	после 989
29	Фибула с широким, резко расширяющимся или углубленно орнаментированным кольцом иглы	1076-1382
30	Пряжка с выделенным прямоугольным приемником	1006-1340
31	Пряжка лировидная	1006-1197(?)
32	Пряжка, поясное кольцо орнаментированные насечками	1076-1382
33	Поясное кольцо уплощенное	1025-1369
34	Поясное кольцо орнаментированное	1025-1313
35	Пуговица	после 1096
36	Бубенчик грушевидный крестопорезный	до 1134
37	Бубенчик шаровидный линейнопорезный гладкий	после 1025
38	Крест, концы закругленные с парными выступами	1025-1281

№	Наименование типа	Дата (годы)
39	Привеска - миниатюрные предметы	до 1224
40	Перстень круглопроволочный разомкнутый	1096-1281
41	Перстень витой	1006-1313
42	Височное кольцо перстнеобразное простое	1055-1299
43	Ювелирное изделие с завязанными концами	до 1177
44	То же, плетеное	1006-1313
45	То же, в виде стержня с обмоткой или оплеткой	после 1025
46	То же, с эмалью	после 1096
47	Часть ювелирного изделия в форме стержня или острого угла с шариком или кружком на конце	до 1268
48	То же, в форме головы животного	1134-1340
49	То же, в форме крина	после 1197
50	Мотив декора ювелирного изделия - спираль	после 1116
51	То же, - крин аккуратный	до 1281
52	То же, - волчий зуб	1055-1281
53	То же, - рельефная косичка	1055-1382(?)
54	То же, - вьющаяся ветвь рельефная	после 1134
55	То же, - растительный геометризованный	1177-1369
56	То же, - рубчатый	после 1055
57	То же, - выпуклость или вставка в кольце зерни или ложной зерни	1161-1369
58	То же, - углубленный крест в ромбе	после 1134
59	То же, - бордюр из углубленных кружков	после 1096
60	Бусина стеклянная лимонovidная желтая	до 1134
61	То же, лимонovidная полосатая	до 1055
62	То же, лимонovidная серебростеклянная	до 1134
63	То же, зонная почти цилиндрическая густосияняя	до 1177
64	То же, шаровидная аккуратная	1096-1369
65	То же, битрапецидная вытянутая синяя, зеленая	1116-1281
66	То же, боченковидная золотостеклянная с каймой	989-1281
67	То же, округлая темная с гладкой белой спирально-волнистой инкрустацией	после 1076
68	То же, глазчатая гладкая	до 1238
69	Бусина сердоликовая шаровидная	до 1161

С.В.БЕЛЕЦКИЙ, А.А.КУПРАНИС

НОВЫЕ СФРАГИСТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ XII-XV ВВ. ИЗ ЧАСТНЫХ СОБРАНИЙ (материалы для Корпуса актовых печатей древней Руси)

Памяти Н.П. Лихачева (1869–1936)

В первом выпуске “Материалов для истории византийской и русской сфрагистики” Н.П.Лихачев отмечал: “Находки продолжают делаться ежегодно, новые и новые печати поступают в Музеи, а при роковой анонимности их каждый отдельный памятник может в смысле определения повлиять на целую систему построений или дать объяснение группе совсем неопределенных до этого памятников” (Лихачев 1928: 9). Приведенное наблюдение остается справедливым и в настоящее время. Поэтому важнейшей задачей исследователей является оперативное введение в научный оборот новонайденных памятников сфрагистики. Это относится не только к уникальным буллам, не имеющим аналогов в накопленном сфрагистическом материале, но и к новым экземплярам, оттиснутым уже известными матрицами, поскольку “в сфрагистике дублетный экземпляр имеет не меньшую ценность, чем уникальный” (Янин 1970, т.1: 11).

Один из путей расширения круга введенных в научный оборот памятников — изучение частных коллекций. Однако в работе с такими коллекциями есть существенные, порой — непреодолимые трудности, знакомые каждому специалисту. Хорошо, когда коллекция доступна для изучения. Но это, к сожалению, бывает далеко не всегда. Во многих случаях коллекции оказываются недоступны профессионалам, а часто о материалах и даже о самом факте существования коллекции профессионалы бывают недостаточно осведомлены.

Причины нежелания коллекционеров “светить” коллекцию различные. Это криминализация обстановки, существующей вокруг складывающегося антикварного рынка, страх владельца коллекции оказаться под давлением криминальных структур, неспособность (часто — нежелание, а иногда и то, и другое вместе) правоохранительных органов защитить коллекционера от рэкета. Это, наконец, отказ существующих государственных структур (в том числе — муниципальных служб охраны памятников) признать за коллекционером само право собирать, хранить и превращать в объекты коммерческой деятельности предметы старины — результат десятилетий монопо-

лии государства на торговлю антиквариатом.

В тех случаях, когда прошлое предметов, попадающих на антикварный рынок, мягко говоря, небезупречно (напр.: результат деятельности кладоискателей), “настороженное” отношение музейного работника к коллекционеру оправданно, как оправданны и действия правоохранительных органов, пресекающих подобного рода собирательство. Однако часто приходится сталкиваться с расширительным толкованием специалистами, а также работниками музеев и органов охраны памятников своих прав по отношению к лицам, поставляющим предметы на антикварные рынки: попытки подменить партнерские отношения карательными мерами, конфискациями находок и проч.

Один из путей обнаружения новых, ранее неизвестных памятников сфрагистики — поиски по берегам рек предметов, вымытых водой (Новгород, Псков, Ладога, Дубна и др.). По идее такого рода поиски в исторических городах России должны бы были стать должностной обязанностью сотрудников органов охраны памятников и местных музеев. Места концентрации находок как правило известны, поскольку находки поступают в коллекции (в том числе — в музеи) регулярно. Однако до систематических (подчеркиваем — именно систематических, а не от случая к случаю!) сборов по берегам рек у сотрудников местных служб охраны памятников руки, чаще всего, не доходят, и все сводится к энтузиазму конкретных лиц (Янин 1970, т.1: 8). Зато регулярный осмотр берегов и сбор подъемного материала стал своего рода бизнесом для групп профессиональных “собирателей”.

Речь идет именно о деятельности “собирателей”, занятых поисками подъемного материала, а не о тех лицах, которые в процессе поиска находок по берегам рек целенаправленно разрушают выходы культурного слоя — последнее сравнимо с деятельностью кладоискателей и должно пресекаться. Конечно, провести границу между собирателем и кладоискателем бывает достаточно трудно. И кладоискатели, и собиратели занимаются промывкой грунта, однако собиратели, в отличие

от кладоискателей, промывают через сита береговой грунт, то есть — ту часть собственно культурного слоя, которая уже разрушена размывом берегов. По сути дела, собиратели спасают для науки предметы, которые были бы смыты водой, то есть — для науки утрачены.

От собирателей найденные предметы попадают на антикварный рынок. Именно таким путем сформировалась знаменитая сфрагистическая коллекция Н.П.Лихачева — на протяжении более четверти столетия он фактически являлся коллекционером-монополистом, скупавшим у собирателей через сеть посредников все печати и пломбы, которые удавалось купить (результаты его деятельности к области сфрагистического коллекционирования хорошо известны — коллекция Лихачева в настоящее время составляет основной сфрагистический фонд Эрмитажа).

В настоящее время памятники сфрагистики вновь стали предметом коллекционирования и превратились в объект целенаправленных поисков. Но есть существенное отличие современной ситуации от ситуации конца прошлого и начала нынешнего столетий: тогда был Николай Петрович Лихачев — в одном лице и крупнейший коллекционер-сфрагист, и профессионал историк высочайшего класса, основатель современной научной сфрагистики. Сейчас такого “лихачева” нет — есть сфрагисты-профессионалы, есть коллекционеры, но среди известных авторов коллекционеров нет профессионалов, а сами профессионалы не настолько обеспеченные люди, чтобы выкупать у собирателей их находки. Иными словами, налицо разобщенность исследователя и предмета исследования.

Разумеется, скупка находок у собирателей — одна из важнейших задач музеев (Янин, Гайдуков 1996:68). Однако и здесь не все просто. Дело даже не в том, что музеи, чаще всего, не располагают достаточными средствами для покупки всех предлагаемых в закупочные комиссии предметов, и вынуждены проводить селекцию: это было бы еще полбеды. Хуже другое. В местных органах охраны памятников и местных же музеях широко распространено расширительное толкование необходимости предотвращать деятельность кладоискателей: в конечном счете, необходимость охраны культурного слоя от целенаправленного разрушения зачастую подменяется борьбой с собирателями. Такого рода действия лиц, облеченных определенной властью, не способствуют тесному взаимодействию музея и собирателя, хотя и объясняются высокими целями “спасения отечественного культурного наследия”. Именно из-за подобных действий коллекционеры чаще всего “закрывают” свои коллекции от профессионалов.

В тех случаях, когда коллекционер не предполагает продавать свою коллекцию государственному музею, памятники из этой коллекции, чаще всего, остаются не введены в научный оборот, а, следовательно, недоступны профессионалам. Если же вспомнить о том, что регулярный целенаправленный осмотр берегов рек и собирательская деятельность (которые, подчеркнем, должны были бы стать должностной обязанностью сотрудников органов охраны памятников) как правило не производится, возможность собственны-

ми силами собрать весь возможный подъемный материал резко сокращаются, а сами памятники оказываются потерянными для науки.

Существует иной путь взаимоотношений, который, к сожалению, практикуется недостаточно широко: партнерские отношения профессионала и коллекционера, выраженные в выполнении профессионалом экспертной оценки предметов, хранящихся в частной коллекции, с последующим введением результатов экспертизы в научный оборот. К сожалению, в большинстве музеев такого рода деятельности не только не поощряется, но напротив, в административном порядке запрещена. Разумеется, бывают исключения. Так, постоянные некоммерческие экспертизы для коллекционеров проводит Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа. Экспертные некоммерческие заключения на памятники антиквариата специалисты дают, например, в тех случаях, когда предметы, попадают в сферу непосредственных научных интересов эксперта. Подобного рода деятельность была есть и, будем надеяться, будет, поскольку именно таким путем сохраняются для науки информация о предметах, не попадающих в музей на постоянное хранение и, чаще всего, исчезающих после экспертизы из поля зрения профессионала. Однако и этот путь основан, прежде всего, на личных отношениях заинтересованного профессионала и любознательного коллекционера: в целом, путь эпизодических экспертиз не открывает доступ к подавляющему большинству частных коллекций.

Опыт контактов с коллекционерами позволяет предложить до разработки принятия правовой базы, определяющей взаимоотношения профессионала и коллекционера еще один путь взаимоотношений: анонимный осмотр частной коллекции через третье лицо: посредник предоставляет возможность профессионалу познакомиться с коллекцией, а профессионал, получивший таким образом, доступ к материалу, выполняет экспертизу. Возвращая коллекцию вместе с экспертным заключением, профессионал в качестве гонорара за выполненную работу получает право публикации памятника и результатов экспертизы. В современных условиях неразработанности правовой базы для взаимоотношений коллекционера и государства путь экспертизы “анонимных” частных коллекций — один из способов фиксации памятников и оперативного введения их в научный оборот.

В настоящее время завершается сбор материалов для третьего тома Корпуса актовых печатей древней Руси: в дополнение к изданному в двух первых томах Корпуса 1542 печатям учтено более 1000 новых булл (Янин, Гайдуков 1996: 67). Пути поиска памятников, по сведениям В.Л.Янина и П.Г.Гайдукова, были различными: в Корпус включены материалы, полученные в результате археологических раскопок, находки, приобретенные музеями, а также материалы частных коллекций (Янин, Гайдуков 1996: 66-69).

С середины 1980-х годов эпизодический, а с начала 1990-х годов систематический осмотр частных сфрагистических коллекций проводится и авторами настоящей статьи. Этот опыт уже принес плоды — в 1989 г. были изданы акты печати

из древнерусской Дубны (Белецкий, Крымов 1990), в 1993-1994 гг. дополнен принципиально новыми материалами подготовленный к изданию свод сфрагистических памятников из Пскова (Белецкий 1994б; 1995а), в 1994 г. введен в научный оборот и, "по существу — открыт заново" (Янин, Гайдуков 1996: 70), разряд печатей ладожских наместников (Белецкий 1994а) издан свод сфрагистических памятников из Ладоги (Белецкий, Петренко 1994), опубликованы новые находки печатей и пломб из Новгорода, Белоозера (Белецкий, Купранис 1995; Купранис 1994; 1996), Торжка (Белецкий 1996а).

Летом 1996 г. нам предоставилась возможность познакомиться с материалами из нескольких частных сфрагистических коллекций. По сведениям владельцев коллекций, их собрания были составлены путем приобретения булл на антикварном рынке. Осмотрено 59 разновременных моливдовулов от 52 пар матриц. Большинство из них являются новыми экземплярами от уже известных матриц, однако есть также и уникальные, и сомнительные буллы. В приведенных ниже каталожных описаниях приняты следующие сокращения: *Av* — аверс; *Rv* — реверс; *Л.с.* и *О.с.* — лицевая и оборотная стороны (для печатей с принципиально неопределимым аверсом); *Д.* — диаметр (линейные размеры); *В.* — вес; *М.н.* — место находки (для булл, наверняка найденных вне Новгорода), *Сохр.* — сохранность (при характеристике сохранности правая и левая стороны буллы определяются со стороны аверса). Учитывая предварительный характер публикации издаваемые памятники сопровождаются только самыми необходимыми комментариями. Структура каталога, принципы систематизации и индексации памятников определены в соответствии с предлагаемой ранее схемой систематизации древнерусских печатей и пломб (Белецкий 1994в).

Напомним, что набор признаков, комбинации которых составляют русские средневековые сфрагистические типы, весьма ограничен: не более 8. Различные комбинации признаков между собой дали основание выделять среди актов печатей не менее 20 сфрагистических разрядов, объединяемых в восемь классов:

I

- I.1. Христос — Богоматерь
- I.2. Христос — святой
- I.3. Христос — "эмблема"
- I.4. Христос — легенда

II

- II.1. Крест — Богоматерь
- II.2. Крест — святой
- II.3. Крест — легенда
- II.4. Крест — композиция

III

- III.1. Богоматерь — святой
- III.2. Богоматерь — легенда

IV

- IV.1. "Эмблема" — "эмблема"
- IV.2. "Эмблема" — святой
- IV.3. "Эмблема" — легенда

V

- V.1. Композиция — святой
- V.2. Композиция — легенда

VI

- VI.1. Святой — святой
- VI.2. Святой — легенда

VII

- VII.1. "Правитель" — святой
- VII.2. "Правитель" — легенда

VIII

Легенда — легенда

Наличие в легенде отдельных составляющих частей обозначается строчными буквами русского алфавита: а — наличие в легенде слова "печать"; б — наличие в легенде благопожелательной формулы — "Господи, помози...", "Спаси, Господи...", "Воззри на меня...", "Милостью Божией..." и проч.; в — наличие в легенде имени, г — имени и отчества, д — титула владельца печати; е — наличие в легенде имени, ж — имени и отчества, з — титула сюзерена владельца печати; и — дополнительная информация. В разряде VI.2 при соответствии имени владельца изображению святого буквенный индекс сопровождается цифрой 1, при несоответствии — цифрой 2; цифровая часть индекса отделяется от буквенной дефисом.

Устойчивые формулы легенды обозначаются прописными буквами русского алфавита: А — формула принадлежности населенному пункту; Б — формула принадлежности отдельной части населенного пункта (городской конец); В — формула принадлежности святыне; Г — формула Дьявола; Д — формула двойной принадлежности; фиксируется, как правило, у печатей эпиграфического типа (класс VIII); при анализе легенды каждая из составляющих частей формулы получает самостоятельную индексацию, отделенную от обозначения "Д" дефисом; между собой индексы частей формулы также разделяются дефисом.

Набор признаков, характеризующих пломбы, также достаточно ограничен: не более 6. Однако комбинации признаков дали основание выделять не менее 13 разрядов, группирующихся в четыре класса (индексация разрядов дается в соответствии или в продолжение индексации разрядов печатей)

I

- II.2. Крест — святой
- II.5. Крест — крест
- II.6. Крест — "эмблема"
- II.7. Крест — буква
- II.8. Крест — группа точек

IV

- IV.1. "Эмблема" — "эмблема"
- IV.2. "Эмблема" — святой
- IV.4. "Эмблема" — буква

VI

- VI.1. Святой — святой
- VI.2. Святой — легенда

VI.3. Святой — буква
VI.4. Святой — группа точек

IX

Буква — буква

Некоторые возможные пути для установления принципиальной атрибуции пломб были намечены в другой работе (Белецкий 1992б).

Следует оговорить, что под *сфрагистическим типом* мы понимаем оттиски одной и той же пары матриц, *сфрагистическая группа* объединяет типы печатей, адекватные друг другу, но принадлежащие разным парам матриц. *Сфрагистический разряд* включает группы печатей, различающиеся между собой по персонифицирующим признакам, но в остальном адекватные. Наконец, *сфра-*

гистический класс объединяет разряды с адекватно оформленным аверсом печати. За аверс принимается та сторона печати, на которой помещена юридическая информация, указывающая на полномочия владельца печати. Номер, присвоенный печати состоит из трех частей, разделенных косой чертой: левая позиция номера — вид памятника (П — печать; Пл — пломба); центральная позиция — индекс памятника, включающий обозначение класса, разряда и формулы легенды (IV.3.аgе — класс "IV", разряд "3", формула "аgе"); правая позиция — порядковый номер буллы в настоящем каталоге. Сведения о происхождении публикуемых памятников получены от владельцев коллекции: если не оговорено иное, местом находки буллы является, вероятнее всего, Новгород (включая Рюриково городище).

КАТАЛОГ

Печати

Класс I: печати с изображением Христа на аверсе

Разряд I.2: печати с изображением святого на реверсе

П/1.2/1 (рис.1, 1). *Ав:* изображение Христа на престоле, нимб крещатый, по сторонам IG — X[G]. *Рv:* изображение Св.Федора в композиции "Чудо о змие". *Д.:* 23-25 мм. *В.:* 6,62 г. *Сохр.:* булла сломана по каналу, склеена.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и печать № 369 Корпуса актовых печатей древней Руси X-XV вв. (далее - Корпус). На 1969 г. было учтено 4 экземпляра от этой пары матриц: два происходят из Новгорода, происхождение двух других не установлено (Янин 1970, т.2: 156). В.Л.Янин (1970, т.2: 20) атрибутирует печать князю Ярославу Всеволодичу (р.1190 г., + 1246 г.). Особенностью публикуемой буллы является оттиск матриц поперек канала, а не вдоль, как это фиксируется в большинстве случаев.

П/1.2/2 (рис.1, 2). *Ав:* изображение Христа на престоле, нимб крещатый, справа XG под титулом. *Рv:* изображение Св.Федора в рост, слева фрагментарно сохранившаяся колончатая надпись.

[А]
Г
[И]

Д.: 20-24 мм. *В.:* 6,95 г. *Сохр.:* нижний правый край буллы обломан.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и печать № 370 Корпуса. На 1969 г. было учтено 6 экземпляров от этой пары матриц (Янин 1970, т.2:

157). Все они происходят из Новгорода, причем местонахождение одной буллы локализовано на Городище. В.Л.Янин (1970, т.2: 20) атрибутирует печать князю Ярославу Всеволодичу.

П/1.2/3 (рис.1, 3). *Ав:* изображение Христа на престоле, нимб крещатый. *Рv:* изображение архангела в рост. *Д.:* 25-27 мм. *В.:* не взвеш. *Сохр.:* края буллы обломаны.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и печать № 400 Корпуса. На 1969 г. было учтено 2 экземпляра от этой пары матриц, оба происходят из Новгорода (Янин 1970, т.2: 162). По сходству с печатью № 397 Корпуса, экземпляр которой сохранился при договоре 1307 г. между Новгородом и Михаилом Тверским (ГВНП: № 10), В.Л.Янин (1970, т.2: 15) атрибутировал печать князю Михаилу Ярославичу (р.1271 г., +1318 г.).

П/1.2/4 (рис.1, 4). *Ав:* изображение Христа в рост, в нимбе, лишенном перекрестия, по сторонам IG — XG под титулами. *Рv:* изображение Св. Федора в рост, справа колончатая надпись

Ф
ЕО
ДО
Р

Д.: 21 мм. *В.:* 7,3 г. *Сохр.:* поверхности сторон сильно стертые.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц. Она близка описанной выше П/1.2/2, с наибольшим вероятием может быть отнесена к концу XII-XIII вв.

П/1.2/5 (рис.1, 5). *Ав:* изображение Христа в рост, нимб крещатый. *Рv:* изображения святого сокольника. *Д.:* 23-25 мм. *В.:* 8,1 г. *Сохр.:* правая часть буллы обломана.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и

* Предлагаемая схема систематизации памятников средневековой русской сфрагистики была апробирована на сфрагистических материалах из Старой Ладogi (Белецкий, Петренко 1994).

** Местом находки большинства печатей является Новгород, а в пределах Новгорода — берега Сиверсова канала. Однако, по непроверенным данным, несколько печатей, возможно, происходят из Ладogi. Какие именно буллы, могли быть связаны своим происхождением с Ладогой, установить теперь уже невозможно.

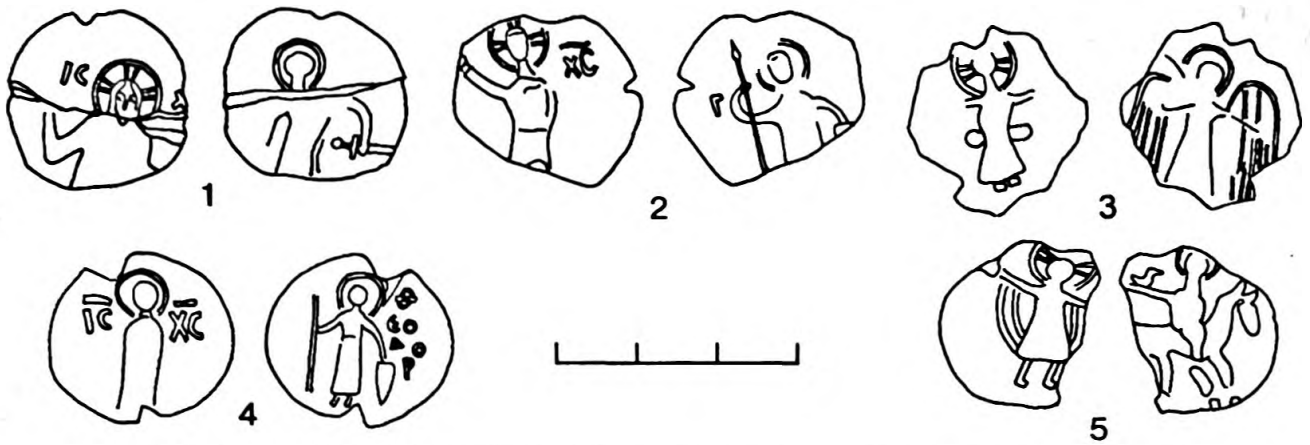


Рис.1. Печати разряда 1.2 (1-5); На рис.1-8 номера печатей соответствуют номерам в каталоге)

печать № 390 Корпуса. На 1969 г. было учтено 3 экземпляра от этой пары матриц. Все они происходят из Новгорода, причем местонахождение одной буллы локализовано на Городище (Янин 1970, т.2: 161). В.Л.Янин (1970, т.2: 14-15) атрибуирует печать князю Андрею Александровичу Городецкому (р. до 1263 г., + 1304 г.).

Вопрос о смысловом значении изображения Христа на памятниках русской сфрагистики до самого последнего времени не ставился. Правда, уже Н.П.Лихачев отмечал, что изображение Христа, характерное для русских княжеских печатей, "было в обычае ... для императорских моливдулов" Византии (Лихачев 1928: 19). Однако подробнее символическое значение изображения Христа на древнерусских печатях исследователь не рассматривал. В. Л. Янин, резюмируя результаты изучения домонгольских печатей Руси, несущих изображение Христа, объединил их с печатями, несущими изображения символов Христа (крест, этимасия) и подчеркивал: "Принципиальная атрибуция этих печатей может быть установлена по-разному для разных областей. В одних ... разбираемый здесь тип мог быть ... усвоен сфрагстикой посадников. В других он мог сохраниться в русле развития княжеской сфрагистики ... В третьих областях он был сфрагстическим представителем церковной власти" (Янин 1970, т.1: 153). При рассмотрении же печатей XIII-XV вв., несущих изображение Христа, смысловое значение изображения вообще осталось без комментария. Только в контексте проблемы новгородской кончанской эмблематики XV в. В. Л. Янин отметил вероятную связь изображения Вседержителя с эмблематикой Плотницкого конца (Янин 1970, т.2: 142-143), низводя тем самым изображение Христа до геральдического образа.

Одной из первых попыток объяснить появление в русской сфрагистике изображения Христа стала гипотеза Т. Василевского. Исследователь отметил, что на русских печатях традиционно помещалось изображение Христа-Пантократора (Вседержителя), и подчеркивал: "Культе Христа Rex Regnantium характеризовал македонскую династию. Этот Христос был особым ангелом-хранителем императора Василия I. Через македонскую династию этот культ перешел на Русь, так

как Владимир I поместил на своих золотых и серебряных монетах изображение Христа-Пантократора" (Василевски 1991: 226). Рассмотрев сфрагстические памятники Руси XI-XIV вв., Т. Василевский пришел к выводу: "Изображение Пантократора помещалось не только на монетах, но также на печатях, на которых оно символизировало сыновнюю зависимость князей от императора Византии и, вместе с тем, их королевское достоинство и суверенный характер власти над всей Русью и ее удельными князьями" (Василевски 1991: 232). В основе изложенной версии появления на памятниках русской сфрагистики изображения Христа лежит предпринятое Т. Василевским обобщение атрибуций, предлагавшихся в литературе для древнерусских печатей с изображениями Христа и святого, а также попытка персонализировать буллы, не получившие в Корпусе В. Л. Янина удовлетворительных персональных атрибуций.

Повторное обращение к русским средневековым печатям, несущим изображение Христа и святого, позволяет уверенно связывать печати этого сфрагстического разряда с деятельностью русских князей, носивших титул "великий" (Белецкий 1995б: 85-93). Тип великокняжеской печати с изображениями Христа и святого появляется на Руси около середины XII в. у младших Мономашичей и вплоть до середины XIV в. усваивается исключительно представителями этой ветви Рюриковичей, прочно привязываясь к великому владимирскому столу. Последние представители русских княжеских родов, использовавшие в делопроизводстве печати разряда 1.2 — Александр Тверской и Иван Московский — в равной мере претендовали на преемственность власти от великих владимирских князей XII-XIII вв. Фактически, после смерти Александра Тверского в Орде в 1339 г. правопреемниками власти великого владимирского стола стали московские князья, и уже с вокняжением на Москве в 1341 г. Симеона Гордого тип печати с изображением Христа на аверсе исчезает из делопроизводства.

Не связано ли такое достаточно локальное в пределах Руси использование печатей рассматриваемого разряда с особенностями престолонаследия и правопреемственности власти среди потом-

ков Юрия Долгорукого? Оставляя вопрос открытым подчеркнем: изображение Христа на великокняжеских печатях Руси XII-XIV вв., безусловно, символизировало суверенный характер власти великого князя, передавая в символической форме сведения о том, что держатель буллотирия обладал "властью от Бога". Не исключено (и даже весьма вероятно), что при оформлении сфрагистического типа великокняжеской печати князья ориентировались на оформление византийский императорских печатей. Так, изображение на печати № 346 Корпуса, атрибуированной Юрию Долгорукому (Белецкий, Петренко 1995: 186), находит себе соответствие (Лихачев 1991: табл. LXXVIII: 7-10) в изображении Пантократора на печатях Мануила I Комнина (1143-1180), а изображения Христа на печатях № 368 и 369 Корпуса, как отмечал еще Н.П.Лихачев (1991: табл. LXXIX: 1), близки изображению Пантократора на печатях Исаака II Ангела (1185-1195). Однако речь может идти только об использовании императорской византийской печати в качестве образца при оформлении великокняжеской русской печати, а отнюдь не о "сыновней зависимости" великих русских князей от императора Византии. Использование императорской печати в качестве прототипа при оформлении сфрагистической регалии великих владимирских князей вполне объяснимо: современникам было хорошо известно о божественном характере власти императора.

После сказанного рискнем атрибуировать печать П/1.2/4, близкую печати П/1.2/2 (№ 370 Корпуса), князю Ярославу Всеволодичу. Число сфрагистических типов, связываемых с этим князем, таким образом, достигло 5, а количество оттисков приближается к двум десяткам.

Класс II: с изображением креста на аверсе

Разряд II.1: с изображением Богоматери на реверсе

П/II.1/6 (рис.2, б). *Av*: изображение шестиконечного креста на ступенчатом подножии, по сторонам IG — X[G]. *Rv*: изображение Богоматери Воплощение в рост, по сторонам MP — ☩[Y]. *Д.*: 25-28 мм. *В.*: 10,03 г. *Сохр.*: булла сломана по каналу и склеена.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и печать № 482 Корпуса. На 1969 г. было учтено 6 экземпляров от этой пары матриц: четыре буллы происходят из Новгорода (одна — с Городища), происхождение еще одной не установлено (Янин 1970, т.2: 179-180).

П/II.1/7 (рис.2, в). *Av*: изображение восьмиконечного креста на ступенчатом подножии, концы креста имеют копьевидные завершения, концы центральной перекладины оформлены дополнительными перекрестиями, также имеющими копьевидные завершения. *Rv*: изображение Богоматери Воплощение в рост. *Д.*: 25-30 мм. *В.*: 8,2 г. *Сохр.*: утраты вдоль канала на аверсе.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и печать № 495 Корпуса. На 1969 г. было учтено 3 экземпляра от этой пары матриц. Все они происходят из Новгорода, причем одна булла обнаружена при археологических раскопках в слое с дендрохронологической датировкой 1422-1429 гг. (Янин 1970, т.2: 181).

П/II.1/8 (рис.2, г). *Av*: изображение восьмиконечного креста со страстями на подножии, по сторонам креста надписи (во второй строке обе, в третьей строке правая — под титлами)

IG	XG
NI	KA
☩	W ^o ☩A
Г	НА

Rv: изображение Богоматери Воплощение в рост, по сторонам от нимба [MP] — ☩[Y], над плечами (по сторонам от нимба младенца) IG — XG под титлами. *Д.*: 30-34 мм. *В.*: 11,08 г. *Сохр.*: булла прошла антикварную чистку, патина утрачена.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и печать № 518 Корпуса. На 1969 г. было учтено 6 экземпляров от этой пары матриц (Янин 1970, т.2: 185): четыре буллы сохранились при документах середины XV в. (ГВНП, № 297, 298, 318, 328), две происходят из Новгорода (одна — из раскопок на Ярославовом дворике). Публикуемый экземпляр дополняет чтение надстрочных букв в правой колонке третьей строки надписи на аверсе.

Печати с изображениями креста и Богоматери являются одной из сфрагистических загадок средневековой России. Признавая за изображением креста на аверсе символ юридического характера (Белецкий 1994в), изображение на реверсе следует расценивать в качестве персонафицирующего символа. Между тем, изображение Богоматери следовало бы также признать носителем юридической информации: за этим изображением невозможно увидеть поименованного владельца печати. Можно констатировать двойственный характер сфрагистического типа: для него оказывается характерным отсутствие у буллы персонафицирующих символов при удвоении символов юридического свойства. Однако такое заключение вступает в противоречие с главным требованием, предъявляемым к правилам оформления сфрагистического типа: печать должна легко "читаться" и однозначно восприниматься современниками. Очевидно, что сфрагистические регалии, отнесенные к данному сфрагистическому разряду требуют специального комментария.

Печати с изображениями креста и Богоматери получают распространение с рубежа XIII-XIV вв., и в XIV-XV вв. являются одной из наиболее массово представленных сфрагистических регалий на Руси. В домонгольское время печати с изображениями креста и Богоматери, напротив, являются редчайшими памятниками. Из Новгорода происходят две печати с изображением процветшего креста и Богоматери, которые В.Л. Янин датировал XII в. (Янин 1970, т.1: 151, № 331, 342). К

* Аналогичная по сути ситуация, кстати говоря, фиксируется в конце XV в., когда великий московский князь Иван III Васильевич помещает на свою печать изображение двуглавого орла, символизировавшего в глазах современников с середины XV в. власть в Священной Римской империи (Белецкий 1992а: 61-65).

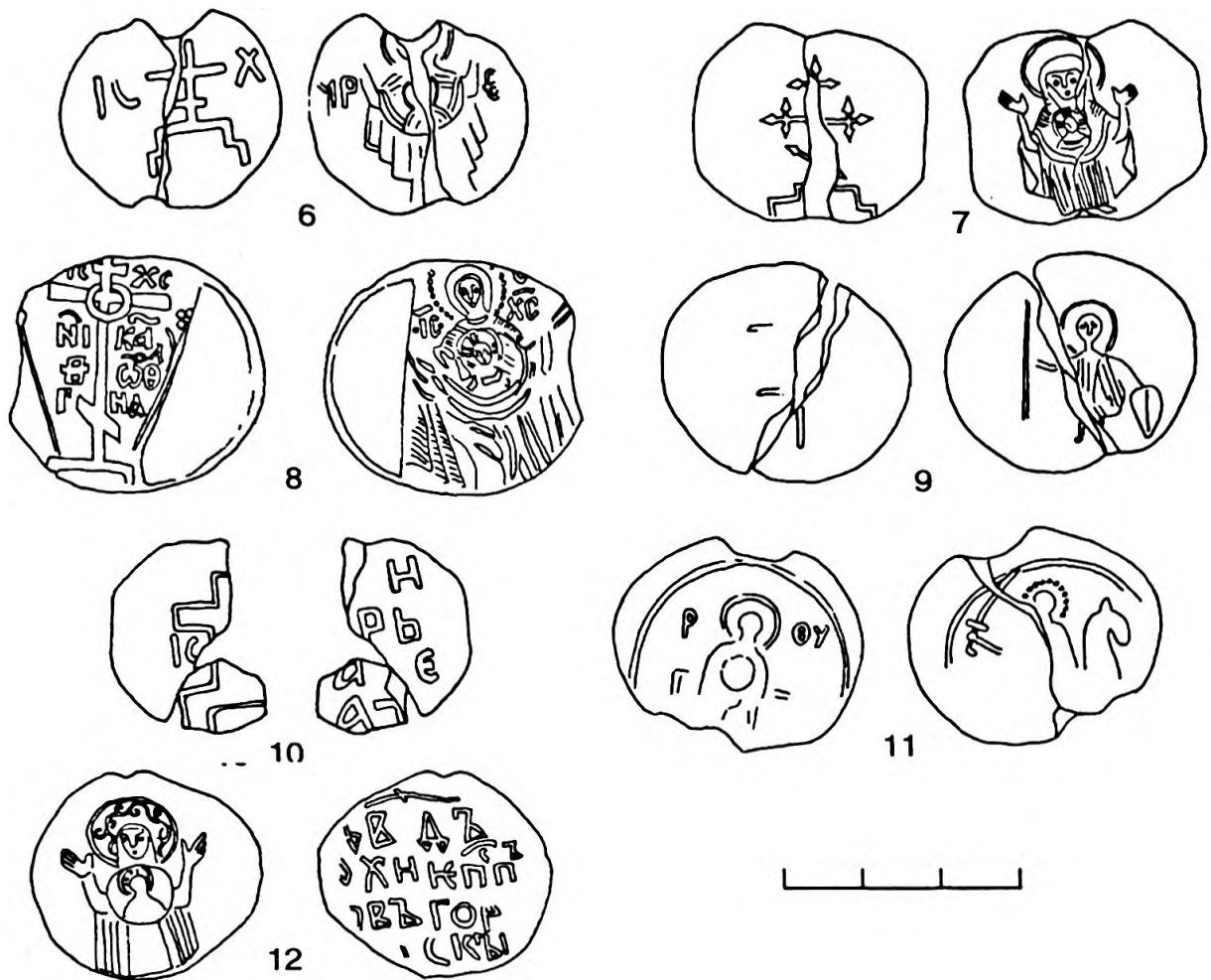


Рис.2. Печати разрядов II.1 (6-8), II.1 (9), II.3 (10), III.1 (11) и III.2 (12)

домонгольскому времени отнесена также печать № 323 Корпуса с изображениями Христа и Богоматери (Янин 1970, т.1: 151).

Крест — основной символ христианства (Покровский 1892: 314-385; Шляпкин 1906: 3) — безусловно, является на печатах признаком юридическим. Но подчеркнем — не как символ христианской религии, а, прежде всего, благодаря смысловому тождеству с изображением Христа (Лихачев 1928: 34, 51, 52). Помещая на печать изображение Христа или его символа, владелец печати констатировал, что власть, которой он обладает, и которая, в частности, материализовалась правом печати, дана "от Бога". Иными словами, речь может идти о символике суверенной власти. Изображение Богоматери на русских печатах Н.П.Лихачев расценивал в качестве характерного признака церковной сфрагистики. Развив и дополнив наблюдения Н.П.Лихачева, В.Л.Янин неоднократно подчеркивал, что общецерковной эмблемой изо-

бражение Богоматери становится на Руси с начала XII в. (Янин 1970, т.1: 148) или даже с рубежа XI-XII вв. (Янин 1970, т.1: 58, 82, 156).

Таким образом, в XII-XIII вв. печати с изображением на аверсе креста, а на реверсе Богоматери могут быть расценены в качестве регалий суверенной церковной власти. По своему рангу рассматриваемые печати оказываются заметно выше всех остальных известных русских печатей, атрибулируемых властным структурам церкви. Это достаточно наглядно подтверждается статистикой находок в рамках Корпуса В.Л.Янина: трем моливдовулам с изображением Христа и его символов на аверсе и Богоматери на реверсе, включенным в домонгольскую часть Корпуса, противопоставят 10 печатей киевских митрополитов, 12 печатей новгородских владык, 7 епископских печатей со строчной легендой на реверсе и 18 булл, на реверсе которых помещено изображение святого.

Теоретически можно было бы расценить печат-

* Не учитываем печати № 56 и 59 Корпуса, в формулах легенд на которых нет имени владельца (Янин 1970, т.1: 176, 178, 223),

** Не учитываем печать № 322 Корпуса, на реверсе которой, согласно определению В.Л. Янина, помещено неразборчивое изображение (Янин 1970, т.1: 222, 223): если верна прорисовка, помещенная в Корпусе, то в

ти разряда II.1 как атрибуты юрисдикции лиц, наделенных суверенными полномочиями (изображение креста) в области церковного (изображение Богоматери) права. Очевидно, что на Руси в XII-XIII вв. такой властью обладал только митрополит. Но как ни заманчиво было бы связывать домонгольские печати рассматриваемого разряда с деятельностью митрополичьей канцелярий, вывод этот маловероятен. Прежде всего, в позднейшей митрополичьей и патриаршей сфрагистике России печати, демонстрирующие столь высокий правовой статус владельца, отсутствуют вовсе: стандартный тип подвесной митрополичьей печати в Московии XV-XVI вв. представлен печатями с изображением Богоматери и/или благословляющей руки в сопровождении легенды, содержащей имя и титул владельца. Считать, что в эпоху сложения централизованного русского государства произошло резкое понижение в ранге тех властных структур, которые выступали непосредственно от имени главы русской православной церкви, не приходится.

С другой стороны, с рубежа XIII-XIV вв. документы, скрепленные печатью с изображениями креста и Богоматери, получают широкое распространение только в Новгороде и Новгородской земле. При этом подчеркнем: такие печати найдены в городских кварталах Новгорода, а также широко представлены в центрах, связанных с Новгородом политическими и экономическими связями. В то же время, печати данного разряда, определенно связанные с комплексом архивохранилища на Городище под Новгородом, известны пока в единичных экземплярах. Таким образом, властные полномочия держателей буллотирия оказываются распространены на Новгород и Новгородскую землю, однако документы, подлежащие утверждению данной печатью, в основном, как будто бы, не требовали "вечного хранения" в государственном архивохранилище. Иными словами, речь идет, прежде всего, об утверждений частного акта.

Н.П.Лихачев (ЛСА: 100, 131, 143, 144), а вслед за ним П.А.Шорин (1964: 256-267) и В.Л.Янин (1970, т.2: 51-60) уверенно атрибуировали печати с изображениями креста и Богоматери владычным наместникам Новгорода. Вероятно, вывод об употреблений таких печатей чиновниками новгородского владычного аппарата справедлив по крайней мере для XIV-XV вв. При этом, можно думать, новгородский архиепископ усвоил своим чиновникам тип сфрагистической регалии уже сложившийся и имевший к этому времени в Новгороде признанный правовой статус. И, если так, то отсутствие подобных печатей в домонгольское время за пределами Новгорода дает основание предполагать формирование сфрагистического разряда именно в Новгороде.

Высокий ранг печатей с изображением креста на аверсе и Богоматери на реверсе теоретически подразумевает особый круг полномочий, попадающих под юрисдикцию печатей рассматриваемого разряда по сравнению с другими сфрагистичес-

кими регалиями иерархов русской церкви и их уполномоченных лиц. В этой связи заметим: возможно двойное "прочтение" сфрагистической регалии рассматриваемого облика: эти печати можно расценить как атрибуты юрисдикции суверенной церковной власти, то есть — суверенной власти в области церковного права. Но их можно расценить и иначе — в качестве регалий суверенной власти, принадлежащей церкви.

Для первой версии, как будто бы, нет достаточных оснований. Зато вторая версия заслуживает самого пристального внимания. Напомним, что новгородский владыка после 1158 г. (НПЛ: 30, 217) подлежал избранию на вече точно так же, как подлежали вечевому избранию высшие боярские магистраты Новгорода. Точно так же, как посадники и тысяцкие, владыка мог быть смещен с должности и даже изгнан. Уже одно это свидетельствует о том, что новгородский епископ (с 1165 г. — архиепископ) находился в положении должностного лица новгородского аппарата управления, не ограничиваясь отправлением пастырских обязанностей. И так, как санкции владыки, как будто бы, была обязательной для придания законности вечевым решениям (Мартышин 1992: 219), весьма вероятной представляется мысль о том, что владыка в правовом отношении являлся первым должностным лицом новгородских структур государственного управления. "Ключевые позиции в области управления давало ему (владыке — Авт.) и председательское кресло в совете господ" (Мартышин 1992: 219).

После сказанного рискнем предположить, что рассматриваемый сфрагистический разряд сложился не позднее XII в. именно в Новгороде, а употреблялся в делопроизводстве, связанном с теми полномочиями новгородского владыки, которыми он обладал в качестве высшего должностного лица в новгородском правительстве. И если в XII-XIII вв. подобной печатью скреплялись единичные документы, то на рубеже XIII-XIV вв. произошли изменения структуры управления, материализовавшиеся, в частности, появлением штата правительственных чиновников, получивших право пользоваться печатью данного разряда. Не исключено, что отмечаемая реорганизация стала следствием тех самых коренных преобразований республиканского управления, которые, по мнению В.Л. Янина, произошли в Новгороде в конце XIII в. (Янин 1962: 165-175). А если признать, что в эти годы атрибутом юрисдикции представительной власти в Новгороде являлась "Печать Всего Новгорода" (Янин 1970, т.2: № 705), то печати с изображениями креста и Богоматери к концу XIII в. могли представлять в правовом отношении исполнительную власть. Именно такое положение новгородского владыки было отмечено Жильбером де Ланноа, посетившим Новгород в 1413 г.: "Этот город независим и имеет общинное правление. Здесь есть епископ, который представляет как бы их начальника" (Памятники 1935: 18).

Но даже если согласиться с В.Л.Яниным в том, что начало массового распространения печатей

тей с изображениями креста и Богоматери в Новгороде приходится только на годы первого святительства Моисея (1325-1330), общая оценка сфрагистического разряда остается прежней, тем более, что с приходом Моисея на Софийскую кафедру "владыка решительно расширяет границы своей юрисдикции", включая в нее большой круг вопросов, "вытекающих из имущественных отношений" (Янин 1970, т.2: 60).

Разумеется, мы не настаиваем на признании теократического характера новгородской государственности XII-XV вв. Эта проблема должна стать предметом специального исследования. Но замечу, что А.С. Хорошев, решительно отвергающий саму мысль о том, что новгородский владыка мог находиться "у руля государственного управления" (Хорошев 1980: 197), был вынужден признать: "Усиление роли новгородского владыки постоянно вызывало серьезные опасения боярской олигархии. Именно этим можно объяснить те защитные действия, которые были предприняты боярством перед лицом усиливающейся власти церковного князя. Защита была организована как на экономической, так и на правовой основе" (Хорошев 1980: 196). Полагаем, речь в данном случае может идти не о борьбе светской власти против вмешательства в ее полномочия власти духовной, а о противостоянии двух ветвей светской власти — исполнительной, главой которой являлся владыка, и представительной, сосредоточенной в руках управленческих структур, выступавших от имени "Всего Новгорода".

Разряд II.2: с изображением святого на реверсе.

П/II.2/9 (рис.2, 9). Ав: изображение креста (?). Рв: изображение святого воина в рост. Д.: 28-30 мм. В.: 10,88 г. Сохр.: булла сломана по каналу, склеена, поверхность аверса покрыта коррозией.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц. Изображение святого стилистически близко изображениям на печатях №№ 370, 371, 380-382 Корпуса, что позволяет относить публикуемую печать с наибольшим вероятием к концу XIII в.

Проблема принципиальной атрибуции печатей разряда II.2 остается предметом дискуссии. После исследований Н.П.Лихачева (1928: 51-52) можно считать установленным фактом, что печати данного разряда использовались русскими князьями. Но только ли князьям могли принадлежать сфрагистические регалии данного разряда? В.Л.Янин (1970, т.1: 152) атрибуировал печати № 324 и 325 с изображениями креста и Св.Федора новгородскому епископу Федору (1069-1077 гг.)

Принципиально возможность подобной атрибуции, естественно, исключена быть не может, поскольку, среди памятников русской сфрагистики XV в. известны случаи употребления новгородскими архиепископами именной буллы, несущей на аверсе изображение Христа или креста. Однако эти памятники обладают существенным отличием от печатей разряда II.1: сведения о персональной принадлежности буллы приведены в виде легенды, содержащей имя и титул владельца. Сфрагистическим эквивалентом для таких печатей является печать № 478 Корпуса, на аверсе которой помещено изображение креста, а на реверсе легенда "Печать владычня". Употребление новгородскими архиепископом сфрагистической регалии с символикой суверенности на аверсе представляется в свете сформулированной выше гипотезы о правовом статусе владыки (глава исполнительной власти) вполне вероятным. Но — только со времени пребывания на Софийской кафедре Аркадия, первого избранного новгородского владыки, то есть не ранее чем со второй половины 1150-х гг. Атрибуция печатей № 324 и 325 Корпуса новгородскому епископу третьей четверти XI в. представляется нам сомнительной: в домонгольской Руси именные владычные печати содержали сведения о владельце в форме легенды с именем и титулом владыки. Печати же с изображением Христа или его символов на аверсе и святого на реверсе не содержат в оформлении сфрагистического типа никаких указаний на принадлежность сфрагистической регалии к деятельности иерарха церкви.

Атрибуция печатей разряда II.1 новгородским посадникам, наиболее распространенная в литературе, также представляется нам недостаточно аргументированной. Основанием для атрибуции послужили общие соображения: среди изображенных на печатях рассматриваемого разряда святых имеются такие, которые могли бы быть тезоимениты новгородским посадникам XII в. А.А.Молчанов (1987: 28) и Б.Д.Ершевский (1982: 173-177), присоединившиеся к мнению В.Л.Янина, также опирались, прежде всего, на догадки о персональной принадлежности отдельных сфрагистических типов: дополнительных аргументов, по сравнению с аргументами Янина, в их исследованиях не содержится. Таким образом, для вывода о посадничьей принадлежности печатей разряда II.2 единственным основанием явилось совпадение имен некоторых известных по письменным источникам посадников с изображениями святых на части печатей, а также факт обнаруже-

* Такова печать № 475 Корпуса, скреплявшая от имени архиепископа Ионы Отенского жалованную грамоту Новгорода Соловецкому монастырю (ГВНП: № 96). На аверсе печати новгородского архиепископа Евфимия I (?) помещено изображение креста, а на реверсе — многострочная легенда, содержащая имя и титул владыки (булла не опубликована: хранится в фондах Псковского музея-заповедника; уп.: Белецкий 1994б: 14).

** Так, печати № 334 и 335 Корпуса, несущие на реверсе изображения Св.Захарии, соотнесены (Янин 1970, т.1: 152) с посадником Захарием (1161-1167), а печать № 336 Корпуса, на реверсе которой помещено изображение Св.Константина, атрибуированы (Янин 1970, т.1: 153) посаднику Костянтину Микульчичу (1136-1137, 1146-1147). "Если эти сопоставления правильны, то можно было бы догадываться, что подобные печати с изображениями святых Бориса, Прокопия, Гавриила принадлежали другим посадникам того же времени, но известным нам только по их языческим именам (Нежата, Судила, Якун и т.д.)", — отмечал В.Л.Янин (1970, т.1: 153). Но здесь же исследователь отмечал: предложенная гипотеза ослаблена "тем обстоятельством, что вполне однотипная с перечисленными печать, несущая изображение Св.Глеба (№ 333) и обнаруженная уже дважды, оба раза найдена вне Новгорода" (Янин 1970, т.1: 153).

ния печатей в Новгороде или вне Новгорода. Оба эти аргумента, на наш взгляд, убедительными не являются. Совпадение некоторых посадничьих имен с изображениями святых на печатях может быть случайным. Что же касается обнаружения большинства печатей данного разряда в Новгороде, то при атрибуировании сфрагистических памятников ни в коем случае нельзя забывать о специфике "новгородского происхождения" памятников: большинство булл, происходящих из Новгорода, либо обнаружено на берегах Сиверсова канала и связано с комплексом архивохранилища на Городище, либо топографически в черте Новгорода не приурочено, но с наибольшим вероятием также относится к комплексу находок, связанных с городищенским архивохранилищем (Янин 1970, т.1: 7). Об источниках поступления документов "на вечное хранение" в этот архив можно только догадываться. Конечно, какая-то часть документов из городищенского архива могла быть скреплена печатями в самом Новгороде. Однако, весьма вероятно, что многочисленные документы поступали в этот архив извне. И, следовательно, до проведения всестороннего анализа комплекса городищенского архива вряд ли можно опираться на печати, найденные на Городище, как на собственно новгородские по происхождению.

Зафиксированные в первом томе Корпуса буллы разряда II.2 имеют следующую географическую приуроченность (табл. 1).

Таблица 1

Новгород			вне Новгорода		
Городище	?	вне городища	Киев	Волковыссск	Гродно
1	9	3	3	1	1

Если не учитывать буллы, происходящие с Городища, а также буллы, не имеющие точной топографической привязки в черте Новгорода, то нетрудно убедиться: ни о каком подавляющем преобладании среди сопоставимых по происхождению находок новгородские материалы не дают — трем буллам из Новгорода противостоят три буллы киевского происхождения. С учетом же имеющихся в литературе сведений о новых находках, география памятников расширяется за счет Дорогобужа (Ровенская обл., Украина), Мстиславля (Беларусь) и Пскова (в черте последнего найдено не менее четырех печатей).

Все вышеизложенное позволяет рассматривать печати разряда II.2 в качестве регалий суверенного светского правителя, уточнения титула которого не требовалось. Не будет натяжкой считать, что в XI-XIII вв. единственная группа лиц на Руси, обладавшая правом печати и отвечающая сформулированным полномочиям сфрагистичес-

кой регалии — это князья. Именно на княжескую принадлежность сфрагистического разряда, как отмечал еще Н.П.Лихачев (1928: 51-52), указывают зафиксированные случаи сохранности печатей данного разряда при подлинных актах XIII — начала XIV вв.

Разряд II.3: с легендой на реверсе

П/II.3.ав/10 (рис.2, 10). Ав: изображение четырехконечного креста на подножии, выполненное двойным контуром, слева IG. Рv: надпись в четыре строки

[ГР]И
[ГО]РЬ[Є]
[В]А[П]Є
[Ч]АТ[Ь]

Д.: 25 мм. В.: 4,79 г. (фрагм., не менее 9 г). Сохр.: половинка буллы, сломанной по каналу, склеена из двух частей.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 538 Корпуса. На 1969 г. было известно 2 экземпляра от этой пары матриц (Янин 1970, т.2: 189), один из которых сохранялся при документе XV в. (ГВНП: № 240). Еще один экземпляр от той же пары матриц был найден в недавнее время в Ладозе (Белецкий, Петренко 1994: 189, № П/II/3.ав/Л-5). В.Л.Янин относит печать № 538 Корпуса к регалиям власти владычных Новгорода в чиновников Двинской земле и датирует документ, скрепленный этой печатью, 20-30-ми годами XV в. (Янин 1991:310). Соглашаясь с тем, что печать действительно принадлежала к числу регалий власти должностных лиц, деятельность которых была связана с Двинской землей, подчеркнем: из оформления сфрагистического типа не следует, что владелец печати представлял в Двинской земле именно новгородского архиепископа. Вопрос о печатях двинских грамот, на наш взгляд, требует нового исследования.

Класс III: печати с изображением Богоматери на аверсе

Разряд III.1: печати с изображением святого на реверсе

П/III.1/11 (рис.2, 11). Ав: изображение Богоматери в рост, по сторонам [МР] — ФУ. Ободок линейный. Рv: святой всадник влево с мечом в руке. Нимб точечный. Д.: 27-30 мм. В.: 13,43 г. Сохр.: поверхность аверса почти совершенно стерта, изображение и буквы читаются с большим трудом.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц. Матрица реверса чрезвычайно близка матрицам реверса у печатей № 386-388 Корпуса. Это позволяет датировать печать второй половиной XIII — началом XIV вв.

* Значительно более существенным аргументом в пользу гипотезы об использовании новгородскими посадниками печати с изображением Христа или его символов на аверсе являются печати № 580 и 581 Корпуса, атрибуированные новгородским посадникам. Однако обоим печатям можно адресовать те же соображения, что и именным владычным печатям с изображением на аверсе Христа или креста: для персонализации владельца оказывается обязательным включение в оформление сфрагистической регалии указание на титул владельца. В.А.Бузов (1977: 108) рассматривает изображение на аверсе печатей № 580-581 в качестве символа принадлежности владельцев к боярству Плотницкого конца Новгорода. Низведение смыслового значения изображения Христа до эмблематического сомнительно, но этот вопрос нуждается в специальном исследовании.

Публикуемая булла продолжает традицию домонгольской сфрагистики. Зафиксированные в Корпусе немногочисленные буллы XII в. с изображением Богоматери на аверсе и святого на реверсе (№ 313–321), по мнению В.Л.Янина, принадлежали в большинстве своем епископам, епархии которых находились в пределах княжеских владений: изображение святого, в этом случае, передавало имя князя, на территории владений которого находилась епархия, а изображение Богоматери в обобщенной форме свидетельствовало о епископской принадлежности буллы (Янин 1970, т.1: 148–150). В основе этой остроумной гипотезы, лежала к сожалению ничем не подкрепленная гипотеза о персональной принадлежности одной из печатей с изображениями святых на обеих сторонах (№ 225 Корпуса) епископу: изображение святого на одной из сторон исследователь считал патрональным святым владельца печати, а изображение святого на другой стороне — патрональным святым князя, в пределах владений которого находилась епископская кафедра. Единственным основанием для гипотезы стало редкое имя одного из святых, помещенных на печать № 225 — Св.Лазарь (Янин 1970, т.1: 129, 148). Однако принципиальная невозможность дешифровки печати с изображениями святых на обеих сторонах в качестве регалии власти лица, находившегося в зависимости от другого лица, снимает все вторичные по отношению к этой гипотезе построения.

В то же время принадлежность печатей разряда III.1 лицам, располагавшим властными полномочиями, предоставленными церковью, весьма вероятно: изображение Богоматери на средневековых русских печатях являлось общецерковным символом, и признавая это изображение в качестве символа юридических полномочий держателя буллотирия мы можем с большой степенью вероятности предполагать, что изображение святого, помещенного на реверсе печатей разряда III.1, было тезоименито держателю буллотирия. Есть ли основания относить владельцев печатей данного разряда к иерархам русской церкви, очевидно, покажут новые находки.

Разряд III.2: с легендой на реверсе

П/III.2.вд/12 (рис.2, 12). *Av*: изображение Богоматери Знамение в рост в сложном нимбе. *Rv*: надпись в четыре строки (первая строка и правая часть второй строки — под титлами)

ДЪДЪ

[А]РХИЄП^СПЪ
[Н]ОВЪГОР
[ОДЪ]СКИ

Д.: 27–28 мм. В.: 12,78 г. Сохр.: хорошая.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 460 Корпуса. На 1969 г. было известно 6 экземпляров от этой пары матриц (Янин 1970, т.2: 176), один из которых сохранился при договоре Новгорода с князем Михаилом Тверским 1317 г. (ГВНП: № 11). Печать атрибуирована новгородскому архиепископу Давиду, занимавшему кафедру в 1309–1325 г. (Янин 1970, т.2: 47). Публикуемый экзем-

пляр дополняет чтение надстрочных букв во второй строке надписи на реверсе.

Печати, несущие на аверсе изображение Богоматери, а на реверсе — легенду, содержащую имя и титул владельца, известны на Руси с рубежа XI–XII вв. Атрибуция этого сфрагистического разряда высшим церковным иерархам признается всеми исследователями. Однако в комментарии к экземпляру печати с именем Давида в легенде, найденному под Холмогорами (Белецкий, Овсяников 1994: 173–179), мы отмечали, что представительность сфрагистических групп новгородского происхождения XII–XIV вв., не одинакова (табл.2)

Таблица 2

новгородский архиепископ	тип	количество экземпляров
Нифонт (1131–1156)	2	4
Аркадий (1158–1163)	1	1
Илья (1165–1186)	2	2
Мартирий (1193–1199)	1	2
Митрофан (1201–1212, 1220–1223)	1	1
Антоний (1212–1220, 1225–1228)	1	1
Далмат (1251–1273)	1	5
Климент (1276–1299)	4	6
Феоктист (1300–1308)	1	7
Давид (1309–1325)	4	9
Моисей (1326–1330, 1352–1359)	5	6
Василий (1331–1352)	2	4
Алексий (1360–1388)	2	3
Иоанн (1389–1415)	1	1

В годы святительства новгородских владык XI–XIII вв. булла с изображением Богоматери на аверсе и легендой, содержащей имя и титул владыки на реверсе, безусловно (Янин 1970, т.1: 58, 59; т.2: 50) являлась личной печатью иерарха: один-два сфрагистических типа, характеризующих делопроизводство владыки, вполне соответствуют такому заключению, поскольку необходимость замены матриц печати могла диктоваться самыми разными обстоятельствами, в том числе — случайными (напр., порча матриц). Однако трудно заметить, что среди новгородских владык заметно выделяются архиепископы Климент, Давид и Моисей, располагавшие четырьмя-пятью адекватными сфрагистическими регалиями. Одновременное употребление в личном делопроизводстве новгородского архиепископа в конце XIII — первой трети XIV вв. нескольких полностью адекватных сфрагистических типов представляется немотивированным. Маловероятно и то, что именно в годы святительства Климента, Давида и Моисея происходило необычайно быстрое изнашивание матриц печати и требовалась частая замена матриц на новые. Для объяснения отмеченной особенности в статистике новгородских владычных печатей было высказано следующее предположение: на рубеже XIII–XIV вв. и в первой

* См ниже, в комментариях к печатям разряда VI.1.

трети XIV в. именные владычные печати не являлись личными сфрагистическими регалиями новгородских архиепископов, а употреблялись чиновниками, выступавшими в своей деятельности от лица владыки (Белецкий, Овсянников 1994: 178). Именно на это время приходится формирование института владычных наместников Новгорода. Со времен святительства Василия Калики фиксируется сокращение числа сфрагистических типов именной владычной печати до уровня, предшествовавшего святительству Климента. В это время уже существуют сформировавшиеся группы сфрагистических регалий, усвоенных владычным наместникам — ладожским, двинским, новоторжским. Можно думать, что с этого времени именная владычная печать вновь становится личной сфрагистической регалией новгородского архиепископа.

Класс IV: печати с изображением эмблемы на аверсе

Разряд IV.2: печати с изображением святого на реверсе

П/IV.2/13 (рис.3, 13). *Ав:* изображение двузубца прямоугольных очертаний. Концы зубцов отогнуты наружу, на правом зубце отрог внутрь. Ножка раздвоенная. *Рв:* изображение Св.Иоанна Предтечи в рост, слева фрагменты колончатой надписи, справа монограмма. *Д.:* 22 мм. *В.:* 7,6 г. *Сохр.:* хорошая.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 290 Корпуса. На 1969 г. был известен единственный экземпляр печати, найденный в Новгороде (Янин 1970, т.1: 218). Колончатая надпись на реверсе слева от святого уверенно читалась там **ОАГИОС**; надпись справа от святого оставалась не прочтена. В.Л.Янин полагал, что на печати помещено изображение либо Св.Андрея Первозванного, либо Св.Иоанна Предтечи (Янин 1970, т.1: 135). Последнее подтверждается монограммой Предтечи на публикуемом экземпляре печати. А.А.Молчанов убежден, что знак на аверсе печати принадлежал князю Роману Ростиславичу, а на реверсе печати изображен Св.Андрей Первозванный (Молчанов 1985: 75-76).

П/IV.2/14 (рис.3, 14). *Ав:* изображение двузубца колоколовидных очертаний, выполненное двойным контуром. Завершение левого зубца раздвоенное, завершение правого зубца отогнуто наружу. На правом зубце раздвоенный отрог внутрь. Ножка крестовидная. *Рв:* изображение Св.Иоанна в рост, справа колончатая надпись

**И
Ш
А
Н**

Д.: 19-20 мм. *В.:* 9,3 г. *Сохр.:* поверхности стон сильно стертые, фиксируются следы преднамеренной забивки изображений.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 304 Корпуса. На 1969 г. было известно 3 экземпляра от этой пары матриц (Янин 1970, т.1: 220, 236). Н.П.Лихачев первоначально полагал, что на печати помещено изображение Св.Федора (ЛСА: табл.VII-3, комм.), однако позднее, в коммента-

рии к другому экземпляру печати, отмечал, что иконографически изображенный на печати святой не имеет ничего общего со Св.Федором (Лихачев 1930: 206). В.Л.Янин отказался атрибутировать изображение на реверсе печати, повторив вслед за Лихачевым, что на печати изображен явно не Св.Федор (Янин 1970, т.1:137). А.А.Молчанов отказался комментировать печать № 304, отметив, что изображение святого неопределимо, а тамга трактована резчиком матриц настолько свободно, что не поддается формализации в единственном возможную графическую схему (Молчанов 1985: 80, примеч.55). Публикуемый экземпляр дополняет сведения о печати № 304 уточнением имени святого, изображенного на реверсе.

П/IV.2/15 (рис.3, 15). *Ав:* изображение тамгообразного знака в форме мачты с отрогом вправо, на котором помещен дополнительный отрог внутрь. *Рв:* поясное изображение Св.Глеба, слева надпись

**А
ГЛ**

Д.: 21 мм. *В.:* 5,3 г. *Сохр.:* хорошая.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц. Сходные знаки помещены на печатях № 308 и 309 Корпуса. По мнению, сформулированному В.Л.Яниным (1956: 10-15) и поддержанному А.А.Молчановым (1985: 81), знаки на этих печатях принадлежали князьям поколения правнуков Владимира Мономаха, а сами печати должны быть датированы в пределах первой четверти XIII в. Однако погрудное изображение святого на реверсе публикуемой печати стилистически ближе всего к изображениям святых на печатях № 284-286 Корпуса, знаки на аверсах которых достаточно определенно соотносятся со временем деятельности князей поколения внуков Мономаха (Молчанов 1985: 81; Белецкий, Крымов 1990: 233-246). Определенное соответствие изображенному на реверсе святому находим также в изображениях святых на печатях №№ 324, 325 и 331-333 Корпуса. В.Л.Янин датировал печати № 324, 325 и 331 второй половиной XI в., а печати № 332 и 333 относил к XII в. (Янин 1970, т.1: 152). Таким образом, стилистически публикуемая печать оказывается заметно старше т.н. "знаков в форме багра".

В этой связи обращает на себя внимание изображение знака на роговом навершии плети (рис.3, б) из раскопок Рюрикова городища под Новгородом. О тождестве этого знака со знаком на аверсе публикуемой печати речи нет, однако принципиальное сходство знаков очевидно: знак на навершии плети, фактически, представляет собой зеркальный вариант знака, изображенного на публикуемой печати. Стратиграфическая датировка навершия — 1059-1083 гг. (Носов 1990: 83-84, рис.34:9).

Е.Н.Носов полагает, что знак на навершии плети аналогичен знаку на деревянном цилиндре из Михайловского раскопа в Новгороде (рис.3, а): цилиндр обнаружен в слое 1059-1083 гг. (Янин 1982: 140), а знак на нем, продублированный дважды, атрибутирован В.Л.Яниным князю Глебу Святославичу (Янин 1982: 151, рис.9). Знак, аналогичный знакам на деревянном цилиндре (рис.3, в), был зафиксирован также на деревянной палочке (Колчин 1968: 22, рис.12, 7), найденной в Не-

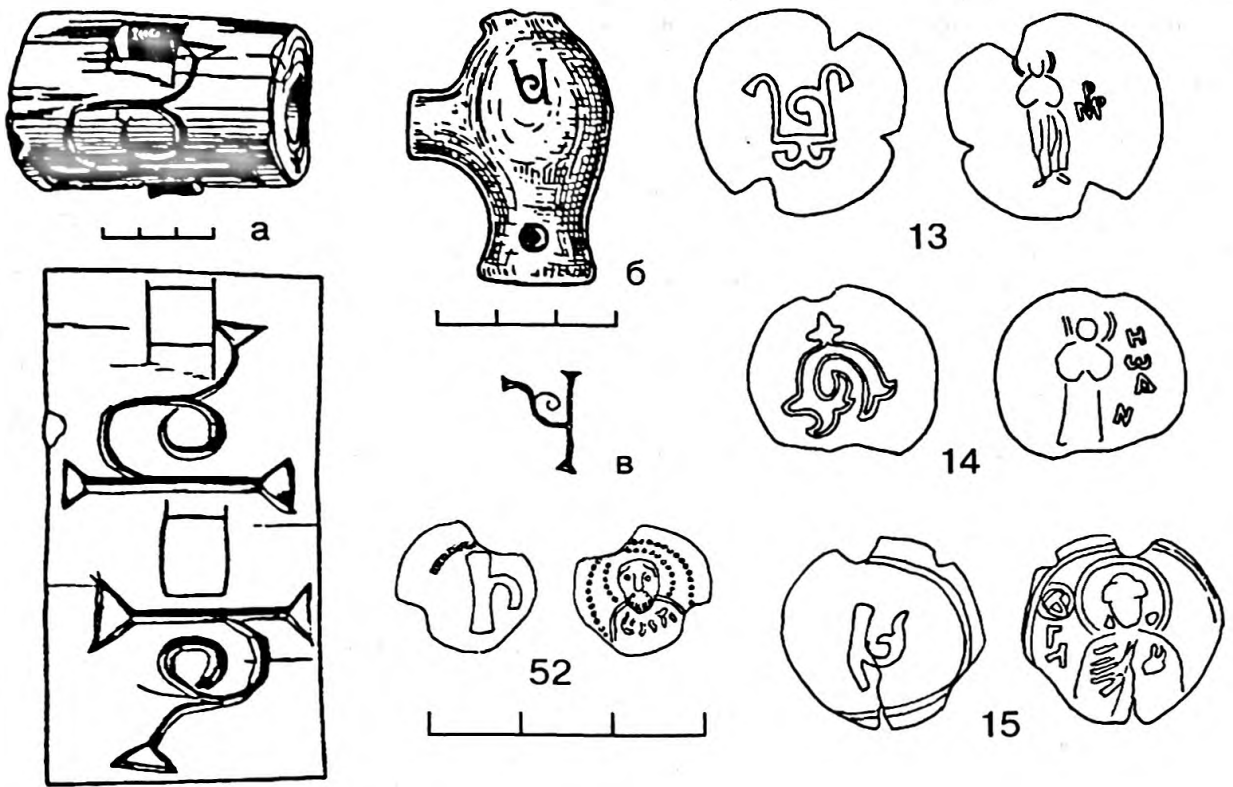


Рис.3. Печати (13-15) и пломба (52) разряда IV.2 и предметы с изображениями княжеских знаков (а-в)

ревском раскопе в слое 21 яруса (1096-1116).^{*} Действительно, знаки на цилиндре и деревянной палочке идентичны, однако утверждать аналогичность этих знаков знаку на костяном навершии плети из Рюрикова городища мы не рискуем: между ними больше различий, нежели сходства. Однако сам факт присутствия на рубеже XI-XII вв. княжеских знаков, отличных от двузубца и трезубца, представляется весьма знаменательным: очевидно, относятся знаки, подобные знаку на деревянном цилиндре, роговом навершии плети или публикуемой печати к типу багровидных знаков до детального изучения последних не следует.

В любом случае, знак на костяном навершии вряд ли может быть датирован временем позднее, чем рубеж XI-XII вв. Публикуемую же печать рискуем датировать серединой XII в. В пользу сравнительно раннего времени свидетельствует, прежде всего, стилистическое сходство изображенного на реверсе Св.Глеба с изображениями святых на печатях второй половины XI – первой половины XII вв. С другой стороны, тип заготовки (тонкая, цельнолитая, с округлым гуртом) вряд ли появляется ранее второй половины XII в., хотя в дальнейшем такие заготовки употребляются длительное время.

Сфрагистический разряд, отличительной особенностью которого является помещение на аверсе

печати тамгообразного знака, давно известен в литературе. Знаки в виде двузубцев или трезубцев и производные от них традиционно рассматриваются как лично-родовые знаки представителей рода Рюриковичей. Долгое время печати с изображением тамги на аверсе расценивались в качестве сфрагистических регалий самих князей. Только после работ В.Л.Янина (Янин 1970, т.1:141-146) принадлежность печатей княжеским чиновникам стала очевидной. Позднее А.А.Молчанов связал печати с деятельностью новгородских посадников (Молчанов 1985; 1987), предложив для большинства печатей данного разряда версии персонификации, некоторые из которых представляются весьма вероятными (Белецкий, Крымов 1990: 240-241).

Соглашаясь с принципиальной оценкой сфрагистического разряда, предложенной А.А. Молчановым, подчеркнем: лично-родовой знак, подтверждающий принадлежность владельца к княжескому роду, являлся на Руси таким же символом власти, каким в государствах центральной и западной Европы являлся герб. Уже одно это дает основание предполагать, что наследование тамги должно было быть подчинено определенным, достаточно строгим правилам. До тех пор, пока эти правила не будут выявлены любые версии персонификаций для печатей разряда IV.2

* Вместе с ним на той же палочке был процарапан двузубец прямоугольных очертаний, достаточно определенно атрибутированный Мстиславу Великому (Молчанов 1985: 82, табл.II).

** Во всяком случае, мы не решаемся объединять знаки на деревянном цилиндре (рис.3, а) и можжевелевой палочке (рис.3, в) из Новгорода со знаками на печатях № 305-309 Корпуса в одну группу (ср.: Ершевский 1994: 109-111).

(как и других разрядов печатей, несущих изображение тамги) останутся не более, чем гипотезами.

Существенно и то обстоятельство, что до сих пор большинство попыток осмыслить печати с княжескими знаками предпринимались исключительно в рамках массива актовых печатей, без учета сходства или различий этих памятников с адекватно оформленными пломбами. А.А.Молчанов специально подчеркивал: "При работе с однотипными по композиционному оформлению буллами и пломбами атрибуция пломб может достаточно успешно и обоснованно следовать пока только за атрибуцией булл" (Молчанов 1985: 72). Понять эту позицию можно: актовая принадлежность печатей установлена достаточно определенно, зато о функциях пломб мы пока можем только догадываться. Однако ограничившись исключительно печатями, мы неизбежно теряем возможность сравнительного анализа с неизмеримо более представительным массивом хронологически одновременных и близкородственных памятников. Напомним, что граница между собственно печатями и пломбами достаточно неочетлива, и это уже привело к включению в Корпус актовых печатей безусловных пломб (Янин 1970, т.1: № 299, 305, 308). Совместное осмысление двух категорий сфрагистических памятников вряд ли корректно, однако это не означает, что методы прочтения печати отличались от методов прочтения пломб, особенно в тех случаях, когда пломба и печать были оформлены адекватно. Без сопоставления между собой двух массивов близкородственных источников разобраться в каждом из них в отдельности по меньшей мере сложно. Опыт такого сопоставления (Белецкий 1992б: 5-8) показал, что массивы пломб и печатей разряда IV.2 из Новгорода формировались независимо друг от друга, и это дает основание утверждать по крайней мере, различную принадлежность памятников. Но уверенно утверждать функциональные различия между адекватно оформленными печатями и пломбами (Молчанов 1985: 72), все-таки, преждевременно.

Разряд IV.3: печати с изображением святого на реверсе

П/IV.3/16 (рис.4, 16). *Av*: изображение зверя влево. *Rv*: надпись в четыре строки

П[Є]ЧАТ
[Ь]ВЕЛИКОГ
[О]НОВАГО
[Р]ОДА

1) *Д.*: 24-28 мм. *В.*: 3,3 г (фрагм., не менее 4 г). *Сохранение*: сломана по каналу, склеена, изображение на аверсе почти не читается; 2) *Д.*: 26-28 мм. *В.*: 6,42 г (фрагм., не менее 7 г). *Сохранение*: сломана по каналу, почти не читается.

Буллы оттиснуты той же парой матриц, что и № 732 Корпуса. На 1969 г. было известно не менее 3 экземпляров от этой пары матриц, найденных в Новгороде (Янин 1970, т.2: 225). Печать принад-

лежала делопроизводству новгородского Совета Господ XV в. (Янин 1970, т.2: 126-132).

В Корпусе В.Л.Янина зафиксировано не менее 80 моливдовулов данного разряда, оттиснутых 47 (51) парами матриц; 38 моливдовулов от 26 (30) пар матриц несут на аверсе изображение зверя. В.Л.Янин рассматривает печати с формулами "Печать новгородская" и "Печать Великого Новгорода" в качестве атрибутов юрисдикции новгородского Совета Господ XV в. (Янин 1962: 349-362; Янин 1970, т.2: 128-130; Древняя Русь 1985:379).

Класс V: с изображением композиции на тему Писания на аверсе

Разряд V.1: с изображением святого на реверсе

П/V.1/17 (рис.4, 17). *Av*: изображение композиции Благовещение, справа фрагмент надписи [БЛГОВЕ]ЩЬННЄ (Ь зеркально). *Rv*: изображение Св.Иоанна предтечи в рост, справа IW под титулом, слева монограмма. 1) *Д.*: 17-19 мм. *В.*: 4,73 г (фрагм., не менее 5 г). *Сохранение*: сильно стерта, снизу обломана. 2) *Д.*: 20-21 мм. *В.*: 4,07 г (фрагм., не менее 5 г). *Сохранение*: верхняя левая часть обломана; 3) *Д.*: 19-20 мм. *В.*: 4,72 г. *Сохранение*: подвергнута грубой механической чистке, поверхности сторон частично зашлифованы.

Печати оттиснуты той же парой матриц, что и № 138 Корпуса. На 1969 г. было известно 12 экземпляров от этой пары матриц. Все они происходят из Новгорода, причем 5 — с Городища (Янин 1970, т.1: 195). В.Л.Янин атрибуировал печать № 138 малолетнему князю Владимиру Всеволодичу, занимавшему в 1136 г. на протяжении нескольких дней новгородский стол после изгнания из Новгорода его отца (Янин 1970, т.1: 109-110). Вместе с другими печатями, несущими на аверсе изображение Благовещения, печати рассмотренных типов причислены В.Л.Яниным к обширному сфрагистическому разряду, объединенному изображениями святых на обеих сторонах; эти изображения несут в себе символическую передачу крестильных имен владельца печати и его отца. Однако еще Н.П.Лихачев подчеркивал, что изображение композиции Благовещение не может быть истолковано как синонимичное изображению архангела Гавриила (Лихачев 1930:33-36), и это представляется справедливым. Довод В.Л.Янина, напомнившего о возведении ц.Благовещение с Городища Мстиславом Великим в связи с рождением сына Всеволода, крещеного Гавриилом (Янин 1970, т.1:108,109), вряд ли подкрепляет гипотезу об атрибуции печатей: случай возведения в домонгольской Руси храмов с посвящением именно архангелу Гавриилу, кажется, не известны (в отличие от храмов и монастырей, посвященных либо архангелу Михаилу, либо — архангелам Михаилу и Гавриилу), так что строительство ц.Благовещение в связи с рождением лица, крещеного Гавриилом, еще не означает, что

* Именно поэтому попытка Б.Д.Ершевского объединить пломбы и печати с изображениями княжеских знаков и затем интерпретировать их как единый массив источника (Ершевский 1978а; 1978б; 1979), представляется неоправданной. На недостаточную корректность выводов при таком подходе к источнику указывал, кстати говоря, и А.А.Молчанов (1985: 69-80).

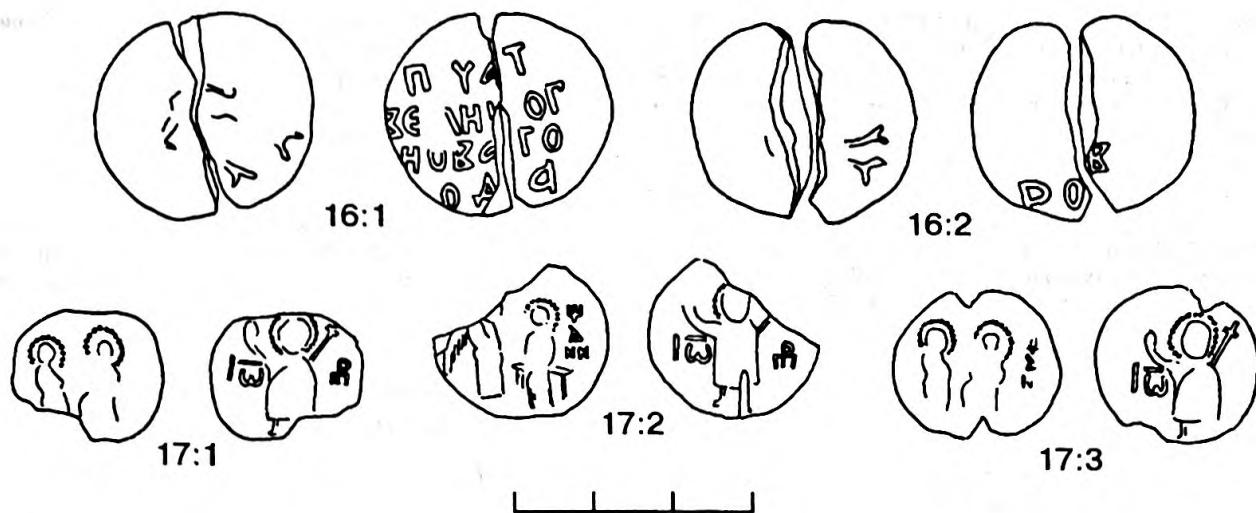


Рис.4. Печати разрядов IV.3 (16:1, 16:2) и V.1 (17:1 – 17:3)

для символического обозначения имени Гавриил на печати следовало поместить изображение композиции Благовещение: теоретически эта композиция могла бы с равным основанием расцениваться в качестве символического обозначения имени Мария. Полагаем, что печати с изображением композиции Благовещение и святого не имеют отношения к разряду печатей с изображениями святых на обеих сторонах. В качестве альтернативной версии была высказана гипотеза, согласно которой изображение композиции на аверсе печати передает в символической форме сведения о храме или монастыре, от лица которого выступал в своей деятельности держатель буллотирия. Печатами № 138 и 139, мог скреплять документы до своего рукоположения в новгородские епископы один из ктиторов Благовещенского монастыря в Новгороде, новгородский владыка Илья-Иоанн (Белецкий, Петренко, 1994: 203).

Класс VI: печати с изображением святого на аверсе

Разряд VI.1: печати с изображением святого на реверсе

Печати с изображением святых на обеих сторонах традиционно связываются в деятельности русских князей XII–XIII вв. Принципиальная атрибуция разряда установлена Н.П.Лихачевым; он же показал, что изображения святых на печатях передают крестильные имена владельца печати и его отца (Лихачев 1928:12-66), то есть – крестильные имя и отчество держателя буллотирия (Янин 1970, т.1:88).

В.Л.Янин первым систематизировал огромное число известных печатей данного разряда. Выяснилось, что на 1969 г. включительно наука располагала сведениями о 402 буллах, оттиснутых 138 парами матриц. Опираясь на географическую приуроченность подавляющего большинства на-

ходок к Новгороду, исследователь допускал, что места находок печатей в подавляющем большинстве случаев должны соответствовать местонахождению резиденции держателя буллотирия. Поэтому, за основу персональных атрибуций в Корпусе был взят список новгородских князей XII – первой трети XIII вв., и во всех рассуждениях В.Л.Янин исходил из сроков пребывания князей на новгородском столе.

Подобный подход вызывает решительный протест. Значительная часть находок из Новгорода происходит с Рюрикова городища, что связывает буллы с документами, находившимися в крупном архивохранилище на Городище. Об источниках поступления документов "на вечное хранение" в этот архив можно только догадываться. Конечно, какая-то часть документов из городищенского архива могла быть скреплена печатями в самом Новгороде. Однако, весьма вероятно, что многочисленные документы поступали в этот архив извне. И, следовательно, до проведения анализа городищенского архива вряд ли можно опираться на печати, найденные на Городище, как на собственно новгородские по происхождению.

Если же сравнивать количество печатей с изображениями святых на обеих сторонах, происходящих из Новгорода и из других крупных центров Руси (табл.3), без учета комплекса городищенских находок и находок, в черте Новгорода не приуроченных (городищенское происхождение последних, по мнению В.Л.Янина, весьма вероятно, см.: Янин 1970, т.1:7), то ни о каком преобладании новгородских материалов говорить не приходится.

Таблица 3

Городище	Новгород		вне Новгорода		
	?	вне городища	Киев	Ладога	Псков
81	185	11	7	10	10

* В.Л.Янин приводит другую итоговую таблицу: 432 буллы от 151 пары матриц без учета аналогичных печатей второй половины XIII - начала XIV вв. (Янин 1970, т.2:239). Расхождение объясняется тем, что в Корпусе в этот разряд включены печати с изображениями композиции, а также парных святых.

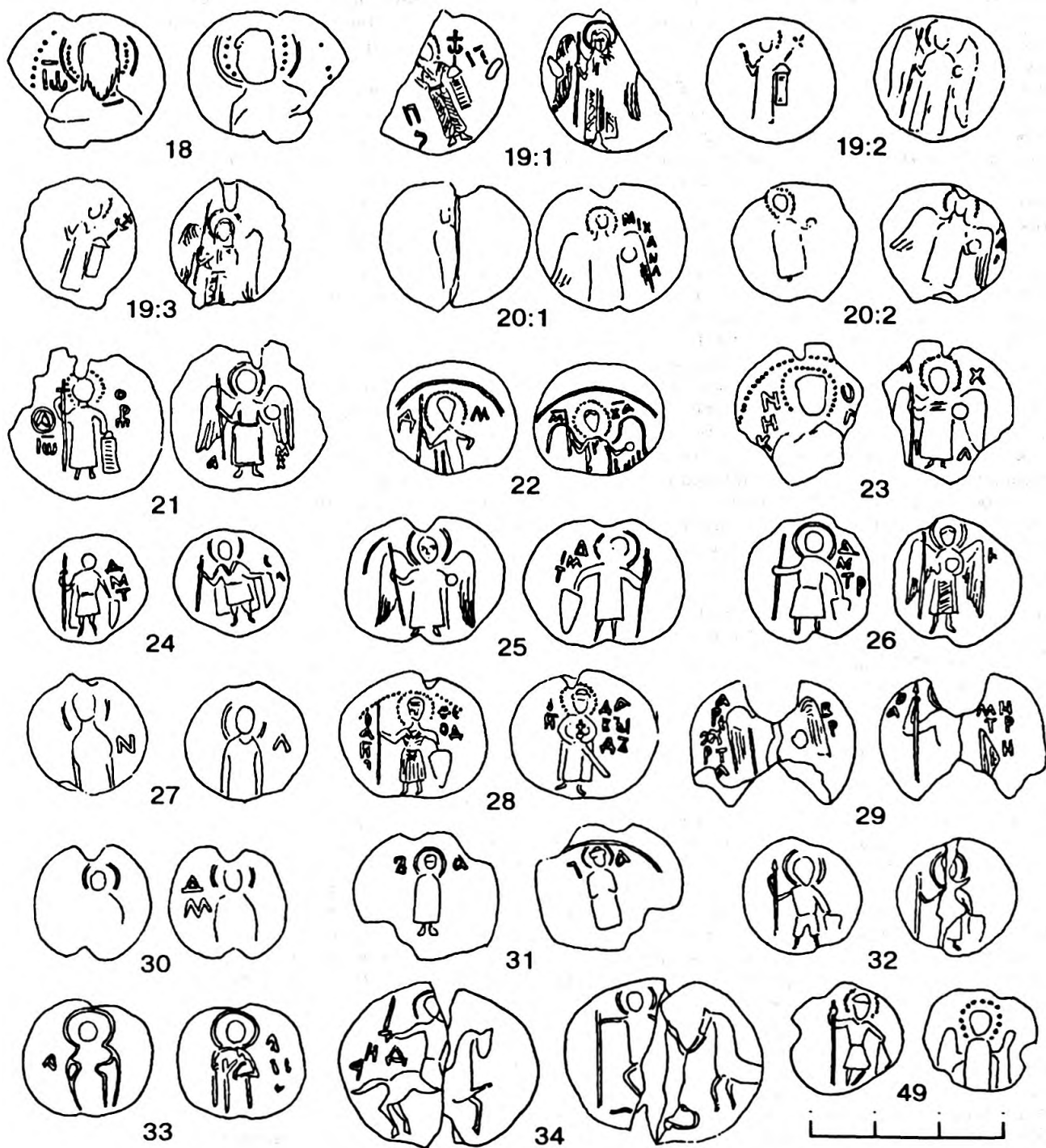


Рис.5. Печати разряда VI.1 (18-34,49)

Следовательно, вряд ли правомерно использовать в качестве опорных сведений для персонификации печатей список новгородских князей. В расчет, вероятно, следует принимать все известные сведения о представителях княжеских родов на Руси. При этом необходимо учитывать князей не только XII – первой трети XIII вв., но и лиц более

позднего времени: традиция использования русскими князьями печатей с изображениями святых на обеих сторонах прослеживается на протяжении всего XIII в. и даже в начале XIV в., что надежно зафиксировано буллами, сохранившимися при подлинных актах (Янин 1970, т.2: № 380, 1,2; 401, 1-3). Поэтому не исключено, что среди печатей,

отнесенных в Корпусе к XII — началу XIII вв., какая-то часть булл может в действительности датироваться несколько более поздним временем.

Признавая печати рассматриваемого разряда в качестве эквивалента личной подписи владельца, мы неизбежно приходим к выводу об отсутствии у этих печатей юридической символики: обе стороны буллы заняты информацией о персональной принадлежности печатей. Иными словами, печати с изображениями святых на обеих сторонах лишены юридического аверса: принимая за лицевую сторону буллы ту ее сторону, на которой помещено изображение святого, тезоименного самому владельцу печати, мы лишь определяем "начало подписи", "окончание" которой, фиксирующее "отчество" владельца, перенесено на обратную сторону. Такое оформление буллы, на наш взгляд, является свидетельством неофициального характера печатей рассматриваемого разряда (Белецкий С. 1990б). И, следовательно, печати не принадлежали к числу юридических регалий власти русских князей, а являлись их личными печатями, предназначенными, в первую очередь, для частной (неофициальной) переписки.

Сказанное противоречит существующему мнению, согласно которому печатью с изображениями святых на обеих сторонах скреплялись частные акты. Утверждение последних, по мнению В.Л.Янина, входило в полномочия новгородского князя после событий 1136 г. (Янин 1962:81; Янин 1970, т.1:156-159; Древняя Русь... 1985: 378.379). Однако напомним, что в основе вывода о перераспределении полномочий между князем и республиканскими властями Новгорода после 1136 г. лежит гипотеза о расцвете в Новгороде с 1130-х годов института княжеской печати при одновременном затухании этой традиции в других центрах и областях Руси (Янин 1962:81; Янин 1970, т.1:156-159). Гипотеза же это обосновывается признанием новгородскими по происхождению печатей, составивших комплекс сфрагистических находок на Рюриковом городище. Отказавшись признать печати из городищенского комплекса исключительно новгородскими, мы должны, таким образом, отказаться и от гипотез, вторичных по отношению к этому заключению. Иными словами, нет никаких оснований для признания печатей с изображениями святых на обеих сторонах в качестве регалий княжеского суда в Новгороде.

Принципиальная невозможность определить у печатей разряда VI.1 аверс и отсутствие в сфрагистической символике данного разряда какого бы то ни было намека на полномочия владельца заставляет вернуться к проблеме атрибуции печати № 225 Корпуса. Гипотеза В.Л.Янина о возможной связи печати № 225 Корпуса с деятельностью переяславского епископа Лазаря потребовала от исследователя истолковать изображение Св. Василия на печати в качестве символического обозначения имени князя Владимира-Василия Мономаха, современником которого был переяславский епископ (Янин 1970: т.1: 129, 148). Из этого был сделан вывод: "В группе булл с патрональными изображениями двух святых могут оказаться не только княжеские печати" (Янин 1970, т.1: 129). Но этот допуск ставит под сомнение все предложенные исследователем для сфрагистических

типов данного разряда атрибуции, так как вызывает сомнение в правильности истолкования изображений святых в качестве символов крестильных имени и отчества владельца печати: при справедливости персональной атрибуции печати № 225 Корпуса, изображения святых на печатях рассматриваемого разряда теоретически могли обозначать не христианские имя и отчество владельца, а крестильные имена сюзерена и вассала. Нам представляется, что ставить под сомнение надежно аргументированное смысловое значение изображений святых на печатях данного разряда на основании одной, оставшейся ничем не аргументированной гипотезы, было бы по меньшей мере преждевременным.

Но дело даже не в этом. В.Л. Янин, допускает, что сходно оформленные сфрагистические типы могли использоваться представителями различных институтов власти, а символика изображений могла нести в различных контекстах различную смысловую нагрузку. Нам представляется это принципиально неверным. Функцией печати являлось утверждение письменного документа. Любой современник теоретически должен был иметь возможность проверить достоверность документа, то есть — факт утверждения документа конкретным должностным лицом, а также право этого лица совершить данное юридическое действие. Таким образом, тип печати должен был легко "читаться" современником, то есть — составляться из ряда признаков, сочетание которых указывало бы на принадлежность документа юрисдикции представителя конкретного института власти. В то же самое время, конкретно-информативные признаки должны были позволить не менее определенно устанавливать персональную принадлежность печати конкретному лицу (органу власти), утвердившему документ. Гипотеза об одновременном использовании представителями различных ветвей власти одинаково оформленных сфрагистических регалий, а равным образом, вывод об усвоении различного смыслового содержания одинаковыми по форме символами, предполагают отсутствие в средневековой русской сфрагистике каких бы то ни было правил оформления печати. В основе же такого допущения лежат догадки относительно персональной атрибуции конкретных моливдовулов, опирающиеся на географическую приуроченность находок, то есть — на ту же самую гипотезу о соответствии места находки буллы месту скрепления документа.

Таким образом, значительная часть персональных атрибуций, предложенных для печатей разряда VI.1 представляются нам сугубо предварительными: они требуют проверки на более широком основании, нежели список князей, в разные годы занимавших новгородский стол. Тем не менее, мы сохраняем в комментариях к публикуемым печатям эти атрибуции в качестве хронологического ориентира.

П/VI.1/18 (рис.5, 18). *Л.с.*: погрудное изображение Св.Иоанна Предтечи в сложном нимбе, слева над плечом **ИВ** под титлом. *О.с.*: погрудное изображение святого в сложном нимбе. *Д.*: 20-25 мм. *В.*: 8,3 г (фрагм., не менее 8,5 г). *Сохранение*: сильно стерта, правый край обломан.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и

№ 281 Корпуса. Она была известна по фотографии из архива ИИМК (Янин 1970, т.1: 218), на которой надписи не читались. Погрудные изображения святых на древнерусских печатах — признак в целом достаточно архаичный. Рискнем предположить, что датировка печати не выходит из XII в., причем с большим вероятием следовало бы говорить о первой половине этого столетия, если даже не о рубеже XI-XII вв. В пользу ранней датировки свидетельствует также тип омеги на аверсе — с высокой центральной мачтой (Шепкин 1967: 112-113).

П/VI.1/19 (рис.5, 19). Л.с.: изображение Св.Иоанна Предтечи в рост, по сторонам остатки колончатых надписей (правая колонка зеркально; IW в левой колонке под титлом)

[OA] IW
IG [IP]
[O]
S

О.с.: изображение архангела Михаила в рост, над крылом справа следы надписи. 1) Д.: 23 мм. В.: 4, 8 г (фрагм., не менее 6,5 г). Сохр.: левый край обломан; 2) Д.: 20 мм. В.: 6,69 г. Сохр.: сильно стерта; 3) Д.: 17-19 мм. В.: 5,65 г. Сохр.: сильно стерта.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 160 Корпуса. На 1969 г. было известно 35 экземпляров от этой пары матриц: 28 булл происходит из Новгорода (8 — с Городища, 2 — в Неревском раскопе), происхождение 7 булл не установлено (Янин 1970, т.1: 198, 199, 235). Один из экземпляров, найденных при раскопках, происходит из слоя 17 яруса (1178-1197), второй — из слоя 13-14 ярусов (1238-1281).

П/VI.1/20 (рис.5, 20). Л.с.: изображение Св.Иоанна Предтечи в рост. О.с.: изображение архангела Михаила в рост, над правым крылом МИХАИЛ. 1) Д.: 21-24 мм. В.: 6,92 г. Сохр.: поверхность л.с. почти совершенно стерта; 2) Д.: 19-20 мм. В.: 5,3 г. Сохр.: сильно стерта.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 161 Корпуса. На 1969 г. было известно 6 экземпляров от этой пары матриц: 5 булл происходит из Новгорода, происхождение шестой не установлено (Янин 1970, т.1: 199).

П/VI.1/21 (рис.5, 21). Л.с.: изображение Св.Иоанна Предтечи в рост, справа надпись (IW под титлом)

A
IW

О.с.: изображение архангела Михаила в рост, по сторонам надписи

A M
X

Д.: 23-24 мм. В.: 8,35 г. Сохр.: обломана по краям.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 162 Корпуса. На 1969 г. был известен единственный экземпляр от этой пары матриц, происходящий из Новгорода (Янин 1970, т.1: 199).

В.Л.Янин (1970, т.1: 114) атрибуирует печати № 160-162 Корпуса князю Святославу Ростиславичу (уп. 1154 г., + 1170 г.).

П/VI.1/22 (рис.5, 22). Л.с.: изображение Св.Дмитрия в рост, по сторонам Д — М. Ободок жгутиковый. О.с.: изображение архангела Михаи-

ла в рост, по сторонам М — ХА под титлами. Д.: 18-20 мм. В.: 4,96 г. Сохр.: стерта, надписи читаются плохо.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 189 Корпуса. На 1969 г. было известно 4 экземпляра от этой пары матриц: три буллы происходят из Новгорода (1 — с Городища), происхождение четвертой не установлено (Янин 1970, т.1: 204, 235). В.Л.Янин (1970, т.1: 114, 115) атрибуирует печать № 189 князю Ярославу Владимировичу (уп. с 1181 по 1205 г.).

П/VI.1/23 (рис.5, 23). Л.с.: изображение Св.Николая Мирликийского, по сторонам фрагменты колончатых надписей, ободок точечный

Н O
И Л
К [A]

О.с.: изображение архангела Михаила в рост, в точечном нимбе, по сторонам фрагменты колончатых надписей

M X
I A

Д.: 21 мм (вдоль канала). В.: 8,3 г (фрагм., не менее 10 г). Сохр.: обломана по краям.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 141 Корпуса. На 1969 г. был известен единственный экземпляр от этой пары матриц, происходящий с Городища под Новгородом (Янин 1970, т.1: 195). В.Л.Янин (1970, т.1: 104-105) атрибуирует печать князю Святополку Ольговичу (уп. 1107 г., + 1164 г.).

П/VI.1/24 (рис.5, 24). Л.с.: изображение Св.Дмитрия в рост, справа фрагмент колончатой надписи

A
M
T

О.с.: изображение святого воина в рост, по сторонам фрагменты нечитаемых букв. Д.: 17-18 мм. В.: 6,12 г. Сохр.: стерта, буквы читаются плохо.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц, может быть датирована домонгольским временем.

П/VI.1/25 (рис.5, 25). Л.с.: изображение архангела в рост. О.с.: изображение Св.Дмитрия в рост, слева колончатая надпись

A
IM
T

Д.: 21-25 мм. В.: 7,3 г. Сохр.: стерта.

Матрица реверса у печати совпадает с матрицей печати № 198 Корпуса, матрица аверса ранее не фиксировалась. Печать № 198 В.Л.Янин (1970, т.1: 106-107) атрибуирует печать князю Святославу Всеволодичу (р. 1196 г., + 1252 г.).

П/VI.1/26 (рис.5, 26). Л.с.: изображение Св.Дмитрия в рост, справа колончатая надпись

A
M
TP

О.с.: изображение архангела в рост, справа И (возможно, фрагмент надписи [M]И[ХАИЛ]). Д.: 19-20 мм. В.: 6,62 г. Сохр.: хорошая.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц. Близка печатям № 189-191 Корпуса, атрибуированным В.Л.Яниным князю Ярославу Владимировичу (см. П/VI.1/22). Булла может быть датирована домонгольским временем.

П/VI.1/27 (рис.5, 27). Л.с.: изображение Св.Иоанна Предтечи в рост, слева Н ([ИВ] — [А]Н[О]). О.с.: изображение Св.Пантелеймона в рост, слева Л ([ПАН] — [Т]Л[М]). Д.: 19-20 мм. В.: 5,7 г. Сохр.: сильно стерта.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 149 Корпуса. На 1969 г. было известно 5 экземпляров от этой пары матриц, происходящие из Новгорода, в том числе — один с Городища (Янин 1970, т.1, с.196). По мнению В.Л.Янина (1970, т.1: 103-104), печать № 149 принадлежала князю Ярославу Изяславичу (уп. с 1147 по 1175 г.), однако, на наш взгляд, это маловероятно: стилистически печать не может быть датирована ранее XIII в.

П/VI.1/28 (рис.5, 28). Л.с.: изображение Св.Федора в рост, по сторонам колончатые надписи, ободок точечный

О	ѠѢ
А	ОД[О]
П	[Р]
[О]	
[Г]	

О.с.: изображение святого мученика в княжеской шапке в рост, по сторонам колончатые надписи

О	ДА
[А]П	ВЫ
[О]	ДЪ
[Г]	

Д.: 20-22 мм. В.: 7,76 г. Сохр.: хорошая.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 193 Корпуса. На 1969 г. было известно 8 экземпляров от этой пары матриц, происходящие из Новгорода, в том числе — один с Городища (Янин 1970, т.1, с.205, 235). Изображенный на реверсе святой не имеет ничего общего с изображением святого Давида: на печати помещено изображение святого безбородого мученика в типе Св.Глеба. В.Л.Янин, комментируя борисоглебские печати, отмечал, что крестильное имя Давид выступало синонимом крестильному имени Глеб, поскольку князь Глеб Владимирович в крещении носил имя Давид (Янин 1970, т.1: 93-94); печать № 193 Янин атрибуировал князю Мстиславу Давидовичу (р. 1183 г., +1230 г.) — внуку Ростислава Смоленского. Важным дополнением к уже известной информации о печати № 193 является хорошо читающееся на публикуемом экземпляре изображение меча у пояса святого, изображенного на реверсе.

П/VI.1/29 (рис.5, 29). Л.с.: изображение архангела Гавриила в рост, по сторонам колончатые надписи, С в левой колонке зеркально

А	[А]
Р	В
СХ ^б	Р
РТ	[И]
[Г]	[ЛЪ]

О.с.: изображение Св.Дмитрия в рост, по сторонам колончатые надписи

О	[А]
А	МИ
[ГИ]	ТР
[W]	И
[Г]	

Д.: 25 мм. В.: 5,21 г. Сохр.: сломана по каналу, значительные утраты сверху и снизу вдоль канала.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и

№ 199 Корпуса. На 1969 г. было известно 8 экземпляров от этой пары матриц: 6 происходят из Новгорода, (2 — с Городища), происхождение еще двух не установлено. (Янин 1970, т.1, с.205, 235). Дополнением к уже имеющимся данным является отчетливо читающаяся буква А в левой колонке на аверсе буллы. По мнению В.Л.Янина (1970, т.1: 106-107), печать № 199 принадлежала князю Святославу Всеволодичу (см. комм. к П/VI.1/25.).

П/VI.1/30 (рис.5, 30). Л.с.: изображение святого в рост, по сторонам остатки надписей. О.с.: изображение Св.Дмитрия в рост, слева фрагмент колончатой надписи

А
М

Д.: 18-19 мм. В.: 5,21 г. Сохр.: сильно стерта.

Как будто бы, булла принадлежит неизвестной паре матриц. Датировка печати домонгольским временем весьма вероятна.

П/VI.1/31 (рис.5, 31). Л.с.: изображение Св.Бориса в рост, по сторонам Б — А, вырезанные на матрице без учета на оттиск. О.с.: изображение Св.Глеба в рост, слева Г. Д.: 20-23 мм. В.: 5,77 г (фрагм., не менее 7 г). Сохр.: сильно стерта, края обломаны.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц, датируется домонгольским временем.

П/VI.1/32 (рис.5, 32). Л.с.: изображение святого воина в рост. О.с.: изображение святого воина в рост. Д.: 18 мм. В.: 3,64 г (фрагм., не менее 4 г). Сохр.: утраты на о.с. вдоль канала, сильно стерта.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц, датируется домонгольским временем.

П/VI.1/33 (рис.5, 33). Л.с.: изображение святого поклоенно, слева А (зеркально). О.с.: изображение святого поклоенно, справа фрагменты надписи. Д.: 18-20 мм. В.: 4,14 г. Сохр.: сильно стерта.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц. Ее особенностью является фактически полное отсутствие рельефа: матрицы были изготовлены путем прорезания по основе глубокими желобками схематичных контуров изображений и букв надписей. Определенное сходство с публикуемой печатью обнаруживают печати № 218 и 219 Корпуса, оттиснутые, по мнению В.Л.Янина, одной и той же парой матриц, использованных у печати № 219 с подправленными надписями (Янин 1970, т.1: 95-98). Аргировул, оттиснутый матрицами печати № 219 сохранился при экземпляре К Смоленской Правды (СГ: 16). Т.А.Сумникова и В.В.Лопатин полагают, что этот экземпляр датируется 1223-1225 гг. (СГ: 15-17). Комментируя печати, скреплявшие Смоленские грамоты, В.Л.Янин считал, что печать № 219 принадлежала смоленскому князю середины XIII в. Ростиславу Мстиславичу (Янин 1970, т.1: 95-98). В любом случае, датировка публикуемой печати вряд ли выходит из XIII в.

П/VI.1/34 (рис.5, 34). Л.с.: изображение Св.Александра на коне, слева НАР (фрагмент надписи [А]Л[Е]К[С]А[Н]Д[Р], вырезанный на матрице без учета на оттиск). О.с.: изображение Св.Федора в композиции "Чудо о змие". Д.: 27-30 мм. В.: 10,04 г (фрагм., не менее 11 г). Сохр.: сломана по каналу.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 375 Корпуса. На 1969 г. было известно 8 экземпляров, все они происходят из Новгорода, в том

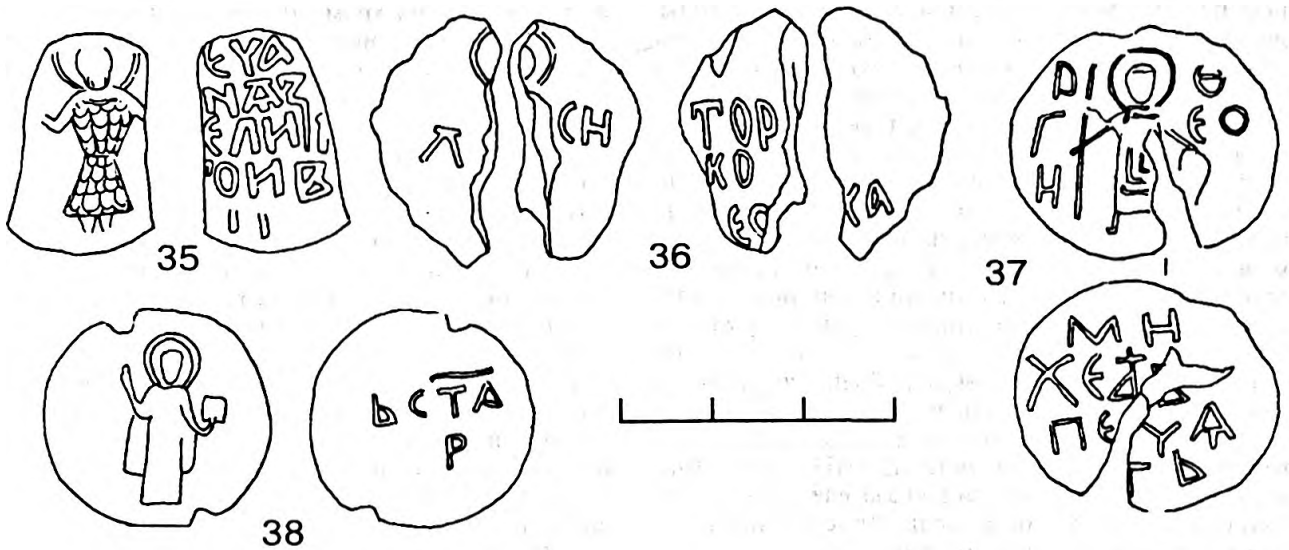


Рис.6. Печати разряда VI.2 (35-38)

числе один — с Городища (Янин 1970, т.2: 157-158). Н.П.Лихачев (1928: 89-92), а вслед за ним и В.Л.Янин (1970, т.2: 6-8) атрибуировали печать № 375 князю Александру Ярославичу Невскому (р.1220 г. + 1263 г.).

П/VI.1/49 (рис.5, 49). Л.с.: изображение святого воина в рост. О.с.: изображение архангела в рост. Д.: 16-19 мм. В.: не взвеш. М.н.: Смоленск (?). Сохр.: края обломаны.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц, может быть датирована домонгольским временем.

Разряд VI.2: с легендой на реверсе

П/VI.2.вд/35 (рис.6, 35). Ав: изображение святого воина в рост. Рв: надпись в пять строк

[П]ЕЧА[ТЬ]
[К]НАЗ[А]
[В]ЕЛИК[О]
ГОИВ[А]
[НА]

Д.: 25 мм (вдоль канала). В.: 5,3 г (фрагм., не менее 7,5-8 г). Сохр.: края обрублены.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 414 Корпуса. На 1969 г. было известно 3 экземпляра от этой пары матриц, найденные в Новгороде, в том числе — один с Городища (Янин 1970, т.2: 165). В.Л.Янин атрибуировал печать № 414 великому московскому князю Ивану Ивановичу Красному (р. 1326 г., +1359 г.) и полагал, что матрицы печати были изготовлены не в Москве, а в Новгороде, и использовались не в делопроизводстве великокняжеской московской канцелярии, а великокняжескими наместниками Новгорода (Янин 1970, т.2: 28-29).

П/VI.2.ад/36 (рис.6, 36). Ав: изображение Св.Василия в рост, по сторонам фрагменты надписи

[ВА] СИ
А [БИ]

Рв: фрагменты пятистрочной надписи (размещенной вокруг изображения креста)

[ПЕЧАТ]
[ЬНОВО]
ТОР[ЖЬЕ]
КО[ГОНАМ]
ЕГ[ТНИ]КА

Д.: 26-28 мм. В.: 6,62 г (фрагм., не менее 9 г)
Сохр.: крайне плохая — булла не только сломана по каналу, но была еще в древности сдвлена с боков, поэтому пропорции немногих читающихся букв нарушены. Тем не менее видно, что печать оттиснута той же парой матриц, что и № 529 Корпуса. Единственный известный на 1969 г. экземпляр печати № 529 был найден в Тверской губернии (Янин, 1970, т.2: 187). Печать № 529, по заключению В.Л.Янина (1970, т.2: 63-64) принадлежит новоторжским владычным наместникам времен святительства новгородского архиепископа Василия Калики (1331-1352).

П/VI.2.ав/37 (рис.6, 37). Ав: изображение Св.Федора в рост, по сторонам колончатые надписи (А в левой колонке зеркально)

А Ф
Г Е
И О

Рв: надпись в четыре строки (Ѡ во второй строке зеркально)

МИ
ХЕѠВ[А]
ПЕЧА
ТЬ

Д.: 24-28 мм. В.: 9,76 г (фрагм., не менее 10 г). Сохр.: утраты вдоль канала.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц. Стилистически ближайшими аналогиями изображению на аверсе являются изображения святых воинов на печатях № 404, 437-439 и 681 Корпуса последней четверти XIII — первой трети XIV вв. Этому не противоречит палеография надписи на реверсе (консультация Т. В. Рождественской) и тип заготовки (тонкая линзовидная с острым гуртом). Несоответствие имени владельца печати изображению святого на аверсе принято (Янин 1970: 42-44; 1973: 114) расценивать как свидетельство получения владель-

цем печати, поименованным в формуле легенды, полномочий от другого лица, имя которого передано изображением тезоименного святого. Иными словами, Михей, пользовавшийся печатью, выступал полномочным представителем Федора.

В поисках владельца печати внимание привлекает сообщение Новгородской Первой летописи, приведенное в статье 6846/1338 г.: “Того же лета приходиша Немци... воевать на Толдогу, и оттоле хотяху на водскую землю, и не взяша ничто же: остерегли бо ся бяху, нь вышедши копорьяне с Федором Васильевичем, и биша я; и убиша ту Михея Копорьяна, мужа добра, а под Федором конь раниша... Князь же Наримант быше в Литве, и много посылаша по него, и не поеха, нь и сына своего выведе из Орехового, именем Александра, токмо наместникъ свои остави” (НПЛ: 349). Федор Васильевич обозначен в указателе к тексту летописи как копорский воевода. Присутствие в Копорье в одно и то же время двух лиц, один из которых “муж добр”, а второй, как будто бы, являлся должностным лицом в администрации города, совпадает с сочетанием имен на публикуемой печати. В близкое публикуемой печати время среди лиц, связанных в той или иной мере с Новгородом Великим (на эту связь указывает вероятное новгородское происхождение буллы) письменные источники как будто бы не знают другого Михея. Считая наиболее вероятным владельцем публикуемой печати Михея Копорьянина, идентификацию Федора следует отложить до установления правового статуса сюзерена Михея: теоретически им мог быть Федор Васильевич, руководивший копорским войском в военных действиях 1338 г., однако такое отождествление не единственно возможное (Белецкий 1996б).

П/VI.2.В/38 (рис.6, 38). *Ав.*: изображение святыни (?) в рост с кодексом в левой руке, правая рука в жесте благословения. *Рв.*: надпись в четыре (?) строки (СТА во второй строке под титлом)

[ПЕЧА]
[Т]ЪСТА
[...]Р[...]
[...]

Д.: 25 мм. *В.*: 10,74 г. *Сохр.*: сильно стерта.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц. Датировка буллы с наибольшим вероятием может быть определена в пределах XIV в.

Публикуемый экземпляр сильно стерт, изображение и легенда читаются с большим трудом. Тем не менее, можно достаточно уверенно считать, что формула легенды содержит указание на принадлежность сфрагистической регалии “святыне” — об этом свидетельствует помещенное во второй строке легенды определение “Святого”. Подобного рода формулы на печатях из Новгорода до настоящего времени, кажется, не фиксировались. Зато такие печати хорошо известны в псковской сфрагистике (Белецкий В., Белецкий С. 1995: 188-190, № 574, 575, 579-582; Белецкий 1994г: 5-13, 45-47). Еще Н.П.Лихачев предполагал, что формула легенды типа “Печать Святой Троицы” или “Печать Святого Николы” содер-

жит указание на храм, являвшийся центральной святыней города, пользовавшегося данной сфрагистической регалией (Лихачев 1960: 233, 236). Позднее дополнительную аргументацию в пользу такого вывода привел В.Л.Янин (1960: 249-251, 258-261). В настоящее время связь печатей несущих в легенде формулу принадлежности святыне с Псковом и псковскими пригородами получила подтверждение новыми находками, уточнено и правовое положение этих печатей (Белецкий 1994б: 14-15). Основное отличие публикуемой буллы от пригородских печатей Пскова заключается в следующем: на аверсе у пригородских печатей помещено изображение креста, в то время как на публикуемой буллы аверс занят изображением святыни (Христа ?); правда, у Красногородской печати на аверсе помещено изображение святого (возможно — Христа), символизирующее главную святыню города (Белецкий В., Белецкий С. 1995: № 579). Из-за плохой сохранности публикуемой печати оставляем вопросы атрибуции открытыми до новых находок.

Класс VIII: печати эпиграфического типа

П/VIII.Д-аг-агд/39 (рис.7, 39).

Л.с.: надпись в пять строк П[Є]ЧА ТЬ[О]ЛЕК [САН]ДРОВА СЄ[Л]ИВА [Н]ОВ[ИЧА]	О.с.: надпись в шесть строк ПЕЧА ТЬКНЗА ВЕЛИКОГО ВАСИЛЬЯ ДМИ[Т]РИ [Є]ВИ[ЧА]
---	--

Д.: 27-29 мм, *В.*: 11,81 г. *Сохр.*: сломана по каналу.

Печать близка печати № 442 Корпуса: матрица аверса та же, что и у печати № 442, матрица реверса другая, хотя полностью повторяет формулу легенды, помещенной на уже известной печати. Единственный зафиксированный на 1969 г. экземпляр печати № 442 был найден на Городище под Новгородом (Янин 1970, т.2: 171). В.Л.Янин отнес буллу к т.н. “поздней группе” печатей великокняжеских тиунов, датированных концом XIV-XV вв. (Янин 1970, т.2: 44-45). К сожалению, осталась не комментированной важная особенность печати № 442: присутствие в легенде на каждой из сторон буллы слова “печать”, превращающее текст каждой из сторон в самостоятельную, завершенную формулу. Эта же особенность характерна и для публикуемой печати. Ближайшими аналогиями для подобной “двучастной” формулы легенды является печать № 757 Корпуса, являвшаяся одновременно “Печатью Великого Новгорода” и “Печатью Труфана Юрьевича”, а также печать № 675а Корпуса, являвшаяся одновременно “Кондратовой печатью” и “Селивестровой печатью”. Определенное соответствие для перечисленных печатей можно обнаружить также в знаменитой “Новгородской пе-

* В частности, новый экземпляр “Печати Святого Николы”, связанной с управлением псковского пригорода Изборска, обнаружен в Талавской башне Изборской крепости (Белецкий, Грушина 1996).

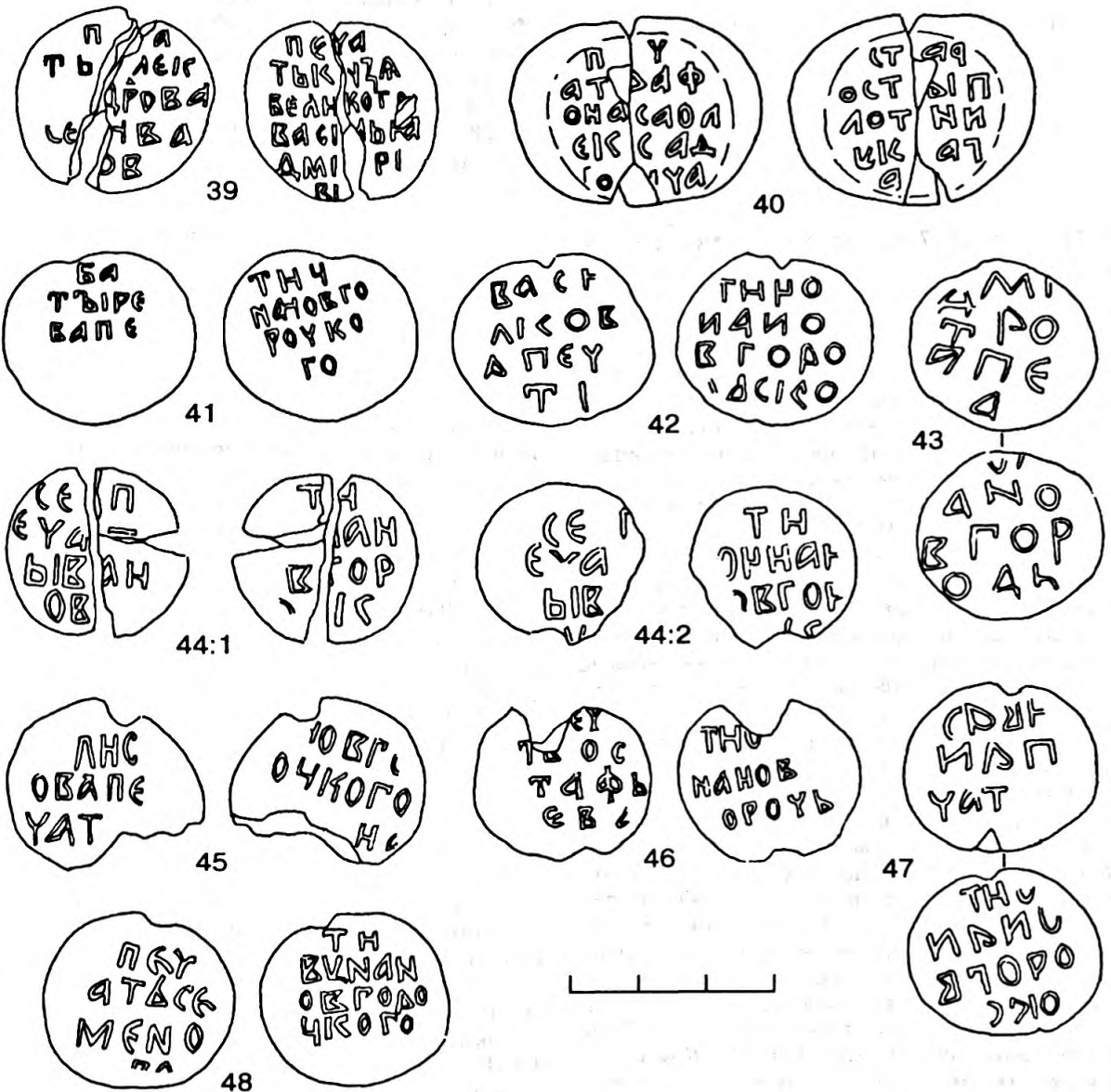


Рис.7. Печати класса VIII (39-48)

чати и посадничей” (№ 706 Корпуса): там, правда, слово “печать” помещено только на одной стороне буллы, но наличие союза “и”, разделяющего две части легенды, не оставляет сомнения в том, что каждая из двух частей является законченной независимой формулой. Такие печати, несущие в формуле легенды свидетельства принадлежности сфрагистической регалии двум различным, не совпадающим между собой институтам власти (должностным лицам) ранее предлагалось обозначать как “печати двойного подчинения”.

Различия в начертании букв на разных сторонах печати № 757 (Янин 1970, т.2: 228) и № 675а (Янин 1970, т.2: 242) не оставляет сомнения в том, что матрицы разных сторон у этих печатей изготавливались разными мастерами, то есть — документы скреплялись случайно сложившимися комплектами матриц. Учитывая некоторые различия в написании букв Т, К, В и Д

на разных сторонах публикуемой печати есть основание полагать, что и в данном случае пара матриц, использованная при утверждении документа, представляла собой случайно сложившийся комплект. Иными словами, матрица каждой из сторон печати, вероятнее всего, принадлежала своему особому комплекту матриц, являясь в нем матрицей реверса. Объединение в один комплект двух матриц с конкретно-информативными сведениями о держателях буллотирия потребовалось, вероятнее всего, в связи с необходимостью объединения полномочий двух различных институтов власти, один из которых представлял Олександр Селиванович, а другой — великий московский князь Василий Дмитриевич. Подробный комментарий к публикуемой печати выходит за пределы предварительной публикации. Подчеркнем лишь, что считать Олександра Селивановича тиуном великого князя Василия Дмитриевича нет никаких оснований.

П/VIII.авд/40 (рис.7, 40).

Av: надпись в пять строк П[Є]Ч АТЪАФ ОНА[С]АОА ЄК[С]АД [Р]О[ВИ]ЧА	Rv: надпись в пять строк СТАР ОСТЫП ЛОТНИ ЦКАГ А
---	--

Д.: 29-36 мм. В.: 7,12 г (фрагм., не менее 7,5 г).
Сохран.: утраты вдоль канала, булла прошла антикварную реставрацию, покрыта прозрачной пленкой. Размер заготовки значительно больше диаметра матриц (27-28 мм).

Печать оттиснута неизвестной парой матриц и представляет принципиально новую для Новгорода сфрагистическую регалию — печать купеческого старосты. Отсутствие в наличном сфрагистическом материале печатей купеческих старост — должностных лиц Новгорода, известных по письменным источникам XIII-XV вв. (ГВНП, № 31, 33, 41, 42, 43, 49, 67, 68, 73, 74, 76 и др.) — привело в свое время В.Л.Янина к гипотезе о тождестве новгородских купеческих старост и новгородских тиунов, печати которых являются одной из наиболее массовых сфрагистических находок в Новгороде XIV в. (Янин 1970, т.2: 108-111). После публикации подлинной печати, принадлежавшей старосте Плотницкого конца Афанасию Александровичу, вопрос о вероятном отождествлении купеческих старост и тиунов можно снять с обсуждения. Датировка печати вряд ли выйдет из XIV в.

Заметим, что в информации о работе над третьим томом Корпуса П.Г.Гайдуков и В.Л.Янин отмечали: "Были, наконец, найдены редчайшие печати купеческих старост... Найдено три печати, две из которых, называя имена и отчества владельцев, титулуют их "старостами Плотницкого ста", а одна, также называющая владельца по имени и отчеству, титулует его "старостой Еремына ста" (Янин, Гайдуков 1996: 71). Как соотносится публикуемая булла с упомянутыми печатями можно будет судить только после издания находок. Поэтому пока попытки осмысления новых регалий власти представляются преждевременными.

П/VIII.авд/41 (рис.7, 41).

Av: надпись в четыре строки БА ТЫРЕ ВАПЕ ЧА[ТЬ]	Rv: надпись в четыре строки (лигатура АН во второй строке) ТИУ НАНО ВГОРО [Д]ЬСКО [ГО]
--	---

Д.: 26-28 мм. В.: 9,08 г. Сохран.: хорошая.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 617 Корпуса. На 1969 г. было известно 2 экземпляра от этой пары матриц, найденные в Новгороде, (Янин 1970, т.2: 205). Публикуемый экземпляр дополняет чтение букв Є во второй строке и Ч в четвертой строке на аверсе, а также И в первой строке на реверсе.

П/VIII.авд/42 (рис.7, 42).

Av: надпись в четыре строки (А в третьей строке зеркально) ВАСИ ЛКОВ АПЕЧ[А] ТЬ	Rv: надпись в четыре строки (У в первой строке, обе Н во второй строке и Ъ в четвертой строке зеркально) ТИУ НАНО ВГОРО [Д]ЬСКО [ГО]
---	--

Д.: 26-28 мм. В.: 10,8 г. Сохран.: хорошая.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 618 Корпуса. На 1969 г. было известно 13 экземпляров от этой пары матриц: 11 найдены в Новгороде, происхождение еще двух не установлено (Янин 1970, т.2: 205). Еще один экземпляр печати от этой же пары матриц был обнаружен при раскопках в крепости Орешек в комплексе третьей четверти XIV в. (Кильдюшевский 1986: 111-112, рис.1, 3).

П/VIII.авд/43 (рис.7, 43).

Av: надпись в четыре строки ДМИ ТРО[В] АПЕЧ] А[ТЬ]	Rv: надпись в четыре строки [ТИУ] [Н]АНО ВГОР ОДЬ[С] [КОГО]
---	---

Д.: 26-27 мм. В.: 11,65 г. Сохран.: хорошая.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 621 Корпуса. На 1969 г. было известно 3 экземпляра от этой пары матриц, найденные в Новгороде, (Янин 1970, т.2: 206).

П/VIII.авд/44 (рис.7, 44).

Av: надпись в четыре строки ЄАП ЄЧАТ ЫВАН ОВ[А]	Rv: надпись в четыре строки ТИ ОУНАН ОВГОР ОДК[О] [ГО]
--	--

1) Д.: 26-27 мм. В.: 8,95 г. Сохран.: сломана на три части, склеена; 2) Д.: 24 мм. В.: 8,9 г. Сохран.: хорошая.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 625 Корпуса. Единственный зафиксированный на 1969 г. экземпляр печати, найденный в Новгороде, был известен только по фотографии (Янин 1970, т.2: 207). Благодаря публикуемому буллом уточнено размещение букв в третьей и четвертой строках и написание буквы Н в третьей строке на аверсе, а также написание букв четвертой строки на реверсе. Составной комплект матриц для печати № 625 фиксировал В.Л.Янин, отмечавший, что эта печать имеет общую матрицу реверса с печатью № 615 Корпуса (Янин 1970, т.2: 206-207). Добавим, что особенности каллиграфии надписей свидетельствуют о близости матрицы реверса к матрице аверса у печати № 625, так что печать № 615 наследовала матрицу реверса от печати № 625, а не наоборот.

П/VIII.авд/45 (рис.7, 45).

Av: надпись в четыре строки [КА]ЛИС [Т]ОВАПЕ ЧАТ[Ь]	Rv: надпись в четыре строки НОВГО[Р] ОЧКОГО [ТИУ]НА
--	--

Д.: 25-27 мм. В.: 9,5 г (фрагм., не менее 10 г.).
Сохранение: снизу обломана.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 632 Корпуса. На 1969 г. было известно 3 экземпляра от этой пары матриц, найденные в Новгороде, при этом два обнаружены при раскопках в слое 13 (1268-1281 гг.) и 12 (1281-1299 гг.) ярусов Неревского раскопа (Янин 1970, т.2: 208).

П/VIII.авд/46 (рис.7, 46).

Av: надпись в четыре строки [П]ЕЧ[А] [Т]ЬОС[Ь] ТАФЬ ЕВА	Rv: надпись в четыре строки ТИО[У] НАНОВ ГОРОЧЬ [КОГО]
---	--

Д.: 23-25 мм. В.: 7,8 г (фрагм., не менее 8 г.).
Сохранение: утраты сверху близ выхода канала.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 638 Корпуса. На 1969 г. было известно 2 экземпляра от этой пары матриц, найденные в Новгороде (Янин 1970, т.2: 209). Публикуемая булла позволяет уточнить начало третьей-четвертой строк в надписи на аверсе и окончание первой-третьей строк в надписи на реверсе.

П/VIII.авд/47 (рис.7, 47).

Av: надпись в четыре строки САВИ НАП[Е] ЧАТ[Ь]	Rv: надпись в четыре строки [Т]ИО[У] НАНО ВГОРО [Д]СКО [ГО]
---	--

Д.: 27 мм. В.: 7,9 г. Сохранение: сильно стерта.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц, близка печатям № 641-643 Корпуса (11 экз.). Большинство последних происходит из Новгорода, в том числе — с Городища (Янин 1970, т.2: 209-210) Еще один экземпляр, оставшийся за пределами Корпуса, найден в Пскове (Белецкий 1994б: 22).

П/VIII.авд/48 (рис.7, 48).

Av: надпись в четыре строки ПЕЧ АТЬСЄ МЕНО [ВА]	Rv: надпись в четыре строки ТИ ВУНАН ОВГОРО ЧКОГО
---	---

Д.: 27-28 мм. В.: 9,5 г. Сохранение: хорошая.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц, близка печати № 645 Корпуса, единственный экземпляр которой найден в Новгороде (Янин 1970, т.2: 210).

Комментируя печать П/VIII.авд/40 мы отметили, что В.Л.Янин первоначально склонялся к мысли о тождестве новгородских тиунов и купеческих старост Новгорода (Янин 1970, т.2: 108-

111). После обнаружения подлинных печатей купеческих старост Новгорода исследователь отказался от этой гипотезы. Опираясь на пока неопубликованные памятники сфрагистики П.Г.Гайдуков и В.Л.Янин отождествили "новгородских тиунов" с соцкими, составлявшими аппарат тысяцкого (Янин, Гайдуков 1996: 71). Насколько аргументирована новая гипотеза покажет публикация печатей.

Сомнительные печати

П/VI.2.ав/50 (рис.8, 50). Av: изображение святого воина в рост. Rv: надпись в три строки

НАР
ВАПЕ
ЧАТЬ

Д.: 25-27 мм. В.: 12 г. Сохранение: прошла антикварную чистку, патина утрачена.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц, близка печати № 681 Корпуса (Янин 1970, т.2: 216), сохранившейся при грамоте Новгорода Колывани (ГВНП: № 36). На этой печати легенды читается "Андреева печать", и сама печать уверенно атрибутирована новгородскому посаднику Андрею Климовичу. Главные отличия между публикуемой буллой и печатью № 681: в третьей строке легенды на реверсе помещена буква А вместо буквы Д; копье у святого воина на аверсе в левой руке, а щит в правой, в то время как на печати № 681 воин держит копье в правой руке, а левой рукой опирается на щит.

Разумеется, малограмотный резчик матриц — отнюдь не редкость, и в опубликованном сфрагистическом фонде встречены значительно более существенные ошибки. Можно даже попытаться найти объяснение появлению буквы А в надписи: на печати № 681 буква Д не вполне типичная, и при копировании матрицы неграмотным мастером эту букву можно было принять за А. Но вот это-то истораживает: на единственном безусловно подлинном экземпляре печати № 681, сохранившемся при грамоте, буква А в первой строке и буква Є во второй строке не оттиснулись, нет этих букв и на публикуемом экземпляре, в то время как буква Ч, начинающая третью строку, помещена непосредственно под буквами В и Н, являвшимися вторыми буквами в своих строках. Складывается впечатление, что первые буквы в первой и второй строках на матрице, которой оттиснут реверс печати, отсутствовали. А это уже возбуждает вопрос о фальсификате. Оставляем вопрос о подлинности публикуемой печати до новых находок.

П/II.2/51 (рис.8, 51). Av: изображение шестиконечного креста в ободке из редких точек. Rv: схематичная фигура святого в рост с жезлом (?) в левой руке и четырехконечным крестом в правой. Ободок из редких точек. Д.: 27 мм. В.: не взвеш. Сохранение: патина отсутствует.

Печать почти наверняка является современным фальсификатом: об этом свидетельствуют не только несообразности в изображениях, но также тип заготовки — тонкий свинцовый кружок (не ранее XV в.) с острым гуртом (не позднее первой половины XIV в.).

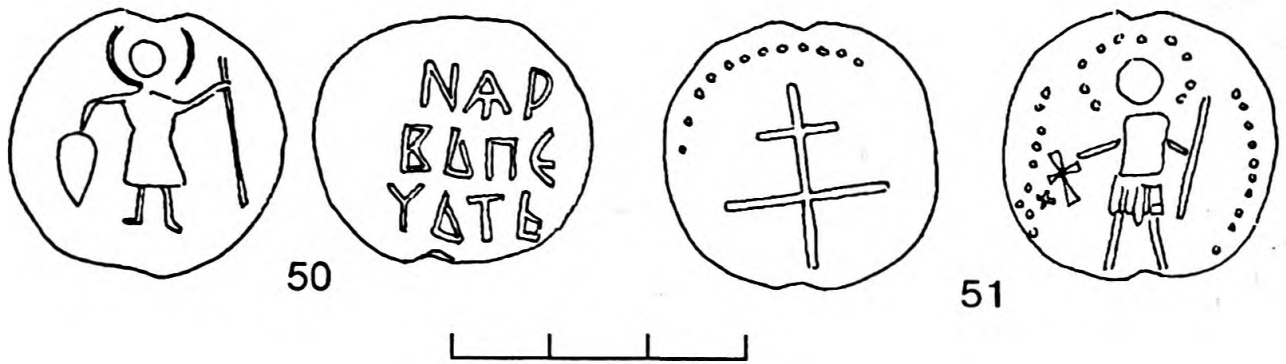


Рис.8. Печати сомнительные (50-51).

Пломба

Класс IV: с изображением эмблемы на аверсе

Разряд IV.2: с изображением святого на реверсе

Пл/IV.2/52 (рис.3, 52). Ав: знак в форме багра. Ободок точечный. Рv: погрудное изображение святого в точечном нимбе. Ободок точечный. Д.: 12-15 мм. В.: 1,46 г. Сохр.: хорошая.

Пломба принадлежит уже известной паре матриц, выключенной в Корпус актовых печатей под № 305. На 1969 г. было зафиксировано 4 пломбы от этой пары матриц: одна найдена в слое 16 яруса 1197-1224) на Неревском раскопе, три другие в черте Новгорода не локализованы. Пломбы данного разряда были расценены в качестве регалий власти княжеских посадников (Белецкий 1992б: 5-8). Однако до подготовки Корпуса древнерусских пломб, аналогичного Корпусу актовых печатей, персонифицировать держателя буллотирия было бы неоправданно: сопоставление состава княжеских знаков помещенных на безусловных актовых печатях и пломбах, происходящих из Новгорода, позволяет утверждать, что эти два разряда сфрагистических памятников в Новгороде формировались независимо друг от друга.

Публикуемая сфрагистическая коллекция представляет безусловный интерес не только первые зафиксированными сфрагистическими типами (в том числе — уникальными), но также самим составом. Значительная часть булл, по сведениям владельцев коллекций, новгородского происхождения, и происходит с берегов Сиверсова канала. Иными словами, большинство печатей, вероятнее всего, скрепляли документы, хранившиеся в знаменитом городищенском архиве под Новгородом.

Гипотеза о принадлежности архива на Рюри-

ковом городище новгородским князьям в настоящее время стала общим местом в исследованиях, посвященных средневековой истории Новгорода. Но, как это ни удивительно, версия не получила в литературе сколь-нибудь обстоятельной аргументации. В Корпусе В.Л.Янина о княжеской принадлежности архива говорится лишь в самых общих чертах, причем только применительно к его домонгольской части: “На Городище под Новгородом в древности находился княжеский архив, и допустимо было бы догадываться, что этот архив составляли важнейшие государственные документы междукняжеских и международных отношений... Найденные там печати можно было бы воспринять как остатки безвозвратно погибших докончаний, договоров, уставных грамот и прочих документов... Однако свинцовые печати были многократно найдены при раскопках домонгольских слоев обычного городского квартала. Это их обилие говорит, что документ, снабженный вислой печатью не был диковиной в жилище новгородского дворовладельца. И уж не государственные документы, нужно думать, хранились за иконой или в ларце такого горожанина... Само обилие булл XI и особенно XII вв. свидетельствует о том, что в большинстве своем дошедшие до нас вислые печати являются остатками многочисленных частных актов... Организация на Городище архива, в котором сохранялись противни актов, говорит о том, что деятельность князя была подконтрольной, что она регламентировалась и контролировалась вечевыми органами”. При этом В.Л.Янин убежден, что подавляющее большинство документов архива, скрепленных печатями, утверждалось в самом Новгороде, а не поступало сюда извне: “Место находки печати в подавляющем большинстве случаев совпадает с местом ее применения при документе. Печати новгородских князей и посадников происходят в 99 случаях из 100 из находок на Городище в Новгороде или из культурного слоя самого Новгорода” (Янин 1970, т.1: 157-159).

Кажется, только И.П.Шаскольский выступил

* См. также комментарий к печатям разряда IV.2.

** Напомним, что персональные атрибуции печатей новгородским князьям или посадникам в большинстве случаев опираются на сам факт обнаружения печатей в Новгороде (в том числе — на Городище), так что эти атрибуции не являются твердо установленными и, во всяком случае, требуют дополнительного обоснования.

с критикой гипотезы о княжеской принадлежности городищенского архива: "Городище было реальной резиденцией новгородских князей только в XII и XIII вв.; с начала XIV в. на новгородский стол новгородцы стали избирать великих князей... Великие князья... в Новгороде бывали лишь изредка, наездами. Соответственно, политическая роль княжеской резиденции в XIV-XV вв. должна была резко упасть; там постоянно пребывал значаемый... князем... наместник, не обладавший ни властью, ни влиянием, и фактически лишь выполнявший роль личного представителя князя в Новгороде. Можно ли предполагать, что у столь невлиятельного княжеского чиновника мог в XIV и XV вв. накопиться богатейший архив?" — недоумевал Шаскольский (1972: 227). Справедливо отметил, что "принадлежность князю архива, хранившегося на Городище, не бесспорна", исследователь выдвинул альтернативное предположение: городищенский комплекс находок — это остатки государственного архива Великого Новгорода вывезенного в XVI в. на Городище, где еще существовали казенные здания, и там погибшего в заброшенном здании прежней резиденции новгородских князей (Шаскольский 1972: 228).

Выше мы неоднократно отмечали, что гипотеза о соответствии места находки печати местоположению резиденции держателя буллотирия, по крайней мере, для домонгольского времени, не является аксиомой, а расширительное применение географического принципа атрибуции сфрагистических типов и разрядов может привести (и уже приводит) к необоснованным персонификациям не только отдельных сфрагистических типов, но и целых сфрагистических разрядов. Полагая, что единственной возможностью установить ведомственную принадлежность городищенского архива является строгое проведение процедуры исследования. Во-первых, необходимо проанализировать состав сфрагистических находок, безусловно происходящих с Городища. Во-вторых, необходимо рассмотреть отдельно от городищенского комплекса состав сфрагистических находок, безусловно не связанных с комплексом архива. Результаты этого раздельного изучения следует сопоставить с результатами исследования "сфрагистического фона" — той части грандиозной сфрагистической коллекции из Новгорода, кото-

рая включает памятники, не имеющие точной топографической приуроченности в черте города. До тех пор, пока такое исследование не будет проведено, любые заключения о ведомственной принадлежности новгородского архива, находившегося на Городище будут оставаться более или менее остроумными гипотезами.

Подчеркнем: анализировать должны не только собственно акты печати, но и пломбы: "Постоянные совместные находки таких пломб с безусловными актовыми печатями на Городище под Новгородом, где в древности существовал княжеский архив, говорят о том, что многие пломбы дрогичинского типа употреблялись и для скрепления актов" (Янин 1970, т.1: 11). Без учета пломб вряд ли можно аргументированно обосновать ту или иную версию ведомственной принадлежности архива на Городище — выводы неизбежно будут опираться на часть источника, а насколько существенна для атрибуции комплекса вторая, неучтенная часть имеющегося массива памятников до завершения исследования установить вряд ли возможно. Разумеется, и в этом случае ни о какой полноте комплекса городищенских находок говорить не приходится, поскольку до нас дошла лишь часть (возможно — небольшая) сфрагистических памятников, связанных с комплексом городищенского архива. И все-же, выборка будет более репрезентативной, если учесть всю совокупность связанных с архивом сфрагистических памятников.

Существующие в литературе оценки ведомственной принадлежности архива, хранившегося на Городище под Новгородом, опираются на материалы, обобщенные в Корпусе актовых печатей древней Руси. Разумеется, проведение нового, полноценного исследования сфрагистического комплекса, происходящего с Городища, станет возможно только после издания третьего тома Корпуса. Осознавая, что публикуемые материалы из частных коллекций могут быть использованы при решении поставленной проблемы только в качестве одной из составляющих "фона", мы надеемся, что введение в научный оборот новых сфрагистических памятников станет нашей сильной помощью составителям Корпуса в их нелегкой и очень нужной всем специалистам работе.

Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1995. Псковская сфрагистика // Древности северо-западной России. К 90-летию со дня рождения Г.П.Гроздилова. Каталог выставки. СПб.

Белецкий С. В. 1992а. К изучению проблемы становления государственного герба России // Всероссийская научная конференция "Когда Россия молодая мужала с гением Петра", посвященная 300-летию юбилею отечественного флота. Переславль-Залесский, с. 61-65.

1992б. Данные сфрагистики о княжеском аппарате в домонгольской Руси // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. М., с. 5-8.

1994а. Печати ладожских наместников // Всероссийская нумизматическая конференция. ТД. СПб., с. 63-65.

1994б. Сфрагистика Пскова XIV-XV вв. (Материалы для истории властных структур в средневековом городе) / Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., с. 3-37.

1994в. Памятники средневековой русской сфрагистики (проблема систематизации) // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб.

1994г. Вечевые печати Пскова / Сфрагистика средневекового Пскова, вып.2. СПб.

1995а. Новые данные о псковско-новгородско-московских церковных отношениях в 30-40-е годы XV в. // Церковная археология. Вып.2. СПб., с. 48-53.

19956. Древнерусские печати с изображением Христа-вседержителя и святого: проблема принципиальной атрибуции // Россия в X-XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. ТД и С вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. Москва, 26-28 января 1995 г. М., с. 86-93.
- 1996а. Новые сфрагистические находки из Торжка // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. СПб., с.45-48.
- 1996б. Из истории властных структур в городах Новгородской земли (Копорье) // Столичные и провинциальные города Руси и России в средние века и раннее Новое время. М.
- Белецкий С.В., Грушина Л.Е.* 1996. Изборск в XI-XV вв. (некоторые вопросы топографии и структуры управления) // Ландшафтная археология. СПб.
- Белецкий С.В., Крымов Е.Ю.* 1990. Памятники актов сфрагистики из древнерусской Дубны // СА. № 3. с. 233-246.
- Белецкий С.В., Купранис А.А.* 1995. Печать X в. из Новгорода (предварительное сообщение) // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб., с. 61-63.
- Белецкий С.В., Овсянников О.В.* 1994. Именная владычная печать XIV в. из под Холмогор // РА, № 1. с. 173-179.
- Белецкий С.В., Петренко В.П.* 1995. Печати и пломбы из Старой Ладogi (свод) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., с.184-283.
- Буров В.А.* 1977. Печати при новгородском наказе 1372 г. как исторический источник по изучению кончанской эмблематики Новгорода XV в. // СА, № 1.
- Василевски Т.* 1991. Христос-Пантократор на печатях и монетах монархов Руси и его византийские и болгарские образцы // ВВ, № 52.
- Древняя Русь* 1985. Древняя Русь: город, замок, село / Археология СССР, т.15. М.
- Ершевский Б.Д.* 1978а. Древнейшие печати новгородских посадников (1096-1117 гг.) // СА, № 2.
- 1978б. Об атрибуции новгородских печатей и пломб XII — начала XIII вв. с изображением княжеских знаков // ВИД, № XII. Л.
1979. Об одной группе новгородских свинцовых пломб XII — первой трети XIII в. // Вестник МГУ, история, № 4.
1982. Малые вислые печати посадников XII в. // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. с.173-177.
1994. Об атрибуции княжеских знаков багровидной формы по материалам Михаило-Архангельского раскопа // Новгородские археологические чтения. Новгород.
- НПЛ* — Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.-Л., 1950.
- Кильдюшевский В.И.* 1986. Средневековые печати и торговые пломбы из раскопок крепости Орешек // КСИА, 1986, № 183.
- Колчин Б.А.* 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия / САИ, Е1-55, М.
- Купранис А.А.* 1994. Печать Иоанна, митрополита России // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб.
1996. Новые сфрагистические находки из Новгорода и Белоозера // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. СПб.,
- Лихачев Н.П.* 1928. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып.1. Л.
1930. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып.2. Л.
1960. Печати Пскова // СА, № 3.
1991. Моливдовулы греческого Востока. М.
- ЛСА* — Лихачев Н.П. Сфрагистический альбом / РА ИИМК РАН, ф.35, оп.2, д.444
- Мартышин О.В.* 1992. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М.
- Молчанов А.А.* 1985. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X-XIII вв. // ВИД, XVI, Л.
1987. Новгородская посадничья булла XI-XV вв. (к вопросу о типологической эволюции сфрагистических атрибутов высшей республиканской администрации Новгорода) // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т.III, вып.16, М
- Носов Е.Н.* 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Памятники* 1935. Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Сборник документов. М.-Л.
- Покровский Н.* 1892. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб.
- СГ* — Смоленские грамоты XIII-XIV вв. М., 1963.
- Хорошев А.С.* 1980. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М.
- Шаскольский И.П.* 1972. Судьба государственного архива Великого Новгорода // ВИД, № IV, Л.
- Щепкин В.Н.* 1967. Русская палеография. М.
- Шлякин И.А.* 1906. Древние русские кресты. СПб.
- Шорин П.А.* 1964. Анонимные печати новгородских архиепископов // СА, № 3.
- Янин В.Л.* 1956. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК, № 62.
1960. Вислые печати Пскова // СА, № 3.
1962. Новгородские посадники. М.
1970. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т.2, М.
1973. К вопросу о структуре княжеского аппарата в Новгороде на рубеже XIII-XIV вв. // ВИД, т.V, с.113-120.
1981. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М.
1982. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
1991. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. М.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* 1996. Актовые печати древней Руси // Вестник РГНФ, 1996, № 1.

К.А.МИХАЙЛОВ

"ПЕЧАТЬ ЯРОСЛАВА" В КОНТЕКСТЕ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Печать князя Ярослава Мудрого, найденная на Троицком-Х раскопе в Новгороде в 1994 г. и уже неоднократно прекрасно воспроизведенная В.Л.Яниным, стала одной из значительных археологических находок последних лет. В работах, посвященных этой печати, В.Л.Янин обращал особое внимание на необычное изображение князя Ярослава, считая его портретным и достаточно достоверно отражающим облик князя в зрелом возрасте (Янин 1994: 8-9; 1995: 23-24; Янин, Рыбина, Хорошев, Гайдуков, Сорокин 1995: 6-7; Янин, Гайдуков 1996: 69). Не претендуя на полное осмысление уникального памятника древнерусской сфрагистики, я хотел бы отметить некоторые вполне определенные ассоциации, возникающие при обращении к "портрету Ярослава".

На одной из сторон печати изображена поясная фигура князя. Хорошо видны шлем с шариком-навершием, плащ, скрепленный фибулой, гривна, намеченная двумя штрихами вокруг шеи, характерное вытянутое лицо с пиками "кайзеровских" усов, массивный подбородок со слегка намеченной бородой, крупный нос, переходящий в наносник шлема (рис.1, 1). Для X-XI вв. на Руси княжеские изображения подобного типа не известны ни в сфрагистических, ни в нумизматических, ни в каких-либо других иконографических источниках. На печатях этого времени, в частности, изображения князей-владельцев отсутствуют: их заменяют княжеские знаки-тамги и тезоименные владельцам печати святые. Правда, на печатях, атрибутированных князю Святославу Ярославичу, изображены мужские фигуры в княжеских шапках, в рост, с крестом в руке (Янин 1970: табл.2, 10-13). Эта группа печатей так называемой "архаической традиции" (Янин 1970: 34-35) по типу изображенной светской фигуры сближается с древнейшими русскими монетами: князя на них изображены с инсингиями византийских императоров (Сотникова 1995: 173, 177, 181, 185, 188, 192, 196) и в стиле совершенно чуждом "портрету Ярослава" на печати из Новгорода.

Стиль "портрета Ярослава" далек от византийских художественных традиций. Его особенности и реалии изображенных на "портрете" вещей уводят на север, в мир скандинавов эпохи викингов. Хронологически и стилистически близкие "портреты" правителей известны (рис.1,3-4) на монетах Кнута Великого и на анонимной монете (рис.1,2) из Дублина (Graham-Cambel 1980: 112, pl.382, 389; From Viking: 339, № 4256b). Конунг на этих монетах представлен в погрудном изображении, шлеме и плаще с фибулой у плеча. Несмотря на

некоторые отличия, скандинавские монеты XI в. с характерными княжескими "портретами", на которых выделены воинские атрибуты, указывают на регион, где существовала традиция подобного изображения мужских лиц.

В Скандинавии известны два изображения мужских лиц, чрезвычайно близкие "портрету Ярослава". Одно из них это изготовленная из рога "голова викинга" XI-XII вв. из Сигтуны (Graham-Cambel 1980: 141, pl.482): отлично просматривается остроконечный шлем с наносником, вытянутое лицо с характерными пиками усов, массивный подбородок с едва намеченной бородой (рис.1, 5). Другое изображение — бронзовая статуэтка бога Фрейера XI в. из Рёллинге (From Viking: fig.4, № 182): здесь мы видим тот же конический шлем с шариком-навершием, вытянутое лицо с торчащими в разные стороны усами (рис.1, 7). Близкие по стилю лица воинов мы видим (рис.1, 6, 12) на руническом камне XI в. из Лудберга и на ковре из Байё, где подобным образом изображен последний англо-саксонский король Гаральд (Stenton 1956: № 72; Brate 1911: 174-176, pl. LXI). Видимо, можно говорить об определенной художественной традиции в изображении мужских лиц. Кроме названных воинских портретов этот художественный образ прослеживается и в других памятниках торевтики эпохи викингов (Graham-Cambel 1980: 141, pl.481; From Viking 1992: 264, № 143; fig.4, № 304) от подвески из Аске (рис.1, 10) до осебергской телеги и от "масок викингов" из готландского клада до подвески из Гнездова (рис.1, 8,9,11). Список примеров можно было бы продолжить, но не это главное. Важно, что "портрет Ярослава" не является, одиноким, уникальным и прямо передающим облик князя. Это достаточно традиционное мужское изображение, находящееся в ряду себе подобных.

Интересно, что много аналогий "портрету Ярослава" происходит с территории Швеции, то есть той части Скандинавии, с которой Ярослав Мудрый был наиболее тесно связан в течение своей жизни, откуда он пополнял воинские контингенты и даже взял себе жену. Вполне вероятно, что варяжское окружение князя Ярослава по моде своего времени носило характерные торчащие усы. Мог следовать этой моде и сам князь. Но торевт, изготовивший матрицы печати, скорее всего, не отображал портретные черты конкретного человека: художник воспроизводил заранее установленные каноны (Гуревич 1984: 20, 54, 173). Судя по ряду представленных изображений мужских лиц, подобный канон в северной Европе существовал, и именно согласно этому канону мас-

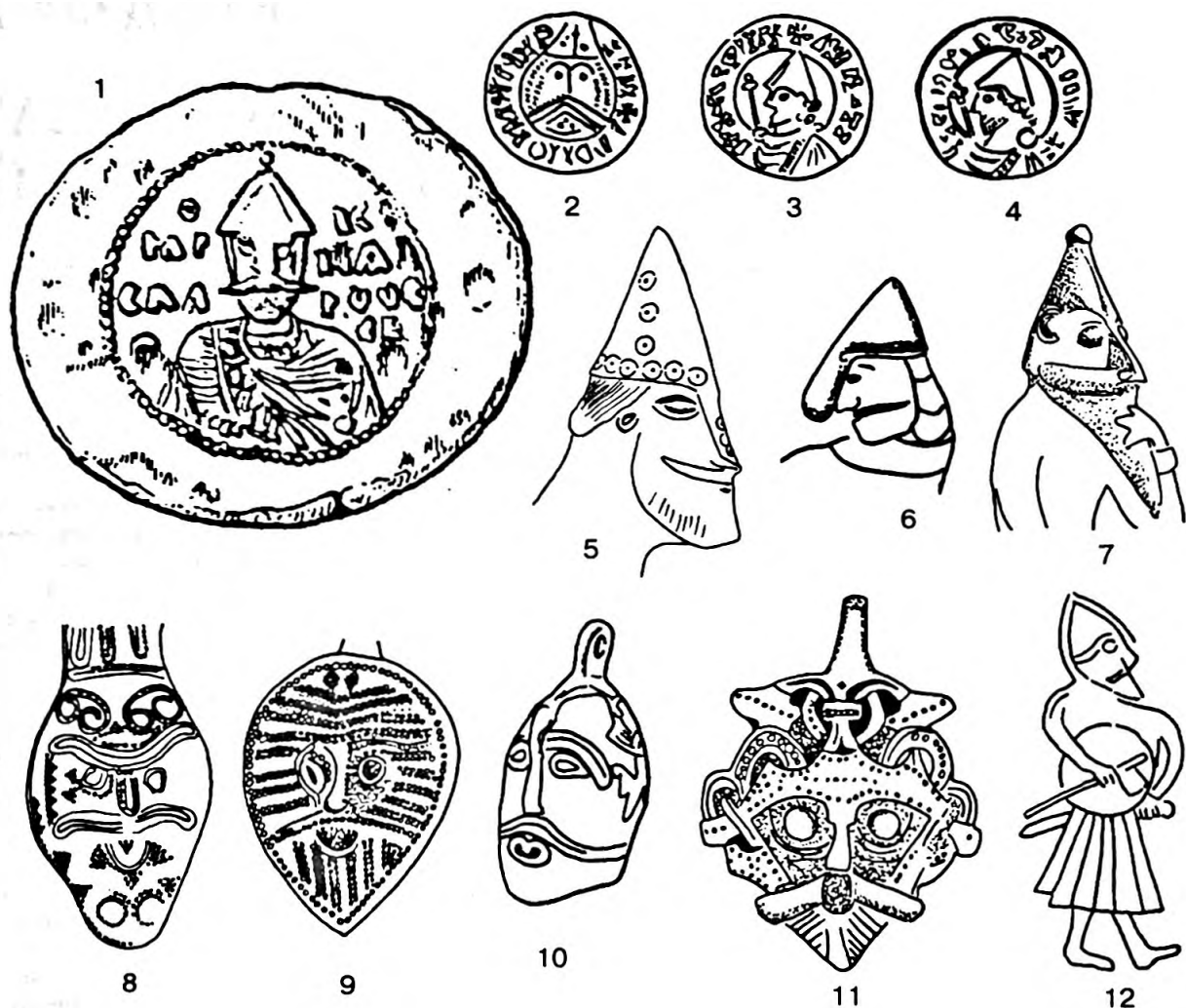


Рис. 1. "Портрет Ярослава" на печати из раскопок в Новгороде (1) и аналогии изображению (2–12).
Комментарии в тексте.

тер изобразил на печати портрет князя.

Скорее всего, матрицы печати были изготовлены в Новгороде: в Киеве художники изображали Ярослава Мудрого уже по византийским художественным канонам. Правда, некоторые византийские черты можно попытаться увидеть и на

"портрете Ярослава". Так, шлем с характерным шариком-навершием на этом "портрете" находит параллели на византийских миниатюрах, а в 1994 г. изображения подобных шлемов были обнаружены на фресках XII в. из Георгиевского собора в Старой Ладогѣ.

Гуревич А.Я. 1984. Категории средневековой культуры. М.
Сотникова М.П. 1995. Древнейшие русские монеты X-XI вв. Каталог и исследование. М.

Янин В.Л. 1970. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т.1, М.

1994. В Новгороде найдена свинцовая печать Ярослава Мудрого // Историческая генеалогия, № 3.

1995. Новгород открытый археологами // Природа, № 4.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г. 1996. Актовые печати древней Руси // Вестник РГНФ, № 1, М.

Янин В.Л., Рыбина Е.А., Хорошев А.С., Гайдуков П.Г., Сорочкин А.Н. 1995. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1995 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.9. Новгород.

Brute E. 1911. Östergötlands Runinskrifter. T.II // Sveriges Runinskrifter. Stockholm.

Craham-Cambel J. 1980. Viking Artefacts. A Select Catalogue. London.

From Viking to Crusader. 1992.

Stenton F. (ed.) 1956. The Baueux Tapestry. № 72. New York.

* Фонды Старолadoжского музея-заповедника, инв.№ СЛМ-96442/Фр.76813; СЛМ-96442/Фр.76814. Пользуюсь случаем поблагодарить Б.Г.Васильева, познакомившего меня с этими находками.

SUMMARIES

A.A.FOURSENKO

Archaeological deposits in St.Petersburg and a problem of culturaland historic heritage protection in Russia

Archaeological study of the cultural deposits within the borders of the territory of St.Petersburg became of special significance on the threshold of the 300-th Anniversary of St. Petersburg foundation. The Historic Centre and the Suburbs of St. Petersburg are announced the UNESCO's World Cultural Heritage. However the valuable archaeological and architectural studies of the St.Petersburg territory is hampered by the absence of legislation and an effective system of monuments protection. Shortage and irregularity of federal funding undermine the possibility of the complex historic and archeological studies of the town and it's region in their one thousand years long interrelations. Existing scientific structures are evidently insufficient for fulfilling the tasks confronting archaeologists. At the same

time, scientific potentials of the town, research institutions, Universities, museums, scientific societies, monuments protection institutions and different enterprises undoubtedly allows to achieve a succession realization of the scientifically grounded Municipal, Federal and International Programs of the maritime (both the underwater and the navigation), urban and regional archaeology. Thus it became possible to create a basement for the all-town professional scientific organization and corresponding social environment and to solve in such a way a number of difficult problem, which became the urgent necessity in connection with the forthcoming jubilee of St.Petersburg and determined far more perspectives of development St.Petersburg science and culture in the next century.

G.S.LEBEDEV

Methodical grounds of archaeological investigation, protection and management of the cultural deposits in St.Petersburg

The status of St.Petersburg (*the Historical Centre and the Suburbs*) as a part of UNESCO's World Cultural Heritage, needs to bring all the legislative and normative Acts in successive correspondence with the standards of the International Law, Conventions, and Acts of the UN, European Council and other international organizations. The Acts prepared have to sum up a system of legal regulations connected with the Russian Legislation. The unique in Russian and even in World cultural history architectural unity of St.Petersburg, which was established and preserved during three hundred years and provided the status of UNESCO's World Cultural Heritage for the town, demands the **hierarchy of objects** as a basic principle. The hierarchy of the urban ensembles and blocs of buildings determined dynamics and character of the cultural layers formation and the accumulation of artifacts. The *Emperor's Residences* (in the town or in Suburbs), *palaces with estates, parks and gardens* created during archaeologization process the accumulation of artifacts from ruined erections of small architectural forms (fences, pavilions, decorative and outbuildings, embankments, canals, wharfs with a specific accumulation of the small objects of a palace everyday life around) side by side with the foundations and ruins of walls. *Military and administrative buildings and complexes* gives us a close to mentioned, but specific set of artifacts. *Roads*, especially embankment, formed a sequences of cobblestone and wood-paved roadways, parapets, bridges often recovered in a further reconstruction process. *Industrial enterprises*, since the beginning of the 18-th century slowly, but intensively migrated from the Centre to the modern "industrial belt of the town. They formed the deposits of raw material, waste, non-liquid remains and the remnants of the industrial complexes. *Residential districts* of St.Petersburg changed intensively their character and thus, the character of cultural deposits and artifacts. Residential districts were served by the *cemeteries belonged to a parish churches*. "St.Petersburg Necropolis" could be estimated as an independent and complex archaeological object.

Archaeological deposits. Ancient ground surface of the town foundation period is formed mainly by a damp greenish loam and beds in a Historical Centre in a deep 1.5 - 1.8m or more from the modern ground surface. This fact is caused not so much by natural processes of the urban cultural layer formation as by the

artificial earthlayers, which were made since the middle 18th century for the raising the level of ground surface as a mean for protection of floods. Artificial heightening of the town area took place later too, especially in connection with the paving streets and squares. In the 20th century the growth of the level of modern ground surface is caused by the accumulation of asphalt layers. Archaeological deposits encountered on the territory of the different parts of St.Petersburg at the deepness deviated from 0,3 to 3m. The thickness of the archaeological layer is deviated from 0,5 to 1m and even more, in accordance to a deepness.

A bedrock in St.Petersburg is saturated much with subsoil waters. Archaeological deposits of initial period of the town construction and the deposits of the "pre-Piter's times" both include a lot of humic material and transpired by sublayers of charcoal and ashes, contained chips, fragments of wood and other construction debris. St.Petersburg specific feature is a large proportion of the refuse of stone and brick construction in the deposits: broken brick, mortar could lay either *in situ* or disturbed. Closer to the modern ground surface deposits become more dry, and this fact reflects in a set of artifacts: a large proportion of metal, pottery and glass objects survives, but the organic objects became rare. Numerous trenches, made during the town communications were built, led to a numerous disturbances of the archaeological deposits and systematic reposition of the artifacts of the end of the 18th - 19th centuries.

Types of the archaeological objects. St.Petersburg *churches*, include the hidden under the archaeological deposits constructive features of modern or earlier buildings, became the archaeological objects either as a result of reconstructions, made before the revolution, or especially after the systematic destruction during the Soviet period. *Fortification and hydrotechnical structures* are represented by earthworks, wooden and stone constructions. *Foundations, groundfloors and basements of the buildings* in residential regions became archaeological objects in a process of it's historical evolution and as a result of destruction during the town reconstruction. Remnants of the *erections of small architectural forms* (*fountains, flower-beds, pavilions, bouquets and so on*), which were characteristic to St.Petersburg since the time of Peter the Great, now are hidden mostly under artificial layers of leveling of 0,7m thickness after the flood of the 1777. *Sanitary-tech-*

nical layers are specific for a large industrial Centre and formed as a result of industrial and technical activity and purposeful sanitary actions of municipal authorities. During the active industrial development and expansion of the industrial zone, these deposits overlaid the layers of the previous time. *Cemeteries and burials* demand first of all the entire and careful fixation on a plan, the analysis of written sources and the exact localization. Such objects possibly could be found by means of archaeology or during the construction activity, especially when did not mentioned in historical sources. *Dumps, non-liquid construction remains, stores of raw material* could be used for sanitary-technical purposes, but they could survived as an independent archaeological deposits with a high cognitive value. *Archaeological deposits of the 18th - 19th centuries* are of a growing potential information value. St.Petersburg layers preserve a numerous interesting objects of specific everyday culture, from the "Swedish pipes" of the Northern War of 1700 - 1721 times, up the everyday things of the Blockade of Leningrad of the years 1941 - 1944, today became relics. As a highly developed industrial Centre St.Petersburg represents a "natural collections" of the mass artefacts, inherent to the main forms of the material culture of the Russian Empire during all it's three hundred years long history.

Archaeological layer belonged to a time before Peter the Great lay on a level 3m deep under the thickness of construction deposits. On it's character and composition this layer is close to the cultural deposits of Shlisselburg - Oreshec, Ivangorod, Pskov and Novgorod. It is the evidence of the succeeding interconnections of the material culture of the Age of the Peter the Great to the Late Medieval urban culture of the Age of Moscowite Rus'. The inherent features of such deposits are the fragments of wood and charcoal and ash layers contained. Finds dipole allow to synchronize sites in the mouth of Envy with some other archaeological sites of Novgorodian Land.

Archaeological procedures. The most labor-intensive and permanent task of the municipal archaeological service is the observation of the construction activities. Each trench have to be archaeological investigated before the construction process began, and if there any archaeological remnants exist, the observations have to be done during the all constructing period with a stratigraphy fixation and collecting of finds. *Emergency excavations* have to be funded from financial resources meant for the construction. *Rescue excavations* could be undertaken after the emergency excavations in a case of possibility to preserve the object in accordance with the Structure plans. After the archaeological study the object could be conserved and scheduled in Municipal or State List of Protected and Preserved Monuments. *Research excavations* have to be held on the common basis defined in Legislation on archaeological monuments protection. *Underwater investigations* could be done only by the trained archaeological teams with special equipment and experience due to it's high danger and labour-intensiveness. *Architectural excavations* aimed on the conservation of the architectural monuments have to be planned and conducted by archaeological services and organisations together.

The Protection Zone of the archaeological deposits in St.Petersburg have to provide the division of St.Petersburg and Suburbs into a number of zones according to the information possibilities and conditions of the archaeological deposits preservation. This task must be fulfilled step by step. *The first step* includes the collecting of information and preparing of documentation. *The second step* -- the definition of the real borders of the Pro-

tection Zones and the normative acts preparing. *The third step* is the creation of the **Municipal Archaeological Service**.

The Structure of the Municipal Archaeological Service. (**Project**). *The Academic Council on Historic - Archaeological Researches (ACHAR)* attached to *Presidium of St.Petersburg Academic Centre of Russian Academy of Sciences (SPbAC RAS)* is the coordinating body. *ACHAR* has to collect the information, conduct the coordination, confirm programs, organize the examination of the results of all forms of the archaeological works on the territory of St.Petersburg, the Neva-river, Ladoga lake and the Gulf of Finland areas of water in a limits of the State and administrative borders and in Leningrad Region. *ACHAR* is formed by the *Resolution of the Presidium of the St.Petersburg Academic Centre RAS*, coordinated with the *Department of Sciences and High Education* and the *Scientific Council* attached to the *St.Petersburg Municipal Government*. *ACHAR* follows the confirmed Regulations and gives reports on it's activity to *Presidium SPbAC RAS*. *ACHAR* consists of *the Town, the Maritime and the Regional Collegia*. *The Town Collegium* considers and coordinates all forms of archaeological works on archaeological deposits and monuments in St.Petersburg and Suburbs under the administrative authority of St.Petersburg Mayor's Office, accumulates, organizes and coordinates the information, considers and confirms plans, examines expediency and sufficiency of funding and estimates the results of archaeological study of cultural deposits and monuments in St.Petersburg. *The Town Collegium* registered materials and gives recommendations on preservation, management, publication, exhibiting and also on the required museification of the examined objects. *The Maritime Collegium* is responsible for all forms of underwater and above-water works on study the archaeological objects in the area of water and coordinates them with the navigation and surface archaeological investigations, considers the plans and provisions of under- and above-water works, the quality of the initial documentation, technical and legal basis of the prospected works, confirms programs, puts required documentation at the disposal of Naval, Security and the other State institutions and ensures the standard procedure of coordination. *The Regional Collegium* ensures the coordination of the Town and the Maritime Collegia with the archaeological investigations in Leningrad Region and the neighbour regions of Russia.

Regular archaeological supervision on the construction, cultivation and the other modern human activity on St.Petersburg administrative territory is in the response of the **Archaeological Inspection (AI)**. The main task of the *AI* is the archaeological supervision, conducted by the staff of inspectors, made the everyday observations of all constructions and earthworks in St.Petersburg. *AI* inspectors must have a right to interfere in the construction process and to use means of the construction works for the urgent investigations. The emergency excavations have to be done by a specialized teams of *AI* with the staff and technique required. The long-time research excavations have to be organized under the supervision and with the participation of *AI*, and have to be supplied by technique and the modern equipment at the expense of the municipal Funds. Museification of the archaeological monuments of St.Petersburg have to become one of the constant direction of the cultural and construction politics of the St.Petersburg Municipal Government and the Legislative Assembly in realization of the confirmed status of St.Petersburg as a part of the UNESCO's World Cultural Heritage.

P.E.SOROKIN

Archaeological investigations in St.Petersburg and the problem of the archaeological deposits protection

The historical outlook of the archaeological monuments investigations in St.Petersburg and it's suburbs. Since it's foundation in the beginning of the 18th century St.Petersburg became a centre of collecting and studying of the archaeological antiquities in Russia. The initiative of the systematic investigation of the archeological monuments in St.Petersburg region belonged

to a professor of i University A.A.Inostrantsev in 1870-s. At the end of 19th - the beginning of 20th centuries the active investigations of the medieval archaeological antiquities began in St.Petersburg region. Some later -- in 1910 - 1930-s Neolithic and Early Metal Age sites were found here. Archaeological excavations in the Historic Centre of St.Petersburg started in 1950-s and

were continued in 1960 - 1980-s. At the same time the study of written records concerned over "St.Petersburg prehistory" was continued. Since 1988 a systematical investigation of St.Petersburg archaeological objects is undertaken by the Author.

Territory assimilation and settlement structure formation in the mouth of Neva region. The first population penetrated on this territory in the Mesolithic. In the Early Neolithic the tribes of Narva culture, which earlier occupied the territories of Estonia, Latvia, Western Lithuania and North-Eastern Belorussia, moved from Estonia region. In the Developed Neolithic in St.Petersburg region a new Baltic culture with a pit-and-comb pottery formed, and the opposite process could be seen: now the tribes of newly formed culture moved to a Baltic region and the South-Eastern Finland. Later on, in the Early Metal Age, population from the Upper Volga region (the textile pottery culture) penetrated to St.Petersburg region. In the nearest suburbs of St.Petersburg, now partly involved in a town territory, two regions inhabited in the Stone Age and the Early Metal Age could be distinguished: a coast of the Gulf of Finland and a region to a South from St.Petersburg. The both regions are situated in a more advantageous geographical position, compare with the lands in the mouth of Neva, which were that time flooded or wet and so useless for settling.

During the 8th - 13th centuries there was no stable settlement system in the mouth of Neva. Only after the "Orekhovets Treaty" (1324) divide the Russian and the Swedish territories was signed, the mass settling of the Russian population on the banks of Neva began. According to the Cadastre of the Votkaya P'atyna (the administrative part of the Novgorod Land) of 1500, the lands in the mouth of Neva belonged to a Orekhovets Uezd (district) with the centre in Oreshek. These lands were occupied by a numerous Russian and Izhora rural settlements, mostly consisted not more than of three households with cultivated fields and meadows. But there existed a number of large settlements of the administrative significance. Two of them -- the settlements of Alexandrovskoye and Olferievskoye Lovtsy (literary: "the settlement of hunters") consisted of 13 and 15 households -- were situated on Vasylievsky Island. The village "on a Fomin's Island" consisted of the 36 households, and here was situated the temporary residence of "tiun" (an official of the fiscal administration). One more village with 18 households was situated near the mouth of Okhta-river. Besides that, on a territory of a modern St Petersburg in 15th - 16th centuries were situated villages Kulza (15 households) -- on the right bank of Neva not far from mouth, Lachta (10 households) and Lisitch'e (28 households) -- at the Gulf of Finland coast. The first records about Spasskoye village with a church situated in a modern Smol'nyi region and connected with the village near the Okhta-river mouth by a ferryboat were dated from 1593. Archaeological examinations in 1992 - 1994 revealed the traces of cultural deposits of the 14th - 15th centuries on a cape between Okhta and Neva rivers. At the same region the burial place with inhumation was found. In a region, where the Spasskoye village was localized, the late medieval cultural layer was fixed too. So, about the beginning of the 17th century on a territory of modern St.Peterburg a developed settlement structure and developed net of interconnected water routs and roads, completed by the magistral routes along Neva and from Karelya to Ingermanlandia. At a crossroads near the Okhta-river mouth an urban centre (Nevskoye Ust'e or Nevskiy Gorodok) was formed, which influenced much on a landscape at the mouth of Neva.

During the Russian - Swedish War in 1611 a fortress was erected in a mouth of the Neva-river. On the right bank of Okhta, just opposite the fortress, a new town Nien arose. In 1642 Nien was conceded an all the Swedish town privileges. About that time there lived 470 citizens, and a main volume of goods traffic of the Russian trade with the North Europe passed by the town. During the second half of the 17th century the village Spasskoye belonged to a town Nien. In 1702 during the Northern War, just after the capturing of Noteborg, Nien was destroyed by the Swedish troops. After the Peter-and-Paul fortress was built partly with the use of building materials from Nienshants, the decision

to destroy the all fortress was made. In 1709 the survived part of Nienshants was blown. However the plan of Nienshants defences on the cape between Neva and Okhta rivers could be traced on the relief up to the beginning of the 20th century. During the excavations the cultural deposits of the 17th century encountered on a cape between Okhta and Neva and there were found fragments of piles, wight clay pipes, the Swedish copper coin of the Queen Christine, numerous pottery sherds and glass fragments, hammered iron nails and so on.

In the 17th century one more type of settlements was fixed on the Swedish maps -- the gentry estates: *Byrkenholm Hoff* (Petrogradskiy Island), *Usadiss Hoff* (Admiralty Island, not far from Fountanka-river issue), *Korethoua Gard*. Numerous estates appeared not far from Nien: *Gofsolla Hoff* or *Possola Hoff*, *Tuskola Hoff* and *Ahala Hoff*. A large estate Duder Hoff was situated on the hill near the eastern coast of the Duderhoff lake. On the south-eastern outskirts of the modern territory of St.Petersburg in the mouth of Slav'anka-river *Gudilow Hoff* estate was situated. Some of these estates are localized and archaeological inquired.

Archaeological objects of New Age in St.Petersburg. Archaeological objects and deposits of the New Age belong to the particular type of archaeological monuments, connected with a foundation and the early phases of the town existing. The foundation of St.Petersburg (1703) and it's transformation to the Imperial Capital (1712) led to a forced occupation of the territory at the Neva mouth. A particular continuity in the objects location could be traced, but it is noticeable, that the town centre transmised closer to the Neva mouth and the sites near the Okhta mouth and in Smol'nyi region temporary became desolated. A new town centre with the Peter-and-Paul fortress, the Admiralty, market- place and military camp in the first years of St.Petersburg history occupied *Zayatchiy* island, the Split of *Vasil'evskiy* island, the southern part of *Petrogradskiy* island and the north-eastern part of *Admiralty* island, partly overlaid the territories of the main settlements, simultaneously existed here since the Late Middle Ages: two estates on the eastern bank of *Petrogradskiy* island (*Byrkenholm Hoff*) and on the place of the Summer Garden (*Usadiss Hoff*), and two big settlements on the Split of *Vasil'evskiy* island. his fact was caused by the intention to use first of all cultivated lands, free of woods and dry, and the net of communications created previous times. Step by step in a suburbs of a new town military and craftsmen settlements arose. About the final of the Peter's the Great Period of a town history, St.Petersburg territory occupied the main parts of *Petrogradskiy* and *Admiralty* islands and the southern part of *Vasil'evskiy* island. Isolated monuments appeared around the Capital: out-of-town palace complexes, estates, monasteries. In 1717 the square of the town was equal the 12 km². About 1828 it reached the 54 km². In 1833 town was enlarged by the out-of-town territories: *Elagin*, *Kamennyi*, *Krestovskiy*, *Goutuevskiy* and *Rezvyi* islands and a part of a territory up to the Main Viborg Road. Since the middle of the 19th century town grey in the southern and northern direction and about 1917 the town area was equal 105,4 km².

The unique position of St.Petersburg as the historic - archaeological monument is in integrity of it's planning structure, which did not suffered much from the reconstructive interferences. The whole centre of the town (3768 ha) is included in the Unified Protection Zone. In this Zone the historical imported buildings of a high value and the planning system are preserved. But the existing protection regime provides no protection of the archaeological deposits. Archaeological monuments of the New Ages survived in a different condition possessed the different status. Some of them survived up to now perfectly, others are ruined or totally destroyed. The both are objects of archaeological investigation. In the first case the scheduling of the historical and architectural monument at the same time as an archaeological one has to be completed by a decision about an archaeological layer protection. In the second case the object has to be scheduled as the archaeological monument. Up to the present the investigations, scheduling, passportization and mapping of the archaeological objects of the New Age and the compiling of the Historical and Archaeological Plan of St. Petersburg become of the urgent necessity.

V.A.TJULENEV

Viborg Bay as an object of maritime archaeology

Since 1983 search and fixation of the underwater archaeological objects are undertaken by the IHMC RAS expedition in the Viborg Bay area of water. At the first stage (before 1987) the main attention was paid to the explorations in the inner harbour not far from Viborg. The straits around Viborg Castle. Harbours near Monrepo park and old navigable forwaters in the Vuoksa-river direction were explored. At the second stage the area of searches was enlarged to the opened sea. Main attention at this stage was paid to the northern and southern forwater cross the Tranzund archipelago, now closed. Main task was the inquiry of the straits near the island fortresses defended the narrowest parts of these former water routs. The third stage, started at 1988, directed to

reveal the underwater archaeological objects in the south-western part of Finnish skerries near the modern State border. During the 18th century an important historical events took place here, and the material evidences of them -- ships sunk in different places -- lies now at the bottom.

Undertaken analyses of the Archive materials in Russia, Sweden and Finland allowed to reveal a number of potential objects for investigation. Part of them belong to a Russian - Swedish war champagne of the 1788 - 1790. Instrumental investigations and diving research confirmed the perspectives of the underwater explorations.

J.M. LESMAN

The Medieval antiquities chronology in the Forest Zone of the Eastern Europe (the possibilities and the perspectives)

The Author examines the main two existing strategies to a creation of the Medieval antiquities chronological system. The first strategy is the seriation one based on the regulation of the closed complexes on a basis of the proximity of the types presented or on the regulations of the finds on a basis of the proximity of the parameters exposed (typological rows). The second strategy based on the synchronisations of complexes with the well stratificated or independently dated finds or sources. The examination of the strategy of seriation revealed it's principal methodical groundlessness for the most of real processes Author reveals the constrictions arose in the application of the both of the mentioned approaches to the concrete material of the mail burial complexes from the South-Eastern part of the Ladoga

region. Different approaches gives us the different dates for the same grave goods complexes.

A new strategy of the chronology creation consists of 4 stages:

1. The revealing of the chronologically important types of the mass independently dated finds.
2. The testify of the type dates by a comparison with the represented in a complexes of one-moment formation.
3. The analysis of contradictions and the more precise definition of chronology. The chronologically important types became the dating types.
4. The enlarging of the type set.

The process has an iteration character.

S.V.BELETSKYI, A.A.KUPRANIS

New sphragistic finds of the 12th -14th centuries from private collections (materials to the Ancient Rus' Act Seals Corpus)

In summer 1996 the Authors got the possibility to examine materials of a several private collections. According to the owners affirmations, collections were composed by the purchase the rarities at the antiquarian market. 59 seals of different times made by 52 pairs of moulds were examined. Most of them are the new examples of the well-known types, but there occurs either unique or questionable ones (П/VI.2.ав/50; П/II.2/51). Most of finds came from the banks of the Sivers canal, that means their connection with the famous archives, which was situated on Rjurikovo Gorodische near Novgorod.

The hypothesis that the archives, preserved in Gorodische, belonged to Princes of Novgorod, now became a platitude in a studies concerned other the medieval history of Novgorod. But

this supposition did not been argued yet. The another hypothesis, according which the complex of seals from Gorodische is the remnants of the State Archives of Novgorod the Great, transferred there from the town in the 16th century, is not confirmed yet too.

The all of the existing hypothesis are based on a materials of the published Ancient Rus' Act Seals Corpus. A new valuable investigation of the seals complex from Gorodische would be possible only after the publication of the third volume of Corpus. The newly represented materials from the private collections could be used in the study questions aroused. The Authors consider, that the publication of the new sphragistic finds would be a feasible contribution to the Corpus preparing.

K.A.MIKHAILOV

"Prince Jaroslav's seal" in a context of the Northern Europe art tradition

The lead seal of the first half of the 11th century belonged to the prince Jaroslav the Wise was found in Novgorod in 1994. On the one side of the seal there was the image of the prince himself. Stressing the unique character of this image in the Russian materials, V.L. Janin considers that it is a portrait, which exactly reflected the appearance of Jaroslav the Wise. The Author in his turn considers this image as traditional for the art of the Northern

Europe of the Viking Age. A number of the similar "male portraits" of that time indicates the existing of the certain type or canon in the Viking World art. In comparison with the numerous Scandinavian analogies of the 10th - 11th centuries the "portrait" of prince Jaroslav does not look like unique exclusion, but is rather typical image of the Viking Age warrior.

ДИСКУССИИ

Л. С. КЛЕЙН

ГЛЯДЯ НА НАШЕ ВЧЕРА?

(*Randall H. McGuire. A marxist archaeology. San Diego et al., Academic Press, 1992, 326 p.*)

Красная книга. "Марксистская археология" — книга под таким названием должна была выйти в каком-нибудь 1932 году в СССР, но она вышла в США, в ярко-красной обложке. Как признает автор, Рэндел МакГуайр, профессор-марксист университета штата Нью-Йорк в Бингхэмтоне, вышла слишком поздно — после краха Советской "Империи", и слишком рано, если рассчитывать на грядущее обнищание масс, которое, по мысли автора, неминуемо должно отвлечь массы от капитализма (с. XIV).

В книге девять глав, считая и "Введение". Во "Введении" автор кратко характеризует нынешнюю ситуацию в теоретической археологии США и Великобритании (борьбу процессуализма с пост-процессуализмом), вводит свое понимание археологии как отрасли знания и дает общее представление о марксизме для тех, кто не знаком с ним непосредственно.

И археологию и марксизм автор понимает очень широко.

Споры о предмете археологии — о том, как разместить археологию в системе наук, какие сюжеты включать в археологию, где археологии искать для себя теории — МакГуайр считает бессмысленными: "они рассекают изучение социального мира", и это затемняет понимание. По МакГуайру, современная археология "не образует единства или отдельную дисциплину" (с. 3 — 4). Он цитирует высказывание Лукача о том, что для марксизма нет отдельных наук о праве, политэкономии или истории, а есть только одна наука о развитии общества. И продолжает: "Поэтому нет марксистской теории археологии, теории, отдельной от марксизма как целого... Археология и не должна иметь единой теории" (с. 5).

На практике это сводится к тому, что под видом археологической проблематики автор всё время говорит о сюжетах преистории и ранней истории, даже скорее социологической истории — о причинах классовообразования, корнях государственности, роли женщин и т. п. Знаю, что такое понимание археологии найдет своих сторонников среди российских археологов. Как и Г. Кларку

(Clark 1957: 9,17), мне оно представляется неверным, и я не раз выступал против него (Клейн 1977: 3-14; 1978; 1986: 209-219). Наука потому и ставит проблему синтеза, что предварительно расщепляет мир для анализа; профессионализм и специализация — необходимые атрибуты научности. Археология для меня источниковедческая дисциплина, ее главные проблемы — это соотношение материальных древностей с идеями и событиями истории, опредмечивание. Они остались в стороне у МакГуайра. Правда, проблемы ранней истории и преистории тоже интересны и важны, но это другие проблемы и они не должны вытеснять тех.

Широкое понимание марксизма найдет у нас меньше сторонников, и я не уверен, что этот факт плох. Для МакГуайра "Марксизм — не одна конкретная теория общества... Это философия, традиция мышления, способ производства теорий, который произвел уже и еще произведет немало теорий. Это вибрирующая многоцветная палитра. Все эти теории исторически и по своему развитию связаны так, что они различаются по степени и переходят одна в другую. Что является общим для многих теорий или толкований марксизма, это именно традиция, история и процессы развития, а не набор доктрин или вероучение. Как традиция марксизм очень непрочно скреплен, свободно открыт идеям извне и сам дает идеи другим традициям" (с. 9 — 10). И дальше: "Живучесть марксизма происходит от того, что это не одна теория, а богатая традиция взаимосвязанных и часто соревнующихся теорий" (с. 22).

Далее, после этого введения, следуют две главы историографического плана. Первая из них (но так как счет начинается со введения, то она вторая) посвящена краткой истории марксизма. Охарактеризовав личность Маркса, автор рассматривает марксизм Второго Интернационала, затем Коминтерновский марксизм и марксистскую научную литературу Восточной Европы (под которой он понимает ... Германию), а далее переходит к западному марксизму (понимая под Западом ... ту же Германию). Он уделяет по разделу каждому ответвлению этой идеологии — Лукачу,

Грамши, франкфуртской школе и ее критической теории. Переходя к послевоенному марксизму, автор подробно рассматривает течение "новых левых" (экзистенциалистский и структуральный марксизм, марксизм английских историков) и, наконец, описывает современный марксизм — "марксизм пост-модернистского мира", к гегельянскому крылу которого принадлежит и сам автор. Развитие марксизма в Азии (Китай, Вьетнам) практически не затронуто.

В истории советского марксизма автор видит как позитивное, так и негативное. Рассказывая о революционных прорывах ранней советской науки, автор напоминает, что Чаянов предвосхитил выводы Салинза о принципах крестьянского хозяйства, а Кондратьевская теория экономических циклов — "теорию мировых систем" Уоллersteйна, весьма модную сейчас на Западе. Он мог бы еще добавить, что Богданов на полвека опередил некоторые принципы кибернетики, а Вавилов стоял у истоков "зеленой революции". Сообщает МакГуайр и о сталинском терроре, который унес жизни миллионов, в том числе и жизни лидеров мировой науки. Вопрос о том, в какой мере Сталин следовал заветам Ленина (вспомним учение о диктатуре, запрет остальных партий и "корабль философов") и являлся ли ленинизм наиболее последовательным развитием марксизма (радикализм, воинственность и сектантство были присущи уже Марксу), у МакГуайра не ставится.

К этой главе примыкает третья, в которой автор излагает свое понимание соотношений археологии и марксизма. Для этого он делает обзор различных историй археологии и предлагает вписать в них марксизм и его роль, которая видится ему весьма значительной, особенно ближе к современности. Три раздела отражают три региона, где сформировалась археология, претендующая на аттестацию марксистской — это советская археология, латиноамериканская и англоамериканская (начиная с Чайлда, чье влияние в западном мире было огромным). Опять же китайская археология не включена в обзор. Советская археология описывается из вторых рук, археология Польши или Чехословакии осталась вовсе без внимания, так как славянскими языками автор не владеет.

Обзор археологии нашей страны выглядит ушербным. Предреволюционную российскую археологию МакГуайр вслед за своим источником Михаилом Миллером представляет как состоящую из школ "формалистической" и "эмпирической" (с. 57). Это совершенно не отражает истинной картины: в России были свои диффузионисты (Городцов), своя этнокультурная традиция (Спицын), своя антропогеографическая традиция (Анучин, Волков, Жуков), оригинальная концепция комбинационизма (Кондаков, Ростовцев) и т. д. Говоря об атаке Равдоникаса на традиционную археологию, МакГуайр сообщает, что тот был поддержан Арциховским (с. 58). На деле именно Арциховский начал штурм традиционной археологии за несколько лет до Равдоникаса, с которым у них было весьма жесткое соперничество. Стадиальная теория Марра истолкована как учение о последовательности формаций первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной и т. д. (с. 58), что далеко от истины.

Есть огрехи и в изложении западных исследований. Так, о Чайлд сказано, что он пребывал в оппозиции сталинизму, который, де, он называл "марксистским извращением марксизма" (с. 69). Это не так. Против сталинизма Чайлд избегал высказываться. Не сталинизм, а отвергнутое Сталиным учение Марра Чайлд назвал "марристским (не марксистским! — Л. К.) извращением марксизма".

Однако, надо признать, МакГуайр масштабно и впечатляюще показал влияние марксизма в западной науке, в частности в культурной антропологии и археологии (или скорее преистории). Он признает, что марксизм как цельное учение открыто вошел в научный оборот только в последние полтора десятилетия, но воздействие марксизма, как сейчас стало ясно, сказывалось в последние 75 лет. МакГуайр берет основной американский историографический труд Уилли и Саблофа "История американской археологии" (Willey, Sabloff 1974) и иронизирует по поводу того, как там показан процесс развития американской археологии без малейшего участия марксизма. Все древо развития представлено как колонна, в центре которой Бинфорд, в основании — такие мыслители как Лесли Уайт, Крёбер, Джулиан Стюарт, а сбоку от них помещены Чайлд, Витфогель, Армиллас, Сандерс, Палерм и Уолф. Но для Чайлда и почти для всех, упомянутых следом за ним, "главным интеллектуальным стимулом ... был Карл Маркс" (с. 54). То же можно сказать о Уайте, а Уайт и Чайлд вдохновляли Бинфорда.

Главная, теоретическая часть книги МакГуайра состоит из трех последующих глав — четвертой, пятой и шестой. На них я остановлюсь подробнее дальше, а сейчас лишь охарактеризую кратко их содержание.

Четвертую главу автор отвел раскрытию своего, диалектического понимания марксизма — как теории внутренних отношений социальной системы. Глава называется: "Диалектика — марксизм как теория отношений". Автор рассматривает язык, законы и ограничения диалектики, специально — диалектику материальной культуры (пассивна она или активна, материальная культура как определение ментальных явлений). Заканчивает главу он формулированием "диалектической гносеологии для археологии".

"Сотворение истории" — название пятой главы. Здесь автор противопоставляет свое, диалектическое понимание детерминизма абсолютному детерминизму "новой археологии", затем излагает учение о материализме и говорит о диалектическом соотношении культуры с природой. Рассмотрение истории продолжается в шестой главе — "История и эволюция". Здесь автор оценивает роль абстрагирования в историческом исследовании, определяет соотношение эволюции и истории, социобиологического и конкретно-исторического, соотношение семьи и государства.

На этом оканчивается теоретическая часть и автор переходит к практическим приложениям своих теоретических воззрений. Седьмая глава отведена конкретному примеру марксистского анализа археологических данных — автор излагает свои собственные исследования родовых и классовых отношений в культуре Хохокам, в поселе-

нии Ла Сьюдад.

В восьмой главе представлена "критическая археология" на практике. Разбирается проблема, острая для внутривосточной ситуации в ряде американских штатов: "Археология и исчезающий американец". Под "исчезающим американцем" подразумевается индеец. Чье, собственно, прошлое изучают белокожие американцы, и кто распоряжается интерпретацией этого прошлого? Как учитываются интересы индейского населения? Это моральные проблемы американской внутренней политики (такие же волнуют и австралийских археологов), но археологи левого толка хотят придать им теоретический статус в самой археологии.

Девятая и заключительная глава называется "Практика археологии" и представляет собой сводку о перспективах марксизма в археологии — перспективы диалектики, самокритической рефлексии, понимания живого опыта народов.

Западный марксизм и археология. Хотя в западной литературе есть несколько обобщающих работ о марксизме в археологии (Godelier 1977; Montena 1980; Spriggs 1984; Trigger 1984: 59-97; 1985: 114-123; Gilman 1989: 63-73), эта — наиболее полная по охвату. Чайлд и "новая археология", а также культурный материализм Харриса в антропологии и вежливые дискуссии с советскими археологами в эпоху разрядки вымостили западным археологам путь к марксизму (или марксизму к западным археологам), и марксистские идеи вошли составной частью в археологическое мышление англоамериканского и западноевропейского (но не германского) археологического истеблишмента. Эти умеренно марксистские вкусы, проявлявшиеся в интересе к экономике и социальной дифференциации, были чем-то сродни "причесанному" марксизму позднесоветского общества. Однако в западном марксизме после волнений 1968 года остались и "кудлатые" марксисты — идеологи радикального крыла. Сейчас разношерстные течения этого плана влились в новое увлечение археологической молодежи — пост-процессуализм.

В Англии центрами марксистского брожения в археологии стали Кембридж и маленький университет Лэмпетера в Уэльсе. В США это северо-восточный регион: Университет штата Массачусетс в Эмхерсте и Университет штата Нью-Йорк в Бингхэмтоне. Молодые американские археологи-марксисты, называвшие себя "крысами", стали регулярно собираться на семинары (Radical Theoretical Archaeological Seminars, сокращенно RATS — отсюда и самоназвание). В Испании это один из двух университетов Барселоны и университет города Хаэн. Ну, и, конечно, археологические учреждения Мексики. Так что среда для обсуждения проблем марксизма там есть.

Тем не менее я не рискую ошибиться, если скажу, что книга Рэндала МакГуайра вряд ли вызовет ажиотаж или хотя бы большой интерес на Западе. Марксистская идеология в чистом виде (впрочем, что это такое — вопрос спорный) никогда не была и не является массовой и авторитетной на Западе, для нее просто нет широкой экономической базы — масс подлинного пролетариата, люмпенизированных слоев. Не из этих слоев происходят и сами археологи. Как пишет МакГуайр,

"Мало кто из археологов, защищающих сегодня на западе марксизм, если вообще кто-либо из них ... происходит из угнетенной среды и защищает ее интересы. Когда личности входят в археологию из маргинальных классовых слоев, они стремятся использовать археологию как средство для присоединения к буржуазии и впитывают буржуазную идеологию" (с. 87, прим. 5). Так что те личности марксистской ориентации, которые провозглашают себя рупорами угнетенных масс, это в основном люди из состоятельных семей, переживающие чувство вины за свое материальное благополучие. Нередко и перебарщивая в этом самобичевании.

Далее, тамшние марксисты подобно МакГуайру понимают марксизм очень широко и диффузно и применяют к археологии лишь отдельные идеи этого безграничного комплекса, а в таком виде эти идеи не имеют за собой той мощной аргументации, которую поставляло сильное и единое учение. Нет такой аргументации и в книге МакГуайра. Он, видимо, и не представляет себе сколь развращенной и мощной была аргументация в томах советской марксистской философии. Да, официальная наука была частенько кондовой и не рассчитанной на спор. Но ведь не только такие были в ней труды. По сравнению с ее серьезными работами вязь аргументов МакГуайра тонка и бедна.

И всё же гораздо более интересна его книга именно для археологов из стран бывшего социалистического лагеря, особенно российских. Здесь все были обязаны придерживаться марксистской идеологии, это было механическим следствием и компонентом советского подданства. Интересно посмотреть, как выглядят марксистские взгляды, не полученные при рождении с паспортом подобно национальности и не навязанные, а добытые работой совести и ума.

Россия — давний очаг господства марксизма и поле его многолетнего давления на археологию, внедрения в нее его идей, за которыми всегда стояла система — идеологии и государства. Правда, результаты давления преувеличивались внутри страны и за ее пределами. На мой взгляд, советская археология так и не стала марксистской — по многим причинам не стала (Клейн 1993; Klejn 1994). Но давление не прошло и бесследно. Марксистское мышление привито нам с детства и стало нашей природой. Марксистская фразеология — это наш язык. Нельзя уверовать в бога, если знаешь с детства, что бога нет. Нечего ожидать идеалистических воззрений от человека, понимающего, что для любых воззрений нужна материальная база. И т. д. Особенно трудно отрешиться от марксистских норм старшему поколению археологов.

К тому же археологи, как и любые ученые, существуют не в башне из слоновой кости, они живут среди своих современников — рядовых граждан, в социальной среде. А в этой среде сейчас по всей Восточной Европе нарастает разочарование от трудностей переустройства социалистического лагеря (какого-никакого, а обжитого), от неумения приспособиться к богатым возможностям, но и жестким требованиям жизни в условиях свободного рынка и демократии. Наблюдается откат к эгалитарным, социалистическим и

тоталитарно-националистическим идеям, некоторая реставрация авторитета марксистской идеологии. Забываются уроки реализации утопии. Отыскиваются лазейки для утверждения, что это не утопия, для веры.

В этих условиях обобщающая книга о марксизме в археологии, написанная западным ученым-марксистом, может оказаться небесполезной. Прежде всего она показывает, что та версия марксизма, к которой мы привыкли, является не единственной, а лишь одной из многих и даже не самой авторитетной, коль скоро с ней как-никак связано крушение, к которому пришли наше общество и все его спутники, все, кто этой версией руководствовался. Труд Лешека Колаковского о разных течениях мирового марксизма (Kolakowsky 1978) у нас мало кто читал, и книга МакГуайра, описывающая эти течения в проекции на археологию, помогла бы расширить кругозор. Это во-первых.

Во-вторых, эти марксистские и близкие к марксизму течения сейчас вошли в эклектическую смесь, которая называется пост-процессуализмом и которая стала определяющим фактором современного теоретического развития археологии на Западе, так что тому, кто хочет разобраться в ориентирах и тенденциях современной западной археологии, нужно быть осведомленным в разновидностях марксизма. Это тем более необходимо, что встретив указания на марксистские ориентиры, наш читатель, поди, ассоциирует их с марксизмом в советском понимании, а этого не стоит делать.

В-третьих, свободный от государственной силовой поддержки и вынужденный рассчитывать только на убедительность своих доказательств, автор поневоле сосредоточивается на тех положениях марксистской методологии, которые лежат подальше от утопических социальных авантюр и политического радикализма, на тех, которые держатся без эмоционального и идеологического подкрепления — именно такие положения весьма распространены среди западных археологов, да и вообще входят не только в марксизм. Это — умеренный материализм, диалектика, учение о классах, интерес к экономике, к социальным структурам и изменениям в них.

И наконец, когда видишь, как представлен марксизм в этой книге (а она в основном отражает практику марксизма в археологии Запада) и сравниваешь ее с советской археологией недавнего времени, то возникает двойственное впечатление. С одной стороны, не оставляет ощущение некоторой юношеской задиристости и несолидности западных археологов-марксистов (то ли дело наши академические фолианты с разработками марксизма в археологии, солидные и всеобъемлющие!), а с другой стороны, понимаешь, что у него и был (а возможно, и есть) настоящий марксизм — течение, неразрывно связанное с политическим движением левых: прямая критика буржуазного общественного устройства, защита угнетенных слоев и наций (у себя, не за границей), борьба за эмансипацию женщин, поддержка революционных идей везде. Другое дело, какое это имеет отношение к науке, к археологии и ее основным проблемам. Но к марксизму имеет.

Марксизм или пост-марксизм? Впрочем, широкое понимание марксизма, проводимое МакГуайром, вызывает еще большие сомнения, чем узко-догматическое понимание чистоты марксизма, характерное для московских "попов марксистского прихода" в не столь далекие времена.

Марксизм возник среди социалистических утопий и претендовал на то, чтобы отличаться от них своей научностью и реалистичностью — осуществимостью. Но 150 лет его разработки и многократных опытов реализации показали, что результаты его отличаются от других утопий только масштабом, а по сути — те же: всеобщее разочарование, огромный ущерб и гнев возмущенных подопытных.

Тем не менее именно научность была тем девизом, который побудил сконцентрировать вокруг социалистической идеи (для ее вящего обоснования) политические, политэкономические, исторические и философские концепции и сгруппировать их в единый стройный комплекс. Марксизм как учение имел смысл только как цельная система. По отдельности, врозь идеи, использованные им, существовали в том или ином виде до него и существуют вне его. Их не стоит в таком виде называть марксистскими. Когда они в таком виде проявляются в разных науках, можно говорить о том, что это произошло в результате влияния марксизма, что использованы некоторые разработки марксизма, и это бывает не так уж редко. Такие идеи можно встретить у весьма далеких от марксизма в целом ученых — например, в социархеологии консерватора лорда Кеймсторна (Коллина Ренфру). Это не марксизм, и такие археологи — не "скрытые" марксисты ("closet" or "hidden" Marxists), как их называл Сприггс (Spriggs 1984: 7), они вполне правы, не считая себя марксистами.

Но и как цельная система марксизм сильно изменялся — это показывает обзор МакГуайра. Когда научная теория, учение, течение, развиваясь, изменяется, не очень трудно установить, за каким пределом кончается прежний комплекс идей и появляется нечто новое, лишь более или менее связанное преемственностью с прежним. Суть учения, его коренные, неотъемлемые признаки обычно отражаются в названии и уж во всяком случае в определении. Когда же учение называется по основоположнику, это затрудняет идентификацию при развитии, ибо что считать существенным и неприкосновенным в наследии, а что — заслуживающим усовершенствования или отмены — дело спорное. Это, с одной стороны, дает возможность через сто лет деятелям, весьма далеким от учения основоположника, утверждать, что они его прямые последователи (как известно, Маркс говорил, что если его зятя — марксисты, то он — не марксист), а с другой неким ревнителям чистоты учения отстаивать каждую букву в наследии классиков и запрещать любое развитие как ревизию и измену. Не без оснований эстонский археолог Приит Лиги писал: "Больше всего я возражаю против использования имени Карла Маркса в археологии. Когда мы имеем в виду воздействие эволюционного учения, мы ведь не говорим о "дарвинистской" археологии, правда?" (Ligi 1993: 31-39).

МакГуайр пишет: "Маркс не оставил нам марксизма... Марксизм начинается с идеи Маркса, но эта школа мышления росла и ветвилась, как мир общества вокруг нее, и наше знание этого мира менялось" (с. 24). И несколько далее, "Марксистская интеллектуальная традиция больше, чем труды Маркса" (с. 83). Верно. Но насколько больше? И в чем они продолжают труды Маркса? Велика ли преемственность?

Оказывается, все нынешние западные марксисты в археологии отвергают любую форму детерминизма — энвайронментного, материального или технического (с. 84). А производственно-экономический детерминизм Маркса? Многие из них отвергают приоритет производства, идею объективной науки, законы истории, представление о том, что человеческая история проходит ряд стадий, то есть отвергают и идею формаций (с. 32). Франкфуртская школа марксизма не признает, что базис определяет надстройку, что рабочий класс производит социалистическую революцию или хотя бы приведет к социалистическому переустройству общества (с. 37 — 39). Экзистенциальные марксисты полагаются не на коллективные действия, а на сознание личности, на индивида (с. 41). Так что же осталось от первоначального марксизма, от учения Маркса, чье имя берется для теории?

Да и сам МакГуайр несмотря на весь свой либерализм не признает Марвина Харриса марксистом (с. 123 — 124), хотя тот сам себя считает таковым. Не случайный вдохновитель и зачинатель западного марксизма Лукач покался в своих отклонениях от марксизма, а его друг и соратник Корш, так и не покаявшийся, называл марксизм разбитым горшком, который уже не починить (с. 34). Никос Музелис в журнале "новых левых" спрашивает о своих современниках: "Марксизм или пост-марксизм?" (Mouzelis 1988: 107-123).

Называться по основоположникам — это черта религиозных учений, усматривающих свое достоинство в неизменной чистоте Священного Писания: христианство — по Христу, буддизм — по Будде. Откуда такая страсть сохранить на своих взглядах имя давнего основателя? Нет же в науке ни эйнштейнизма, ни ньютоновства. В религии имя сохраняют как святыню, как гарант истины. В марксизме — как знамя, как символ приобщения к мощному политическому движению, носившему печать прогрессивности и народности. И тоже как культовую святыню. Религиозный аспект в марксизме чрезвычайно велик. Борьба с ересями, диссидентством, мощи в мавзолее, пророки и святые, индексы книг... Советское государство было теократическим, и с религиями оно боролось как с конкурентными конфессиями. В качестве вероучения марксизм проецировал себя на вечность.

В науке же принято отводить учению крупного мыслителя историческое место, то есть выделять период его естественного (не насильственно!) доминирования в исследованиях, по окончании которого можно говорить лишь об использовании некоторых его идей в других учениях.

Отражая системный взгляд на развитие науки, МакГуайр резонно отмечает: "Теория не кумулятивна. Наши теории не становятся лучше и лучше; мы исчерпываем их освещение мира, они гнутся и ломаются под тяжестью реалий, которые они

стремились обобщить, или становятся ненужными, а то и вредными для целей мира, в котором мы живем" (с. 7). А к марксизму это относится? Ах, да, марксизм же не теория, а только традиция. Но тогда в него можно включать всё, что угодно, лишь бы левое, и напрасно МакГуайр отказал в этом Марвину Харрису.

Период естественного доминирования какого-либо учения в науке характерен для нормальной науки — "нормальной" по Куну и в обиходном смысле. Такого нормального периода у марксизма в археологии, собственно, никогда и не было. Марксизм стал насаждаться в археологии только после захвата им политической власти в России, насаждаться насильственно, и это был марксизм-ленинизм, а затем и сталинизм. Можно спорить о том, есть ли это закономерное и единственно последовательное развитие наследия Маркса в борьбе за власть и у власти, но в советскую археологию входил именно такой марксизм.

Через несколько десятилетий в западной археологии в результате свободного развития и отчасти советского влияния появился другой марксизм — марксизм Чайлда и его немногих последователей. Это был очень интересный феномен. С одной стороны за Чайлдом стоял самостоятельный опыт политической деятельности в рабочем движении Австралии и опора на коммунистические круги Великобритании, с другой — его марксистское мышление развивалось всё-таки на фоне существования советской археологии и со ссылками на нее. Так или иначе, Чайлд воспринимал марксизм как цельное учение, хотя и не использовал в археологии его тоталитарные идеи (учение о диктатуре, о партии). Это было нечто типа марксизма Второго Интернационала.

Такого марксизма как единого учения сейчас нет. Капитализм с прошлого века сильно переменялся, вынуждены приспособляться и социалистические течения. Осколки старых марксистских партий либо доживают свой век как секты — прибежища начетчиков, застрявших в прошлом, либо меняют учение, весьма удаляясь от первоначального марксизма, а то и от марксизма вообще. Ныне мы видим попытки разных, как их называет Триггер (Trigger 1989: 32), пара-марксистских (то есть около-марксистских) течений создать археологию своего толка — критическую, диалектическую, структуралистскую, пост-структуралистскую, феминистскую. Может быть, их лучше так и называть, не подгоняя под марксистскую шапку?

Что собой представляют сейчас эти течения, так или иначе смыкающиеся с современным западным марксизмом в археологии?

Пара-марксистские археологии? 1) "*Критическая теория*" выросла из марксистских идей о социальных корнях идеологии и о возможностях господствующего при капитализме класса навязать свою идеологию всему обществу. Франкфуртская школа марксизма (Хоркхеймер) разработала концепцию "критики культуры". Эту критику она обращала против массовой культуры, затемняющей сознание масс ради господства капиталистического способа производства. Концепция "критики культуры" переросла в "критическую теорию" (Адорно, Фромм, Маркузе), в которой наука приравнена к массовой культуре: уче-

ный принадлежит к состоятельным слоям общества, обслуживает господствующий класс и полон его предвзятыми идеями. Поэтому он не может судить объективно о социальных явлениях. Чтобы освободиться от предвзятости, он должен разобрататься в собственных социальных корнях, познать их — эта саморефлексия есть путь эмансипации. Обычный для марксизма историографический анализ социальных корней тех или иных научных течений "критическая теория" обратила в саморефлексию, самокритику, самопознание.

Пост-процессуалисты, заимствовавшие эту теорию у марксистов, развили идею дальше, заговорив о "критической археологии" как одном из аспектов пост-процессуальной археологии. Логика их такова. Ведь и о своих собственных корнях ученый может судить только своим собственным сознанием, полным предрассудков, со своих классовых позиций. Объективного критерия у него нет. Освободиться от политики невозможно. Все разговоры об объективной науке надо прекратить: это обман и самообман. Археология всегда обслуживала политику, и только. Важно лишь — какую.

Что-то это напоминает нам, не правда ли? Наиболее завзятые большевистские комиссары от науки проповедовали нечто подобное, ссылаясь на ленинский принцип партийности науки как ее "высшей объективности" (хотя, замечу, в ленинских формулировках можно найти и оговорки).

Англо-американские археологи-марксисты, декларирующие "критическую диалектику", принимают переоценки различных теорий, школ и концепций с точки зрения их социальной обусловленности (Брюс Триггер, Филип Кол, Томас Пэтерсон). Эта их практика очень напоминает советскую литературу прежних десятилетий. Выражая их позицию, МакГвайр одобряет пост-процессуалистскую критику позитивистского объективизма "новой археологии", но сетует на безудержный релятивизм пост-процессуалистов. Не ссылаясь на Ленина, он и его соратники разъясняют разницу между абсолютной и относительной истиной в науке, говорят о бесконечности продвижения по пути познания, но так и не предлагают решение главного вопроса: есть ли в методике археологических исследований гарантии объективности и какие именно, есть ли меры против субъективных искажений политического или иного характера. Как-никак процессуалисты обсуждали именно такие меры — формализацию, теорию выборок, проверку гипотез. Перечень и анализ таких мер был бы гораздо полезнее для науки, чем философские прения об абсолютной и относительных истинах.

2) *Структурализм* французоязычных лингвистов (Соссюр) и культур-антропологов (Леви-Стросс) поздно проник в археологию и не очень широко распространился в ней (некоторые аспекты в творчестве Леруа-Гурана, в Америке — Джеймса Дица). *Структуральный марксизм* возник позже других марксистских течений, в рамках "новых левых", в 70-е годы. Французские философы и культур-антропологи Альтюсер, Годелье и Мейясу соединили марксизм со структурализмом. Альтюсер сохранил Марксов тезис об определяющем "в конечном счете" влиянии экономики на всё общество, добавив, что в реальности "конеч-

ный счет" никогда не наступает и всё решается взаимодействием социальных структур. Из известных американских археологов за этими философами следует Марк Леони чьи позиции сдвинулись с процессуалистских (он — ученик Бинфорда) в сторону структурального марксизма и пост-процессуализма.

Другую ветвь структурального марксизма образуют западно-европейские социал-антропологи и археологи во главе с Джонатаном Фридменом — Майкл Раулэндс, Кристиан Кристиансен, Барбара Бендер, В отличие от Альтюсера эти исследователи уделяют больше внимания конкретным историческим причинам происхождения структурных трансформаций и считают это главной целью археологии. Некоторое влияние на них оказала теория "мировых систем" Имманюэля Уоллерстейна, соединившая идею Троцкого о неравномерности развития капитализма с учением Кондратьева о циклах и с системным подходом.

Еще одна группа структуральных марксистов (Блок, Дайемед, Ликок и Уолф) нашла в первобытном обществе нечто, напомнившее им классовые отношения. Исследователи усмотрели это в неравенстве разных групп населения — возрастных, половых и др. и распространили на эти явления привычный для марксизма анализ доминирования, власти и т. п.

3) *Пост-процессуалисты* Англии (Ян Ходдер, Шэнкс и Тилли, Миллер, Дж. Томас и др.) подхватили идеи структурализма и структурального марксизма. Из структурализма они взяли главным образом интерес к глубинным ментальным структурам, символике, знаковости в культуре, а из структурального марксизма им пришлось по вкусу идея о том, что структура, связывающая производство с социальными отношениями, маскируется идеологией. Они перенесли главное внимание на идеологию — у них она не только маскирует связи, но и создает их, создает структуры, исследуемые археологией.

4) Очень влиятельное течение, вливающееся и в марксистское крыло западной археологии и в пост-процессуалистскую археологию, это *феминизм*. На волне эмансипации женщин в современном западном обществе феминистски настроенные археологи-женщины в начале 80-х выступили с развернутыми утверждениями, что мужчины-археологи, во-первых, занимают лучшие места в археологии не благодаря своим способностям, а незаслуженно, лишь по дурной традиции — приводилась соответствующая статистика (Джоан Гироу), а во-вторых, что мужчины-археологи не могут преодолеть свои мужские предрассудки, вливающиеся в "мужской шовинизм", и рисуют прошлое с искажением реальности, умаляя роль женщин в древнейшие эпохи (Маргерит Конки и Джэнит Спенсер).

Еще в 1972 г., издавая "Происхождение семьи" Энгельса, Элеанор Ликок заметила, что по Энгельсу первым общественным разделением труда было половое, с чего началось угнетение женщин мужчинами. Развивая эту тему в 80-е, она оказалась зачинателем слияния археологии с марксизмом (то, бишь, зачинательницей — феминистки навязали обществу коррекцию языковых норм, нередко смехотворную: как, скажем, в русском

языке быть со словом "археолог"?). Элисон Уайли возвела археологически-марксистский феминизм в ранг философии. Со стороны феминисток увлечение их соратниц марксизмом встретило и отпор: в книге "Несчастливый брак марксизма с феминизмом" Хеди Хартмэн настаивает, что главное разделение на угнетенных и угнетателей проходит не по классовым различиям, как принято в марксизме, а по половым. Poleмика носит односторонний характер: феминистки наступают, марксисты почти не обороняются. Литература по *феминистской археологии*, а точнее — по археологическому феминизму огромна, всё больше конференций и семинаров.

Между тем, демократическое и вызывающее симпатии по своим первоначальным целям, движение явно перешагнуло рамки демократического. То и дело по предвыборным соображениям выполняются не всегда обоснованные требования феминисток. Во многих сферах западного мира, в частности и в науке, введены квоты для женщин (например, на звания профессоров) — чтобы выравнять пропорции. Но это означает коллективную привилегию и, следовательно, ведет к нарушению гражданских прав личности — отдельных мужчин, которым ставят препоны не по их профессиональной непригодности, а только по их половой принадлежности. Обоснование таких действий исходит из предположения, что способности мужчин и женщин к науке абсолютно одинаковы и неравномерность распределения создана искусственно. Но ведь это не факт. Сравнительные способности мужчин и женщин к науке проверить трудно, но схожие способности к шахматам безусловно не равны — чемпионаты приходится проводить раздельно. Для женщин в этом нет ничего обидного — у них зато более развиты другие способности (например, к тщательной сборке из мелких деталей). Огульное обвинение мужчин-ученых в недооценке роли женщин просто несправедливо: учение о матриархате выдвинуто мужчинами.

Марксисты избегают критиковать феминизм вряд ли из соображений галантности. И западный марксизм и пост-процессуализм воспринимают феминизм как естественного союзника в борьбе с традиционным миропониманием и поэтому охотно считают его своей составной частью.

5) Из всех модных сейчас на Западе марксистских течений в археологии наиболее традиционное — *диалектика*. Правда, отношение к Гегелевской диалектике в марксизме неоднозначно. Энгельс, продолжая линию Маркса, распространял диалектику на природу и общество. За ним следовали Ленин и вся советская наука. Из ранних марксистов Э. Бернштейн отвергал диалектику как нонсенс. Не очень жаловали ее и русские "экономические марксисты". Оформивший учение Лесли Уайта как "культурный материализм" Марвин Харрис относился к диалектике так же. Он писал: "Гегель — это не гигант, на чьих плечах Маркс, как он думал, стоит, а мартышка, взбирающаяся по спине Маркса" (Harris 1978: 145). В структуральном марксизме Альтюссер большей частью заменил диалектику структурализмом.

Зачинатели западного марксизма Лукач и Грамши отвергли Энгельсовскую "Диалектику

природы". Диалектика, по их мнению, распространяется только на общество, но зато здесь она играет первенствующую роль в познании. Эту позицию унаследовала Франкфуртская школа марксизма, создавшая "критическую теорию", а за нею и современные западные марксисты-гегельянцы, которых немало в английской и американской культур-антропологии и археологии. С 1975 г. в США выходит журнал "Диалектическая антропология". Дин Сайта, хоть и не с гегельянских позиций, говорит о "*диалектической археологии*" (Saitta 1989: 38-43).

Неудивительно, что МакГуайр видит в диалектике важнейший вклад марксизма в археологию и уделяет ей основное место в теоретической части своей книги — всю 4 главу и ряд разделов в последующих главах. Но вот что бросается в глаза. Начинает он свой разбор диалектики с раздела "Язык диалектики". Он придает языку определяющее значение в диалектике, противопоставляя его языку "здорового смысла" и формальной логики. Есть опасение, что, подобно многим, автор ищет в диалектической фразеологии прибежище от реальных трудностей — стоит лишь сослаться на то, что перед нами не простое противоречие, а диалектическое — и с ним можно мириться.

Выявлять противоположности и противоречия в материале, конечно, важно, но, как бы их ни называть — антиномиями, диалектическими противоречиями или оппозициями, — задача не сводится к их выявлению. Диалектический подход состоит в том, чтобы исследовать роль противоречий, напряженность, ими порождаемую, и указать пути выхода из них — снятие, разрешение, переворот. В примерах МакГуайра ни одного случая разрешения противоречий я не нашел.

В споре процессуалистов с пост-процессуалистами об археологическом толковании материальной культуры позиция диалектики МакГуайра неясна. Первые видят в предметах материальной культуры пассивный результат человеческой деятельности в прошлом — "ископаемое"-источник, *rescord* (источник), буквально — 'регистрацию', 'фиксацию', объективно отражающую прошлое поведение. Вторые считают, что предметам материальной культуры было придано в прошлом символическое значение, которым определялось их активное воздействие на поведение людей; для нынешнего же археолога такой предмет — всё равно что текст, а текст читается по-разному — в зависимости от подготовленности и установок читателя. У разных читателей окажется разное прочтение, и все они верны. МакГуайр, ссылаясь на Чайлда, решает спор "диалектически": в материальной культуре есть и то и другое. Диалектическое противоречие! Но как сочетать эти несовместимые подходы? Ведь из них вытекают противоположные требования к методике!

Свое понимание диалектики, заимствованное у Олмена, МакГуайр описывает так: "диалектика видит социальный мир как разработанную структуру внутренних отношений, в которой отношения любого данного предмета к другим диктуют чем данный предмет окажется" (с. 94). Но ведь это просто перефразировка системного подхода, и даже не всего системного подхода, а одного его компонента — интегратизма с его девизами: целое

больше суммы его частей, часть определяется целым (см.: Klejn 1973: 691-710). Налицо очередное переименование. О системном же подходе в книге нет ни слова. Мода прошла?

Излагая "диалектическую гносеологию для археологов", МакГвайр защищает разделение между естественными и социальными науками, характерное для западного марксизма — по субъектно-объектным отношениям. Для меня это разделение существует, но больше по другим параметрам (по степени универсальности законов, по их проверяемости и т. д.). Для наглядности МакГвайр сравнивает геологию с культур-антропологией. У геологов "объекты их изучения существуют независимо от самого изучения: изучение геологии создает геологов, но не создает камни..." Иное у антропологов: и субъект и объект — люди. "Есть единство субъекта с объектом. Чтобы быть антропологом, надо иметь информатора, а чтобы быть информатором, надо иметь антрополога. Более того, хоть информатор интересуется антропологом, но ведь и антрополог интересуется информатора; информатор изучает антрополога, как тот изучает информатора. Так что оба суть активные участники в этом их соотношении и оба изменяются им. Геолог никак не может стать камнем. Камень никогда не станет изучать геолога" (с. 109).

Эта диалектическая логика от меня ускользает. Я могу любить или ненавидеть мои объекты.

но когда я их исследую, я подавляю свои чувства. И уж мне решительно безразлично, как они относятся ко мне. Я изучаю обработанные кремни и тех, кто их некогда сделал, абсолютно одинаково, применяя к ним одни и те же принципы, хотя методы и могут быть разными. Да простит меня МакГвайр, но я изучаю объекты, называемые "крысами", не взирая на то, грызуны это, портящие мое хранилище находок, или археологи-марксисты, пишущие труды по археологии. И мне всё равно, что "крысы" любого вида думают в это время обо мне. Это меня несколько не изменяет. А если это изменяет их, то чтобы не допустить искажения результатов, я должен принять предусмотренные на сей случай меры и провести соответствующие перерасчеты данных.

Конечно, я изучаю грызунов не теми методами, которыми изучаю кремни, а кремни — не теми, которыми археологов. Но вовлеченность в процесс здесь не при чем. Я вовлечен в процесс не более, чем мой компьютер. По крайней мере, я должен к этому стремиться, и такие возможности у исследователей есть.

Если бы я писал эту рецензию хотя бы лет пять назад, то, при всех критических замечаниях, я бы порекомендовал книгу к переводу и изданию у нас. Но так как я пишу сейчас, то я просто написал эту рецензию несколько подробнее, чем писал бы раньше.

- Klejn L. S.* 1977. Предмет археологии // Археология Южной Сибири. Кемерово.
 1978. Археологические источники Л.
 1986. О предмете археологии (в связи с выходом книги В.Ф. Геннинга "Объект и предмет науки в археологии") // СА. №3.
 1993. Феномен советской археологии. Санкт-Петербург, Фарн, 1993.
- Clark J. G. D.* 1957. Archaeology and society. Boston, Mass., Harvard University Press.
- Gilman A.* 1989. Marxism in American archaeology // Lamberg-Karlovsky C. C. (ed.). Archaeological thought in America. Cambridge, Mass., Cambridge University Press.
- Godelier M.* 1977. Perspectives in Marxist archaeology. Cambridge, England. Cambridge University Press.
- Gilman A.* 1989. Marxism in American archaeology // Lamberg-Karlovsky C. C. (ed.). Archaeological thought in America. Cambridge, Mass., Cambridge University Press.
- Harris M.* 1979. Cultural materialism.: The struggle for a science of culture. New York and Keith, Vintage books and Hart.
- Kolakowski L.* 1978. Main currents of Marxism. Oxford, England, Oxford University Press.
- Klejn L. S.* 1973. Marxism, the Systemic approach, and archaeology. // Renfrew C. (ed.). Explanation of culture change: Models in prehistory. London, Duckworth.

1994. Russia's archaeology at the turning point. // VI Russian-Spanish Congress on History, November 1992. Madrid, Publication of Fundacion Cultural Banesto.
- Ligi P.* 1993. National Romanticism in archaeology: The paradigm of Slavonic colonization in North-West Russia // Fennoscandia Archaeologica X. 1993.
- Montena J.* 1980. Marxism y arqueologia. Mexico City, Mexico.
- Mouzelis N.* 1988. Marxism or post-Marxism? // New Left Review, 167.
- Spriggs M.* (ed.). 1984. Marxist perspectives in archaeology. Cambridge, Mass., Cambridge University Press.
- Saitta D.* 1989. Dialectics, critical inquiry, and archaeology. // Wylie A. and Pinsky V. (eds.). Critical traditions in contemporary archaeology. Cambridge, Mass., Cambridge University Press.
- Trigger B. G.* 1984. Marxism and archaeology // Macquet J. and Daniels N. (eds.). On Marxian perspectives in anthropology: Essays in honor of Harry Harry oijer 1981. Malibu, Undena Publications.
1985. Marxism in archaeology: real or spurious? // Reviews in Anthropology, vol. 12.
1989. History and contemporary American archaeology: a critical analysis. // Lamberg-Karlovsky C. C. (ed.). Archaeological thought in America. Cambridge, Mass., Cambridge University Press.
- Willey G. R., Sabloff J. A.* 1974. A history of American archaeology. San Francisco.

С.В.Белецкий, Ю.М.Лесман

"СТОЛИЧНАЯ" И "ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ" АРХЕОЛОГИЯ: ПЕРЕМНЫ 70-90-Х ГГ.

Заключительный этап развития советской археологии (1970 — 1980-е гг.) ознаменовался существенными переменами, в известной мере превосхитившими т.н. "перелом" (Л.С.Клейн) кон.1980 — нач.1990-х гг. Перемены эти происходили постепенно, и конечный результат — нынешние отношения между "столичной" и "провинциальной" (понятия территориальные, а не оценочные) археологией — для многих стал неожиданностью, хотя с нашей точки зрения, этот результат является закономерным следствием протекавших процессов.

Предпосылки. С середины 1970-х гг. резко увеличилось количество экспедиций и отрядов, проводящих самостоятельные полевые исследования: это хорошо отражают информативные сборники "Археологические открытия". Рост числа экспедиций связан не только с выходом на профессиональную арену нового поколения исследователей, но в большей степени с изменениями экономического статуса экспедиций. Подавляющее большинство экспедиций предшествующего времени по организационной структуре, ставившимся и решавшимся задачам и основным источникам финансирования можно разделить на четыре группы: 1) небольшие, академические по своим задачам экспедиции различных НИИ, включавших подразделения академического профиля (прежде всего, собственно ИА АН СССР, республиканские институты истории, соответствующий НИИ в Новосибирске); 2) небольшие экспедиции музеев, ориентированные, прежде всего, на пополнение коллекций и экспозиций; 3) экспедиции вузов относительно многочисленные за счет обилия практикантов, но часто не имевшие продуманной научной программы и целей; 4) создаваемые на базе НИИ или (реже) вузов и музеев масштабные новостроечные экспедиции в зонах "ударных строек". Последние, безусловно, многократно расширили источниковую базу по ряду важнейших научных проблем и стали прекрасной школой для целого поколения "столичных" археологов. Однако по сути эти экспедиции продолжали традиции предвоенного "метростроя": ассигнования, хотя и закладывались в сметную стоимость хозяйственных работ, но на деле являлись бюджетными. Археологические работы на новостройках как 1930-х, так и 1940-1950-х гг. не только стали наиболее масштабными раскопками, но сопровождалась оперативным и качественным изданием результатов этих раскопок. Фактически, работы таких "гигантов", как Волго-Донская экспедиция явились политическими акциями режима. Не случайно в 30-50-е гг. рабочей силой в по-

добных экспедициях-гигантах зачастую были заключенные.

Иное дело новостроечные экспедиции 1970-1980-х гг. На эти годы пришелся качественный скачок в совершенствовании системы охраны археологических памятников в СССР. Постепенно становились реальностью охранные зоны культурного слоя древнейших городов, разработанные энтузиастами-профессионалами; со скрипом, но налаживался учет (а порой и контроль за сохранностью) памятников археологии в сельской местности; входило в практику предусмотренное законодательством предварительное согласование крупных строительных работ с органами охраны памятников; разворачивались реставрационные (а, следовательно, и сопутствующие им археологические) работы на памятниках архитектуры. Расширение числа памятников, нуждающихся в проведении оперативных спасательных раскопок, требовало привлечения большого числа профессионалов-археологов, способных не только качественно, но и своевременно выполнить необходимый объем работ. Следствием стало возникновение многочисленных новостроечных экспедиций. Безусловно, налицо их сходство с масштабными археологическими исследованиями в зонах "ударных строек". Однако есть принципиальное, качественное отличие: именно в 1980-е годы деятельность новостроечных экспедиций не только стала почти повсеместной, но согласно существовавшему законодательству стала полностью финансироваться из средств, отчисляемых заказчиками строительными и иными организациями, осуществляющими работы в зоне археологических памятников.

Фактически, именно массовое появление хозяйственных экспедиций создало базу для новых экономических отношений в археологии. Раскопки разрушающихся памятников, разведочные обследования с последующей паспортизацией выявленных памятников, интенсифицировавшиеся спасательные раскопки в черте охранных зон в городах стали не только фактором резкого увеличения источниковой базы по самым различным проблемам археологии (а с началом масштабного профессионального изучения т.н. "поздних слоев" в древнерусских городах и по разнообразным проблемам истории России эпохи Нового и даже Новейшего времени), но также существенным источником доходов для сотен людей, что ускорило начавшееся на рубеже 1970-1980-х гг. формирование дееспособных групп профессиональных археологов в областных центрах. Появлению таких групп способствовали региональные археологические

студенческие конференции (РАСК): с конца 1960-х гг. они проводились поочередно в разных городах СССР, что стимулировало развитие местных научных центров в большей степени, нежели участие провинциалов в работе Всесоюзных археологических студенческих конференциях (ВАСК); последние традиционно проводились в Москве и являлись слепком с Всесоюзных археологических сессий ИА АН СССР. Следует отметить, что на Урале и в Сибири процесс децентрализации начался раньше, чем в европейской части Союза.

Состояние. Качественное изменение организационной структуры полевых археологических исследований наметилось к концу 1980-х гг.: большие новостроечные экспедиции постепенно изменили первоначальные функции, превратившись в одних случаях в координирующие и организующие центры, а в других (когда концепция научного осмысления результатов масштабных раскопок оказалась не только не разработанной, но, зачастую, не вполне ясной самим руководителям работ) в надстройку, паразитирующую на археологах, по семь-восемь месяцев в году работающих непосредственно на объектах. Именно в это время реальная инициатива, а, следовательно, и финансирование начали переходить к мобильным неформальным группам, иногда столичным, но чаще местным, уже сложившимся в областных центрах и, таким образом, востребованным. При этом плановое централизованное управление теснилось рыночными отношениями, при которых материальное благополучие и сама возможность профессиональной работы определялась активностью исследователей, следящих за планами работ строительных организаций и изменениями конъюнктуры всесоюзных и республиканских кампаний по охране памятников истории и культуры. В той или иной степени эффективная система охраны археологических памятников сформировалась в это время именно в тех регионах, где сложились местные археологические коллективы. Перестройка рубежа 80-90-х гг. легализовала и облегчила, а постперестроечный период и стимулировал фактический переход инициативы от крупных, в большинстве своем столичных экспедиций к небольшим, преимущественно региональным центрам.

Плюсы и минусы. Процесс этот имеет как позитивные, так и негативные стороны. С одной стороны, именно местные археологи имеют возможность постоянно контролировать состояние памятников и их сохранность, а также оперативно реагировать на любые "непредвиденные" (чаще всего вполне предсказуемые) ситуации. Масштабные спасательные раскопки 1980-х гг. к середине 1990-х гг. заметно сократились из-за сокращения объемов крупного строительства, однако необходимость в такого рода работах не пропала: в условиях сегодняшней неразберихи в законодательстве а порой полного правового беспредела, когда союзные законы перестали, а российские (находящиеся в состоянии пересмотра) еще не начали работать, именно коллективы археологов, сформировавшиеся в регионах реально вытягивают на своих плечах основной груз многомесячных спасательных раскопок "от снега до снега"

Вряд ли, однако, есть основание говорить о повсеместном сложении провинциальных археологических школ. Речь, по-видимому, может идти, прежде всего, о ярких личностях, вокруг которых естественным образом складывались вначале коллективы постоянных сотрудников (т.н. "офицерский состав") экспедиций, и только позднее из этих "полупрофессиональных" групп рекрутировались профессионалы. Разумеется, "ядра групп" с 1970-х гг. формировались вокруг археологов, работавших в местах образования группы. Часто ими действительно были преподаватели местных вузов или сотрудники краеведческих музеев. Важную роль сыграли школьные кружки во Дворцах и Домах пионеров. Однако фактором формирования дееспособных групп в регионах во многих случаях становились столичные экспедиции, в которых будущие местные профессионалы делали свои первые шаги еще школьниками или студентами. Просматривается определенная аналогия с большими экспедициями 40-60-х гг.: эти экспедиции стали "кузницами кадров" для союзных республик (главным образом среднеазиатских). Сходство процессов, протекавших в 50-60-е гг. в союзных республиках и в 70-80-е гг. в российских регионах подкрепляется и тем, что в обоих случаях конечным результатом процесса становились попытки "учеников" избавиться от опеки "учителей": и в одном, и в другом случаях речь идет о естественных попытках (порой — достаточно грубых) сломать механизм жесткой централизации.

С другой стороны, местные кадры далеко не всех центров имели возможность пройти хорошую школу полевых и особенно кабинетных археологических исследований (низкий теоретический уровень ограничивает круг вопросов, которые исследователь способен задать памятнику в процессе раскопок). Конечно, "столичность" археолога еще не гарантировала высокого качества раскопок: порой исследователи из столиц и в 70-90-е гг. проводили раскопки на уровне, значительно ниже даже самых скромных требований. В ряде случаев принятая методика раскопок уже не отвечала современному состоянию развития науки (требование существующих методик обязательного пластового вскрытия и соответствующей фиксации, что неприемлемо для "сухого" слоя, раскопки которого должны вестись исключительно по стратиграфическим слоям и с обязательной фиксацией материала по прослойкам). И все-таки школа полевых исследований проводимых специалистами из традиционных центров, в большинстве своем была заметнее выше, нежели работы, проводимые в регионах и остававшиеся вне поля зрения столиц (особенно, если эти работы формально соответствовали утвержденным методикам).

Повсеместное и в столицах, и в регионах снижение качества земляных работ, фиксации, полевой документации началось именно в новостроечных экспедициях, а наиболее заметно это было в тех случаях, когда масштабы работ явно не соответствовали количественному и качественному составу сотрудников на каждом конкретном объекте, сжатым срокам работ, требовавшим завершения исследований на объекте в ноябре-де-

кабре (т.н. "подледная археология", практиковавшаяся в 1980-е гг.). Следствием стало формирование целого поколения местных специалистов, уже не умеющих копать иначе. Опять-таки, эта характеристика отнюдь не адресована всем и каждому, однако в своей массе археологи, приобретающие основной профессиональный опыт, т.е. сформировавшиеся в крупных новостроечных экспедициях 70-80-х гг., вынесли из этих экспедиций далеко не всегда все самое лучшее с точки зрения современных требований к полевым исследованиям. С расширением же масштаба работ и их децентрализацией проблема обеспечения качества раскопок встала особенно остро: нередко археологам стало выгоднее раскопать памятник, нежели обеспечить его сохранность. Сроки, на которые из финансовых соображений порой соглашались исследователи, часто не гарантируют качественное проведение работ, а квалификация исследователя, которому поручается проведение работ, далеко не всегда соответствует сложности изучаемого объекта.

Снижение уровня кабинетных научно-исследовательских работ, в последние десятилетия, к сожалению, также стало скорее правилом, нежели исключением. И дело здесь не только в заметном ухудшении материального положения исследователей, вынужденных искать дополнительные заработки, отвлекаясь от своей непосредственной профессиональной деятельности: в конечном счете, археологи в массе своей никогда не были людьми обеспеченными, а нынешнее, в прямом смысле слова "голодное" существование, хочется думать, все-таки явление временное. Но если в столицах поддерживается (хотя подчас и ценой невероятных усилий) в какой-то мере удовлетворительный уровень осмысления материалов и результатов раскопок, то в регионах дело обстоит значительно хуже. Прежде всего, это связано с отсутствием в провинции возможностей ежедневного профессионального общения с себе подобными. В 50-80-е гг. выпускники головных учебных заведений страны (кафедры археологии ЛГУ и МГУ), переехав на постоянное жительство в провинцию и утратив такую возможность, зачастую теряли квалификацию и превращались (если только не спивались) в лучшем случае в краеведов высокого класса, но чаще в практиков, озабоченных собственной "непризнанной гениальностью". Это не вина исследователей — это их беда, в большой степени обусловленная все теми же десятилетиями сверхцентрализации, при которой на всю страну были две-три приличных археологических библиотеки, два-три архива, и один всесоюзный журнал, очередь на публикацию в котором растягивалась на годы.

Однако начавшийся необратимый (надеемся) процесс децентрализации и высвобождения из под опеки идеологических структур, хотя и привел в конце 80-х и 90-е гг. к резкому увеличению объема печатной продукции, но, в то же время, сделал для специалистов недоступной большую часть этой малотиражной литературы. Столичные издания, в той или иной мере, но до регионов доходят, а вот обратное движение литературы из регионов в столицы почти полностью прервано. В отсутствие профессиональной критики провин-

циальные издания, фактически, обращены к узкому кругу читателей — самим авторам и работающим с ними бок о бок начинающим исследователям. Это приводит к своего рода консервации "потолка" исследовательских возможностей. Однако именно на этот "потолок" начинает ориентироваться новое поколение специалистов, теперь уже представители собственно региональных школ. Возникла угроза нарастающего снижения профессионального уровня.

Задачи. Происходящая в настоящее время "регионализация" археологических исследований совершенно естественно вытекает из событий предшествующих десятилетий: отечественная археология как в капле воды отражает процессы, протекающие в обществе. В такой ситуации необходимо, на наш взгляд, спокойно и взвешенно подходить к разрешению всех неизбежных в новых условиях конфликтных ситуаций. Вряд ли борьба между столичными и провинциальными специалистами за договора на проведение работ пойдет на пользу памятникам, тем более, когда в эти взаимоотношения грубо вмешиваются околонучные факторы, такие как, например, избирательность в выдаче Открытых листов, с одной стороны, и принятие местных Законов, запрещающих "чужим" вести работы "на нашей территории", с другой. И то, и другое плохо, но не следует путать причину и следствие: местные преграды на пути столичных специалистов — это тот же парад суверенитетов, которым в конце 80-х начале 90-х гг. союзные и автономные республики ответили на диктат "центра". Во что это вылилось хорошо известно. Борьба с "археологическим сепаратизмом" регионов, опираясь исключительно на силовые методы бесперспективно: в современных условиях это может привести в лучшем случае к разрушению традиционных связей между столичной и провинциальной археологией, а такой разрыв вряд ли пойдет на пользу нашей науке.

Совершенно очевидно, что требуется серьезная, коренная перестройка всей системы археологической службы в России. Необходимо *de jure* закрепить складывающуюся *de facto* децентрализацию. Сохранение централизованного учета всех археологических полевых исследований в России необходимо, как необходимо и централизованное хранение отчетов по этим исследованиям. Это — единственная возможность контроля за качеством проводимых раскопок. Однако орган, обеспечивающий правовое положение профессиональной полевой археологической деятельности в масштабах всей страны не может оставаться структурным подразделением конкретного научно-исследовательского института — в современных условиях это означает искусственное сохранение ведомственного монополизма. Структурное подразделение типа Полевого комитета, отвечающее за выдачу Открытых листов должно стать, как и вся система государственного надзора (по образцу Прокуратуры), независимой службой, подчиняющейся лишь высшему законодательному органу страны. Существующая разрешительная система выдачи Открытых листов на право ведения полевых археологических исследований должна быть сохранена, но основным условием выдачи или не выдачи Открытого листа должны стать независи-

мые экспертные оценки профессиональной деятельности археолога. К таким экспертизам должны привлекаться профессионалы-археологи из основных научных центров Российской Федерации. Именно проведение независимых экспертиз должно, на наш взгляд, гарантировать полевые археологические исследования в стране от резкого понижения методического уровня — весьма вероятного итога "археологической суверенизации" российских регионов.

Столичным специалистам следует привыкнуть к разрушению монополии на ведение работ, к конкуренции за объекты исследования и средства на проведение этих исследований. Попытки сохранить монопольное право на тот или иной вид деятельности не приведут к улучшению качества работ: "столичность" специалистов постепенно перестает быть гарантией исключительной

квалификации — уже сейчас в ряде регионов России сформировались структурированные археологические службы со строго очерченным кругом профессиональных обязанностей, причем важным преимуществом этих служб является и большая оперативность в деятельности, и значительно лучшее знание местных условий.

Важнейшей задачей, стоящей перед столичными профессионалами является необходимость максимально содействовать повышению профессионального уровня коллег из регионов. Только равноправные партнерские отношения, а не агрессивный снобизм с одной стороны и агрессивная же ограниченность с другой способны в конечном счете превратить провинциальные археологические группы в региональные научные центры, покрывающие своей сетью всю территорию России.

ХРОНИКА

ТРИДЦАТИЛЕТИЕ ВАРЯЖСКОЙ ДИСКУССИИ (1965-1995)

Дискуссия по "норманнской проблеме" (обсуждение монографии И.П. Шаскольского "Норманская теория в современной буржуазной науке". Л., 1965) состоялась в стенах истфака ЛГУ 22 декабря 1965 г. Это время нельзя назвать даже "поздней оттепелью" шестидесятых, однако именно в те годы на кафедре археологии ЛГУ начал действовать Проблемный семинар Л.С. Клейна, и "варяжский вопрос" был первой из проблем, на которой сосредоточились участники семинара (позднее развернулась и хронология эпохи бронзы, и теоретическая проблематика). Тридцать лет спустя, в декабре 1995 г. Проблемный семинар проф. Л.С. Клейна на базе Европейского университета в Санкт-Петербурге и в зале Ученого совета Исторического факультета СПбГУ провел международный коллоквиум, посвященный тридцатилетию "варяжской дискуссии" 1965 г.

Коллоквиум продолжался четыре заседания 13-14 декабря 1995 г., собирая ежедневно до 50 и более специалистов. Из 20 заявленных докладов было заслушано 16 (не все зарубежные участники успели вовремя преодолеть визовую процедуру), каждый доклад сопровождался обстоятельным обсуждением и дискуссиями. Материалы коллоквиума, вместе с поступающими от многолетних участников семинара дополнениями готовятся к публикации.

Что, наверное, наиболее существенно: семинар объединил ученых, работающих в разных учреждениях Санкт-Петербурга и Москвы и представляющих практически все действующие поколения историков и археологов — от руководителя и основателя Проблемного семинара Л.С. Клейна и авторитетного поколения его сверстников (А.Н. Кирпичников), первых слушателей семинара и прямых участников "варяжской дискуссии" 1965 г. (Г.С. Лебедев), "хольдов" из "младшей дружины" (Е.Н. Носов, Ю.М. Лесман, С.В. Белецкий, Н.И. Платонова, С.В. Томсинский, О.И. Богуславский) до нынешних аспирантов и дипломантов (вплоть до плановых курсовых работ студентов второго-третьего курса, включенных в программу работы коллоквиума). Проблемный семинар, таким образом, представил в живой конкретике то понятие, содержание и судьба которого вызывает сейчас определенное общественное внимание и оправданную тревогу: научная школа. Не случайно один из заключительных докладов так и назывался — "Петербургская школа российской археологии в изучении "варяжской проблемы" (А.А. Хлевов), а в программу коллоквиума вошла презентация научного сборника "Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки" (СПб., 1995, отв. ред. И.Л. Тихонов).

Современная петербургская (ленинградская) школа археологов в изучении варяжской проблемы последовательно и целенаправленно восстанавливала научные традиции революционной русской либеральной историографии — таков фундаментальный вывод Е.Н. Носова в докладе на пленарном заседании семинара. Он вполне согласуется и с обзором конкретного развития проблематики в обобщающем докладе Л.С. Клейна: "антинорманизм" как искусственная идеологическая конструкция находится за пределами строгого научного знания (как, следовательно, и дискуссия "антинорманистов" и "норманистов", на всех этапах истории отечественной науки сохранявшая политический, а не исследовательский характер). В основании парадигмы

научного знания отечественной истории, как для прежних, так и для действующего поколения историков остается, во времена "Повести временных лет", сохраненная ею "варяжская легенда". Потенциал этого свидетельства, дополняемого и поздними летописными версиями, и впечатляюще согласующегося с непрерывно нарастающими данными археологии и смежных дисциплин, убедительно раскрыт в докладе А.Н. Кирпичникова.

Конкретные аспекты "варяжского вопроса", безусловно, не потеряют своей актуальности именно в силу последовательного расширения базы данных. Происхождение названия "Русь" по-прежнему остается предметом исследования как отечественных, так и зарубежных ученых. В докладах Юхана Калмера (Берлин) и Хокона Станга (Осло) последовательно углубляются хронологические горизонты бытования первоисточника этого имени в древнесеверной (финно-скандинавской, древнегерманской) среде V-VI или II-III вв. по Р.Х. Проблема рассматривается на сочетании археологических, письменных и лингвистических данных. Для понимания свидетельств о славянах и "руссах" IX-X вв. особое значение имеет рафинированная методика критики источников — восточных (доклад молодого арабиста А.С. Матвеева) и византино-русских (этиюд Н.И. Платоновой о договорах Византии и Руси).

Современное состояние "варяжской проблемы" во многом определяется согласованным изучением отечественных и скандинавских исторических источников. Российская скандинавистика не без воздействия археологических разработок за последние тридцать лет серьезно продвинулась в систематизации этих источников — от посмертной публикации "Россики" Е.А. Рыдзевской (1978) к монументальным сводам известий рунических надписей и саг. Доклады московских скандинавистов Т.Н. Джаксон и Г.В. Глазыриной продемонстрировали плодотворность соединения этих источников с археологической систематизацией "норманских древностей Киевской Руси", начатой после дискуссии 1965 г. Расширение круга зарубежных источников и конкретных тем — задача нового поколения скандинавистов, представленного исследованиями И.Б. Губанова, вовлекающего в научное обращение материалы героического эпоса "Беовульф".

Славяно-скандинавские, равно как славяно-финские, славяно-балтские и проч. взаимодействия, канву которых можно наметить по письменным источникам, на основе археологической систематизации становятся перспективным объектом междисциплинарного исследования, а в этом контексте раскрывается новый потенциал и конкретных частных дисциплин. Так, для Ладоги и Приладожья, зоны наиболее раннего проникновения скандинавов в пределы Руси, весьма информативным становится ископаемый антропологический материал, освещенный в докладе С.Л. Санкиной. Краниометрия дополняет представления о сложных социо-демографических процессах, проявляющихся в облике археологических культур. Молодое поколение исследователей стремится выработать собственный объективный подход к характеристике таких явлений, как "дружинная культура" (доклад К.Л. Михайлова). С другой стороны, традиционная типология украшений, включенная в широкий общеевропейский и общерусский контекст,

позволяет раскрыть глубинные аспекты этно-культурных взаимодействий (генезис "кривичских" височных колец в разработке Ю.М.Лесмана). В целом, изучение динамики этно-культурных процессов в северо-западном регионе России подошло к новому качественному рубежу, когда необходимой становится переоценка многих устоявшихся представлений о таких явлениях, как "культура сопок", "длинные курганы" и др.: это убедительно показали на основе систематичной хронологии Старой Ладogi и связанного с ней круга древностей С.Л.Кузьмин и О.И.Богуславский.

Центром тяжести культурных процессов генезиса Руси все отчетливее выступает русский город, архаические формы процесса урбанизации. Этот вывод, обоснованный и в историографическом обзоре Е.Н.Носова (ведущего исследователя Рюрикова городища под Новгородом), намеченный 20 лет назад в первых сопоставлениях Гнездова и Бирки (ключевых памятниках "варяжской проблематики" в археологическом аспекте), в последние десятилетия подкрепили, прежде всего, открытия в Старой Ладoge. Доклад Е.А.Рябинина, посвященный этим работам, был прочитан 22 декабря 1995 г. (строго в календарную годовщину Варяжской дискуссии 1965 г.) на староладожских чтениях, посвященных памяти А.Д.Мачинской. Однако ладожские материалы и параллели привлекались практически в каждом из докладов семинара и по ходу дискуссии. Теоретико-методологические положения, раскрывающие архаические формы северного урбанизма, успешно реализуются в изучении широкого круга городских центров различного ранга: от "стольного" Пскова (при далеком не ясном, как оказывается, разграничении его с "Изборском варяжского предания") в докладе С.В.Белецкого до известного в X в. лишь по археологическим данным Углича на Балтийско-Волжском пути (доклад С.В.Томсинского).

В целом, три десятилетия работы археологов, историков, филологов, нумизматов и других специалистов по ранней истории Руси и Северной Европы можно выразить как последовательный переход от жесткой альтернативы "норманисты"/"антинорманисты" к разрыванию широкого спектра взаимосвязанной проблематики. "Россика" ранних источников дифференцируется, и "Варангика" — выявление скандинавского пласта событий и свидетельств — неразрывно связана со "Славикой" Северной Руси, проблематикой достоверно славянских древностей, культур, памятников и центров, в которых развивались отношения славян и варягов VIII-XI вв. Этно-культурные и другие процессы охватывали полиэтничную среду. Северо-запад Восточной Европы — арена взаимодействия славян и скандинавов, финнов и балтов. Актуальными становятся исследования этих взаимодействий на конкретном локальном уровне — "регионалистика" Ладogi и Приладожья, Приильменья, Полужья и других территорий сложения "изначальной Руси". Специфика этих процессов на северо-западной окраине восточнославянского ареала — многовековые связи и отношения славян и финно-угров, "Фенно-Славика", определившая этническую природу русских. В свою очередь, эти отношения славян и финнов, как между собой, так и с балтами и скандинавами, образуют более широкий спектр проблематики, охватываемый определением "Скандобалтика" (доклад Г.С.Лебедева).

Этап, начатый дискуссией 1965 г. и ближайшими к ней по времени публикациями определен в своих базовых результатах к сер.1980 — нач.1990-х гг., когда "советская Varangika" нашла воплощение в серии книг, и публикация исследований этого ряда продолжается. Однако наряду с традиционными уже аспектами, темами и объектами изучения "Варангики" в течение последнего десятилетия опера-

ционный характер приобретают новые, выработанные современным поколением исследователей исторические понятия и стоящие за ними историко-культурные объекты и системы, такие как "Балтийская цивилизация раннего средневековья", охватывающая дохристианский урбанизм мультиэтнической Скандобалтики эпохи викингов; "Русь Рюрика" ("Верхняя Русь", "Внешняя Русь" Константина Багрянородного) — одно из первичных раннегосударственных образований IX-X вв., представлявшее восточнославянский мир в этой "Балтийской цивилизации"; "Путь из Варяг в Греки" как система коммуникаций и центров, объединившая Балтику со Средиземноморьем. В этой системе связей Европа впервые стала ЕВРОПОЙ — христианско-феодалным целостным миром. Но в этой Европе и вместе с нею Русь впервые стала РУСЬЮ. Ответ на вечный вопрос "Повести Временных лет": "Откуда Русская земля стала", — современное поколение историков ищет, выводя на авансцену исследования не только племена и вождя, князей и походы, договоры и летописи, но и ранее не выявлявшиеся "макрообъекты": наряду с археологическими культурами, это — системы коммуникаций и центров, макрорегиональные экономические и культурные общности, явления и процессы.

Очевидно, новый этап потребует дальнейшего развития системы понятий, теоретического аспекта: в обсуждениях звучали такие новые принципы археологии и категории мышления, как "анимация артефакта" (Л.С.Клейн), "геософия России" (Д.А.Мачинский). В постановке "варяжского вопроса" — начального, а, следовательно, и ключевого вопроса отечественной истории, неизбежен выход на магистральные составляющие этой истории, на исторический путь России в координатах "Скандовизантии" и "Славо-тюркии" от "призвания варягов" до "феномена Петербурга". Этот предстоящий этап развития исторической мысли открывается в иных исторических условиях, существенно отличных от тех, в которых проходила "варяжская дискуссия" 1965 г. Одна из существенных его особенностей — нарастающее вовлечение проблематики в широкий контекст международного научного и культурного сотрудничества, взаимопонимания и взаимодействия. Показателем его, в частности, стало появление новых международных изданий историко-культурного профиля. Проблемный семинар 1995 г. познакомился с одним из таких изданий — новым эстонско-русским журналом "Austrvegr/Восточный путь". Симптоматично, что первый тираж международного издания в Таллине вышел параллельно на русском и эстонском языках, что, казалось бы, диссонирует существующим русско-эстонским политическим отношениям. Может быть, однако, в самом деле "десять политиков не стоят одного археолога", как было сказано одним из участников дискуссии на семинаре. Во всяком случае, тысячелетний опыт контактов и взаимодействий народов и культур Балтийского региона Европы вновь подсказывает и определяет для нас и для всех этих народов наш общий исторический путь совместного существования, сотрудничества и творчества. Петербургская школа российской археологии, безусловно, не только наработала, но и сохранила определенный, вполне конкретный опыт этого сотрудничества и творчества. И, вероятно, не только для археологов был исполнен глубокого смысла тот факт, что именно в тех стенах Исторического факультета Университета, что и 30 лет тому назад, с той же самой трибуны в последний день семинара выступали с пленарными докладами Л.С.Клейн, открывавший "варяжскую дискуссию" 22 декабря 1965 г. и А.А.Хлевов, год назад защищавший в этом же зале кандидатскую диссертацию о вкладе петербургской научной школы в изучение "варяжской проблемы".

Г.С.Лебедев

ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ НАУЧНОГО СОВЕТА ПО АРХЕОЛОГИИ ПЕТЕРБУРГА

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 7 ФЕВРАЛЯ 1996 Г.

Председатель: А. А. Фурсенко
Секретарь: С. В. Белецкий

Присутствовали: Г. С. Лебедев, А. Н. Кирпичников, В. М. Массон, В. А. Тюленев, В. А. Сатаров, Ю. В. Новиков, В. В. Носков, В. В. Колбин, Д. Г. Савинов

Председатель: короткое вступительное слово. Предлагается каждому из присутствующих коротко сформулировать свои предложения по деятельности Совета.

Г. С. Лебедев: представляет присутствующих.

В. М. Массон: 1. Основная проблема, стоящая перед Советом — сохранение культурного слоя Санкт-Петербурга. До сих пор нет законодательной базы. 2. Необходимо внимание к археологическим работам, проводимым в Ленинградской области: Москва пытается замкнуть работы в Ленобласти на Институт археологии. Необходимо возобновить программы, подававшиеся в СМ РФ, в ИА РАН. Это касается, прежде всего, работ по трассе скоростной дороги СПб.-Москва: другие области берут на себя работы в пределах своих участков трассы, а Ленинградская область пошла через ИА РАН.

В. А. Тюленев: необходимо особое внимание уделять вопросам археологических работ в акватории, морской археологии в широком смысле слова.

В. А. Сатаров: главная проблема — финансирование работ: организация потока средств, направляемых из федерального бюджета. Стремление Москвы замыкать все работы на себя, проводить все финансирование через ИА РАН приводит к задержкам, несвоевременному поступлению средств, а это, в свою очередь срывает программы по культурному наследию. Главная задача — получение средств, минуя промежуточные звенья.

Ю. В. Новиков: в Инспекции по охране памятников сложилось устойчивое равнодушное отношение к проблемам культурного слоя Санкт-Петербурга. Нужна разработка законодательной базы по охране культурного слоя. Необходимо разработка охранных зон культурного слоя Санкт-Петербурга — это «белое пятно».

Д. Г. Савинов: в продолжение темы «культурный слой Петербурга» — необходим очень строгий контроль за деятельностью строительных организаций, проводящих земляные работы в черте исторической части города. Привлечение к этим работам студентов кафедры археологии СПбГУ — польза и для дела в целом, и в плане учебного процесса. В условиях резкого усложнения проведения полевых археологических практик (нет денег) археологические работы в Петербурге станут очень важным элементом учебной программы кафедры; это, безусловно, получит поддержку со стороны ректората.

В. В. Колбин: выражена готовность поддерживать программы по морской археологии, готовность спонсировать международную экспедицию. Необходимо подвести итоги подводных археологических исследований 1994/95 гг. в акватории, может быть — путем проведения специального семинара уже весной 1996 г. с привлечением узкого круга специалистов и инвесторов. Есть пути коммерциализации результатов подводных исследований.

С. В. Белецкий: важнейшая проблема — спасение культурного слоя Петербурга, который в результате строительной и иной деятельности подвергается все более масштабному уничтожению. Поддержка предложения Савинова о привлечении к работам студентов — не только кафедры археологии СПбГУ, но и исторических факультетов в других вузах, где также остро стоит вопрос о прохождении полевой археологической практики.

В. В. Носков: проблема археологических работ в зоне скоростной магистрали: в городских и областных органах охраны памятников работы в этом направлении, кажется, не ведутся. Требуется создание специальной службы для регистрации и охраны памятников археологии, взаимодействия со строительными и иными организациями, проводящими работы, представляющие угрозу для памятников археологии. Поддерживается необходимость разработки комплексной программы спасения культурного слоя Петербурга.

А. Н. Кирпичников: 1. Подготовка правовой документации по охране и спасению культурного слоя Петербурга. 2. Комплексные подводные исследования под Выборгом. 3. Комплексное историко-археологическое изучение Старой Ладоги (включая подводные работы). 4. Археологические исследования по трассе скоростной магистрали СПб.-Москва. 5. Ряд конкретных проектов, которые следует продумать и специально обсудить (международный Круглый стол по археологии Балтийского региона).

Г. С. Лебедев: 1. На максимально высоких уровнях зафиксировать сферу полномочий Совета (письменные обращения в МК РФ, Мин. Науки РФ, Правительство РФ; в органы муниципальной власти). 2. Письменное обращение Совета в Мэрию и Законодательное собрание с предложениями по охране культурного слоя Петербурга. 3. Поддержано предложение Кирпичникова о проведении Круглого стола по археологии Балтийского региона (городская археология Ганзейского пространства).

В. А. Тюленев: проблема взаимоотношения с органами власти на местах. Необходима региональная законодательная база, письма на места со ссылками на существующую законодательную базу (положение об Открытых листах на право проведения работ).

Ю. В. Новиков: в Инспекции нет списков на памятники археологии.

Д. Г. Савинов: мы не первые в области изучения археологии Петербурга (Грач, Лебедев и др.). Надо не только разрабатывать положение о культурном слое Петербурга, но и подвести итоги тому, что делалось в этом направлении. По поводу спонсорства: прежде чем искать спонсоров надо начать работать — вначале работать, а уже потом просить. Необходимо сделать правилом издание материалов раскопок в Петербурге и области. И не только.

Г. С. Лебедев: продолжая мысль Савинова и Колбина —

необходима организация выставок.

Председатель: из всего того, что говорилось ясно, что есть две приоритетные проблемы: деньги и законодательная база по Петербургу и области. Деньги надо брать отовсюду, где их можно получить. Вопрос о деньгах, которые проходят через ИА РАН: следует уточнить возможности федеральной программы для Петербурга. Обращения в Правительство РФ и т.п. — стоит ли. Москва далеко. Впрочем — можно такое письма направить, но после детальной проработки вопроса здесь. И лучше — через ИА РАН. Законодательная база по археологии Петербурга и области. Выступления в Мэрии,

в Законодательном собрании — не проблема, то же и письма. Но, опять-таки — целесообразно после проработки вопросов. Совещания по проблемам культурного слоя Петербурга и по работам на акватории: их провести целесообразно, но их надо готовить. Проблема одновременной работы нескольких дублирующих друг друга групп: распыление сил и средств, надо постараться привести к общему знаменателю. Особая проблема — борьба с "пиратством" в археологии. Это тоже связано с вопросом о законодательной базе. Предлагается следующее заседание провести в апреле, по вопросам культурного слоя Петербурга.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 23 АПРЕЛЯ 1996 Г.

Председатель: А. А. Фурсенко

Секретарь: С. В. Белецкий

Присутствовали: А. М. Ельяшевич, Г. С. Лебедев, А. А. Ковалев, А. Н. Кирпичников, М. Б. Пиотровский, Т. А. Попова, В. М. Массон, В. А. Тюленев, В. А. Сатаров, Ю. В. Новиков, В. В. Носков, В. В. Колбин, Д. Г. Савинов

Председатель: открывает заседание. По повестке дня слово Ученому Секретарю. Напоминание о регламенте: 7-10 минут.

Секретарь: объявляет повестку дня — доклады П. Е. Сорокина и Г. С. Лебедева.

П. С. Сорокин: "Археологические исследования Санкт-Петербурга".

А. М. Ельяшевич: в каком состоянии разработка законодательной базы?

Секретарь: эти вопросы в докладе Г. С. Лебедева.

Председатель: предлагается обсудить оба доклада вместе.

Г. С. Лебедев: "Методические основания археологического изучения, охраны и использования культурного слоя Санкт-Петербурга (проект)". Проект программы подготовлен в СПбФ РНИИ культурного и природного наследия. В дополнении к представленному тексту сообщается о программе археологических работ в Санкт-Петербурге в 1996 г. и предполагаемом финансировании работ (средства, выделяемые Законодательным собранием в объеме ок. 600 млн. руб.). Подробнее об этом скажет А.А.Ковалев. Кроме того необходимо издание материалов Совета. Два доклада настоящего заседания могли бы составить основу первого выпуска альманаха "Археология Петербурга", который должен выходить под грифом Совета. Подробнее об этом скажет С. В. Белецкий.

А. М. Ельяшевич: предлагаемые в докладе Г. С. Лебедева структура археологической службы и программа работ в Санкт-Петербурге в 1996 г. Мэрия принимает к сведению. Готовы в полной мере поддержать программу.

С. В. Белецкий: демонстрирует оригинал-макет 1-го выпуска альманаха "Археология Петербурга". Целью предлагаемого альманаха должно стать оперативное введение в научный оборот результатов археологических исследований в Петербурге и его окрестностях, а также документов деятельности Совета. Но это только одна из задач издания. Предполагается, что альманах должен содержать ряд постоянных разделов, включающих научные статьи и сообщения по узловым проблемам археологии Северо-Запада России, информацию об археологических исследованиях в Балтийском регионе, хронику научной жизни Петербурга и региона. Альманах должен выходить под общей редакцией Председателя Совета. Редколлегия альманаха предлагается в составе Председателя, Заместителей Председателя и Ученого Секретаря Совета.

А. А. Ковалев: из депутатского фонда в 5 млрд. руб. основную сумму предполагается направить на ремонт и реставрацию храмов Петербурга; 400 млн. руб. — на собственно археологические работы. Еще приблизительно 200 млн. руб. на археологические исследования заложено в программу реставрации храмов. Издание двух первых выпусков

альманаха можно было бы осуществить из средств того же депутатского фонда.

Председатель: хотел бы услышать мнение В. М. Массона.

В. М. Массон: передает слово А. Н. Кирпичникову.

А. Н. Кирпичников: Слой в пределах С.-Петербурга и в его ближайших окрестностях нуждается в охране. Строительство ведется произвольно. Необходимо разработать законодательную базу для принятия под охрану. Предложения Г. С. Лебедева следует обсудить детально. Необходимо разработать зон охраны культурного слоя С.-Петербурга и продуманная программа работ: это на перспективу. Очень важно, чтобы была конституирована муниципальная археологическая экспедиция (м.б. при мэрии), возглавить ее мог бы П. Е. Сорокин. Его же следует рекомендовать директором музея Александра Невского в пос. Усть-Ижора.

М. Б. Пиотровский: предложения Г. С. Лебедева по структуре археологической службы и программе работ в Санкт-Петербурге на 1996 г., а также идею издания альманаха "Археология Петербурга" следует поддержать.

Ю. В. Новиков: в ГИОПе понятие "культурный слой" долгое время было, по сути дела, неизвестно. Необходимость охраны культурного слоя как памятника истории и культуры в ГИОПе конституировано благодаря А. Н. Кирпичникову. Надо подключать инспекцию к разработке проекта охранных зон в городе и его ближайших окрестностях. В инспекцию необходимо сдавать экземпляры отчетов по археологическим исследованиям в Петербурге.

А. А. Ковалев: готовы ли в ГИОПе принять документацию (паспорта) по Красносельскому району для включения в списки памятников, находящихся под охраной (50-70 памятников)?

П. Е. Сорокин: памятников больше — до 120-140.

Ю. В. Новиков: это реально.

Председатель: слово докладчикам.

П. Е. Сорокин: необходимо поставить под охрану уже известные памятники археологии Петербурга и окрестностей. За основу проекта законодательных документов можно было бы взять материалы доклада Г. С. Лебедева, просить СПбФ РНИИ культурного и природного наследия продолжить работу над пакетом документов.

Г. С. Лебедев: Предлагаемые методические материалы, безусловно, целесообразно обсудить в деталях. После обсуждения проекта и внесения в него необходимых коррективов и дополнений, пакет документов можно было бы представить для повторного обсуждения к осеннему заседанию Совета.

В. В. Колбин: предлагает поставить в известность о программе Г. С. Лебедева научно-методический совет при Комитете управления городским хозяйством.

Председатель: просит А. Н. Кирпичникова подробно по-

знакомиться с методическими материалами Г. С. Лебедева и обсудить их на заседании Отдела славяно-финской археологии в ИИМК РАН.

Секретарь: проект решения Совета на руках, какие будут замечания, дополнения, уточнения?

Председатель: предлагаются коррективы к проекту.

Решение Совета:

I. Рекомендовать "Методические основания археологического изучения, охраны и использования культурного слоя Санкт-Петербурга (проект)", представленные директором СПбФ РНИИ культурного и природного наследия Г. С. Лебедевым к обсуждению в качестве основы для разработки пакета законодательных документов по охране и ис-

пользованию культурного слоя Санкт-Петербурга.

II. Одобрить программу научно-исследовательских и охранных археологических работ на территории Санкт-Петербурга в 1996 г. Поручить А. А. Ковалеву информировать Законодательное собрание о программе.

III. Утвердить редколлегию альманаха "Археология Петербурга". Рекомендовать к публикации в первом выпуске альманаха доклады П. Е. Сорокина и Г. С. Лебедева.

IV. Назначить заседание Совета, посвященное результатам изучения культурного слоя Петербурга в 1996 г. и обсуждению проекта методические основания археологического изучения, охраны и использования культурного слоя Санкт-Петербурга, на четвертый квартал 1996 г.

Оглавление

ОТ РЕДАКЦИИ	5
EDITORIAL	6

АРХЕОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА Archaeology of St.Petersburg

А.А.Фурсенко. КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ПЕТЕРБУРГА И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ	9
A.A.Foursenko. Archaeological deposits in St.Petersburg and a problem of cultural and historical heritage protection in Russia	
Г.С.Лебедев. МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ, ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (проект)	10
G.S.Lebedev. Methodical grounds of archaeological investigation, protection and management of the cultural deposits in St.Petersburg	
П.Е.Сорокин. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ НА ТЕРРИТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	20
P.E.Sorokin. Archaeological investigations in St.Petersburg and the problem of the archaeological deposits protection	
В.А.Тюленев. ВЫБОРГСКИЙ ЗАЛИВ КАК ОБЪЕКТ МОРСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	48
V.A.Tjulenev. Viborg bay as an object of maritime archaeology	

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ И ЗАМЕТКИ Archaeological news and notices

Ю.М.Лесман. ХРОНОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДРЕВНОСТЕЙ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	52
J.M.Lesman. Medieval antiquities chronology in the Forest Zone of the Eastern Europe (possibilities and perspectives)	
С.В.Белецкий, А.А.Купранис. НОВЫЕ СФРАГИСТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ XII-XV ВВ. ИЗ ЧАСТНЫХ СОБРАНИЙ	66
S.V.Beletskyi, A.A.Kupranis. New sphragistic finds of the 12 - 14 centuries from private collections (materials for the Ancient Rus' Act Seals Corpus)	
К.А.Михайлов. "ПЕЧАТЬ ЯРОСЛАВА" В КОНТЕКСТЕ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ	93
K.A.Mikhailov. "Prince Jaroslav's seal" in a context of the Northern Europe art tradition	

ДИСКУССИИ Discussions

Л.С.Клейн. ГЛЯДЯ НА НАШЕ ВЧЕРА?	99
L.S.Klein. Looking towards our yesterday?	
С.В.Белецкий, Ю.М.Лесман. "СТОЛИЧНАЯ" И "ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ" АРХЕОЛОГИЯ: ПЕРЕМЕНЫ 70-90-Х ГГ.	107
S.V.Beletskyi, J.M.Lesman. "The capital" and "the provincial" archaeology: changes in the 70-s - 90-s	

ХРОНИКА Chronicle

Г.С.Лебедев. ТРИДЦАТИЛЕТИЕ ВАРЯЖСКОЙ ДИСКУССИИ (1965-1995)	111
G.S.Lebedev. Thirty years since "varangian" discussion (1965 - 1995)	
ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ НАУЧНОГО СОВЕТА ПО АРХЕОЛОГИИ ПЕТЕРБУРГА	113
Chronicle of the Academic Council activities	

ЕЩЕ РАЗ О ПЕЧАТИ П/VIII.агд/40*

Характеризуя печать П/VIII.агд/40 мы отмечали, что булла прошла антикварную реставрацию, и из-за толстого слоя клея, покрывавшего поверхность, легенда читается плохо. В тот момент, когда альманах уже находился в типографии, от владельца коллекции было получено разрешение на расчистку моливдовула. После удаления покрывавшего печать клея выяснилось, что при первоначальной прорисовке был допущен ряд неточностей. Публикуя новую прорисовку и уточненное прочтение легенды, мы тем самым исправляем ошибку, допущенную в тексте статьи.

Ау: надпись в пять строк

П[Е]Ч
АТЬОФ
ОНАСАОА
Є[К]САД
[РОВИ]Ч[А]

Крайне плохо читаются четвертая и пятая строки. Если вторая слева буква в четвертой строке К, то между ней и отчетливо читающейся буквой Є перед А остается достаточно места еще для одной буквы. В то же время ожидающаяся после буквы А буква Н перед Д отсутствует. Однако не исключено, что после Є помещена не К, а Н, то есть здесь имеет место перестановка букв — ЄНКСАД вместо ЄКСАД. Уверенно прочитать четвертую строку до новых находок, таким образом, не удастся. От буквы А в последней строке, как будто бы, читается верхняя часть, однако не исключено, что это дефект моливдовула, и буква Ч завершала последнюю строку.

Ау: надпись в пять строк

СТАР
ОСТ[Ы]П
ЛОТНИЦ
КО[Г]ОСТ
А

Буква Р в первой строке, и буква Ц в третьей строке вырезаны на матрице без учета на оттиск. От буквы Ы во второй строке сохранились лишь фрагменты, но можно думать, что эта буква была достаточно широкой, в противном случае между ней и предыдущей буквой Т оказывается слишком много свободного места.

Таким образом, легенда на печати читается, вероятнее всего, следующим образом: "Печать Офонаса Олекса(н)дровича // старосты Плотницкого ста".

Печать имеет трещину перпендикулярную каналу. Происхождение этой трещины очевидно: булла была согнута по горизонтальной оси, в процессе "реставрации" ее разогнули, что и привело к разрушению моливдовула. Отметим также, что самый маленький из трех фрагментов, из которых была склеена печать, возможно, не принадлежит данной булле: он не стыкуется по излому с двумя другими фрагментами и при антикварной реставрации был "посажен на клей"; кроме того, фактура поверхности свинца несколько иная, чем у двух других фрагментов.



С.В.Белецкий, А.А.Купранис

* Дополнение к статье "Новые сфрагистические памятники XII-XV вв. из частных собраний"



Отдел оперативной полиграфии
Санкт-Петербургского комитета
государственной статистики

предоставляет услуги на:


● **печать**


- брошюры
- книжно-журнальные издания
- авторефераты
- сборники научных статей
- бланки

● **брошюровочно-переплетные работы**

Санкт-Петербург, ул. профессора Попова, дом 39,
Отдел Оперативной Полиграфии

СПб Госкомстат

 235-53-67

 235-79-35